
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г.

2025. Том 9. № 2
Сквозной номер выпуска – 34

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России, по юридическим научным специальностям 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Лапаева Ангелина Вячеславовна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Моисеева Ольга Васильевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андрияшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Белорусский институт стратегических исследований (г. Минск, Республика Беларусь), главный советник отдела внутривнутриполитического анализа управления внутренней политики

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права факультета управления интеллектуальной собственностью

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета

Демичев Алексей Андреевич – д.ю.н., к.и.н., профессор. Нижегородская академия МВД России, профессор кафедры гражданского права и процесса; Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Нижний Новгород, РФ), главный научный сотрудник научного центра

Зелепукин Роман Валерьевич – к.ю.н., доцент. Арбитражный суд Тамбовской области (г. Тамбов, РФ), судья

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Микаиловна – д.ю.н., доцент. Юридический институт Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (г. Черкесск, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), и.о. директора Института права и национальной безопасности, председатель Арбитражного суда Воронежской области в отставке

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права

Махина Светлана Николаевна – д.ю.н., профессор. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права

Овсянников Игорь Владимирович – д.ю.н., доцент. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Пашенцев Дмитрий Алексеевич – д.ю.н., профессор. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, РФ), главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Редкоус Владимир Михайлович – д.ю.н., профессор. Институт государства и права РАН (г. Москва, РФ), ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса

Романовская Ольга Валентиновна – д.ю.н., профессор. Пензенский государственный университет (г. Пенза, РФ), заведующий кафедрой «Государственно-правовые дисциплины»

Романовский Георгий Борисович – д.ю.н., профессор. Пензенский государственный университет (г. Пенза, РФ), заведующий кафедрой «Уголовное право»

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, РФ), главный научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Туманова Анастасия Сергеевна – д.и.н., д.ю.н., профессор. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, ведущий научный сотрудник; НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва, РФ), профессор факультета гуманитарных наук

Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и национальной безопасности

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., профессор. Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. 148 с. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2>

Издание журнал «Актуальные проблемы государства и права / Aktual'nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Телефон редакции +7(4752)72-34-34 (доб. 3112). Электронная почта редакции: apgospravo.tgu@mail.ru

Ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов *И.В. Ильина*

Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова*

Редактор английских текстов *Н.А. Михайлова*

Администратор сайта *М.И. Филатова*

Прием статей осуществляется по адресу:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 214. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. Институт права и национальной безопасности

Телефон: 8(4752)72-34-34 (доб. 3112). **Электронная почта:** apgospravo.tgu@mail.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (на русском языке)

<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (на английском языке)

Подписано в печать 06.06.2025. Дата выхода в свет 19.06.2025

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 18,5. Усл. печ. л. 17,2. Тираж 1000 экз. Заказ 25108. Свободная цена.

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© Оформление, оригинал-макет, редактирование. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2025

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical law journal

Established in February, 2017 **2025, vol. 9, no. 2**
Continuous issue number – 34

Issued 4 times a year

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia, in law scientific specialties 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4

The establisher and publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Derzhavin Tambov State University”
(33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF: **Angelina V. Lapaeva** – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of Theory and History of State and Law Department, Law and National Security Institute

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Moiseeva** – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, Law and National Security Institute

EDITORIAL BOARD:

Maryna V. Andryiashka – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Belarusian Institute of Strategic Research (Minsk, the Republic of Belarus), Chief Advisor of Domestic Political Analysis of Domestic Policy Management Department

Sergey F. Afanasev – Dr. Sci. (Law), Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Head of the Arbitral Procedure, Advocacy and Notary Department

Elena V. Blinkova – Dr. Sci. (Law), Professor. Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil and Business Law Department of Intellectual Property Management Faculty

Alexander F. Voronov – Dr. Sci. (Law), Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil Procedure Department, Faculty of Law

Aleksei A. Demichev – Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Professor. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Professor of Civil Law and Procedure Department, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod Branch (Nizhny Novgorod, Russian Federation), Head Researcher of the Science Center

Roman V. Zelepukin – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Arbitration Court of Tambov Region (Tambov, Russian Federation), Judge

Vladimir P. Kamyshanskiy – Dr. Sci. (Law), Professor. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation), Head of the Civil Law Department, Professor of the Civil and Private International Law Department

Tauzhan M. Klimentko – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. North Caucasian State Academy Law Institute (Cherkessk, Russian Federation), Professor of Criminal Law and Procedure Department

Aleksander V. Kochetkov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Acting Director of Law and National Security Institute, Retired Chairman of the Arbitral Court of Voronezh Region

Igor B. Lagutin – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Head of the Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Court Procedure Department

Natalya A. Lopashenko – Dr. Sci. (Law), Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law Department

Svetlana N. Makhina – Dr. Sci. (Law), Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Head of the Chair of Theory and History of State and Law Department

Igor V. Ovsyannikov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Chief Research Scholar of Research Department of Scientific Center

Roman B. Osokin – Dr. Sci. (Law), Professor. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Russian Federation), Head of the Faculty of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Training

Kirill K. Pankov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Professor of Criminal Law Department

Dmitrii A. Pashentsev – Dr. Sci. (Law), Professor. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Head Researcher of Law Theory and Interdisciplinary Legislative Research Department

Nikolay I. Polishchuk – Dr. Sci. (Law), Professor. Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of Theory of the State and Law, International and European Law Department

Vladimir M. Redkous – Dr. Sci. (Law), Professor. The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), Leading Researcher of the Sector for Administrative Law and Administrative Process

Olga V. Romanovskaya – Dr. Sci. (Law), Professor. Penza State University (Penza, Russian Federation), Head of “State Law Disciplines” Department

Georgii B. Romanovskii – Dr. Sci. (Law), Professor. Penza State University (Penza, Russian Federation), Head of “Criminal Law” Department

Svetlana V. Rybakova – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Chief Researcher of Financial, Tax and Budgetary Legislation Department

Vasilii V. Profimov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Research Institute of State Legal Research, Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Law and National Security Institute

Anastasia S. Tumanova – Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Law), Professor. Center for Civil Society and Non-Profit Sector Research, Leading Researcher; Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation), Professor of Humanitarian Sciences Faculty

Vera A. Chunyaeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Criminal Law Disciplines Department, Law and National Security Institute

Andrew V. Yudin – Dr. Sci. (Law), Professor. Samara National Research University (Samara, Russian Federation), Head of the Civil Procedure and Business Law Department of the Law Faculty

For citation:

Current Issues of the State and Law, 2025, vol. 9, no. 2, 148 p. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2>

The journal “Aktual’nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), the mass media registration certificate ПИ no. ФС 77-69827 dated May 18, 2017.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 (extension 3112). E-mail: apgospravo.tgu@mail.ru

Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals *I.V. Ilyina*

Editors: *Y.A. Biryukova, M.I. Filatova*

English texts editor *N.A. Mikhailova*

Web-site administrator *M.I. Filatova*

Article acceptance:

Office 214, 181 B, Sovetskaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Derzhavin Tambov State University, Law and National Security Institute. **Telephone:** +7(4752)72-34-34 (доб. 3112). **E-mail:** apgospravo.tgu@mail.ru

Web site: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (In Russian)
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (In English)

Signed for printing 06.06.2025. Release date 19.06.2025

Format A4 (60×84 1/8). Typeface «Times New Roman». Printed on risograph.

Pr. sheet 18,5. Conv. pr. sheet 17,2. Copies printed 1000. Order no. 25108. Free price.

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy”

FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

190g Sovetskaya St., Tambov, 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© Design, original layout, editing. FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2025

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г. 2025. Том 9. № 2 Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Серегин А.В.</i> Юридическая характеристика формы правления средневековой Будвы	155
<i>Жолобов Я.Б., Пономарева Е.В.</i> Дело Новицкого и Ковшарова (1922 г.): вызов профессиональной этике юриста в условиях становления советской власти	162
<i>Сироткина Е.В.</i> Борьба с диверсантами и политбандитизмом на территории Тамбовской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	174
<i>Судденко К.В.</i> Отказ от согласия как ограничение правовых возможностей	182
<i>Желинский А.И.</i> Традиционные духовно-нравственные ценности как основа государственного единства народов Российской Федерации: правовой аспект	188
<i>Костикова Е.Г.</i> Российский рынок углеродных единиц: правовые основы, проблемы становления и цифровизации	196
<i>Митрофанов Н.В.</i> Ф.Ф. Кокошкин о национальном вопросе и автономии в Российской империи в начале XX века	208

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

<i>Демичев А.А.</i> Общая характеристика юридической ответственности за экологические правонарушения: проблемные аспекты	219
<i>Романовский Г.Б., Романовская Е.А., Дасаева А.И.</i> Публично-правовое регулирование в сфере биомедицины в Республике Польша	226
<i>Андріяшко М.В.</i> Моделирование содержания и структуры концепта семейной политики Республики Беларусь	236
<i>Сунгатуллина Л.А., Камалетдинова А.В.</i> Правовой статус учредителей (участников) в деле о банкротстве	248
<i>Гавриленко В.А., Гавкалюк А.Б.</i> Вопросы подведомственности споров в сфере инвестиционного арбитража	256

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК

<i>Маркунцов С.А., Маркунцова И.А.</i> О перспективах развития криминологии, месте теории и понимании модели криминализации в контексте концепции моделирования уголовного закона	265
<i>Микаутадзе С.Р.</i> Правовой запрет в механизме уголовной политики государства	273
<i>Каширина О.Н.</i> Правовые особенности деятельности органов прокуратуры по ранней профилактике преступности	281
Информация	291

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical legal journal

Established in February, 2017 2025, vol. 9, no. 2 Issued 4 times a year

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

<i>Seregin A.V.</i> Legal characteristics of the form of government of medieval Budva	155
<i>Zholobov Ya.B., Ponomareva E.V.</i> The Novitsky and Kovsharov case (1922): implications for the professional ethics of lawyers in the context of the establishment of Soviet power	162
<i>Sirotkina E.V.</i> The struggle against saboteurs and political banditry in the Tambov region during the Great Patriotic War (1941–1945)	174
<i>Suddenok K.V.</i> Refusal of consent as a limitation of legal possibilities	182
<i>Zhelinsky A.I.</i> Traditional spiritual and moral values as the basis of the state unity of the peoples of the Russian Federation: legal aspect	188
<i>Kostikova E.G.</i> Russian carbon market: legal framework, problems of development and digitalization	196
<i>Mitrofanov N.V.</i> F.F. Kokoshkin on the national question and autonomy in the Russian Empire in the early XX century	208

ISSUES OF PRIVATE AND PUBLIC LAW

<i>Demichev A.A.</i> General characteristics of legal liability for environmental offences: problematic aspects	219
<i>Romanovskii G.B., Romanovskaya E.A., Dasaeva A.I.</i> Public law regulation in the field of biomedicine in the Republic of Poland	226
<i>Andryashka M.V.</i> Modeling of the content and structure of the family policy framework of the Republic of Belarus	236
<i>Sungatullina L.A., Kamaletdinova, A.V.</i> The legal status of the founders (participants) in the bankruptcy case	248
<i>Gavrilenko V.A., Gavkalyuk A.B.</i> Matters of jurisdiction of disputes in the sphere of investment arbitration	256

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Markuntsov S.A., Markuntsova I.A.</i> On the prospects for the development of criminology, the place of the theory and understanding of the criminalization model in the context of the concept of criminal law modeling	265
<i>Mikautadze S.R.</i> Legal prohibition in the mechanism of the State's criminal policy	273
<i>Kashirina O.N.</i> Legal features of the activities of prosecutor's office in the early crime prevention process	281
Information	291

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.153

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-155-161>

Шифр научной специальности 5.1.1

Юридическая характеристика формы правления средневековой Будвы

Серегин Андрей Викторович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Российская Федерация, 117997, г. Москва, Стремянный пер., 36; доцент кафедры частного права, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», Российская Федерация, 109542, г. Москва, Рязанский пр-т, 99, <https://orcid.org/0000-0002-8536-5652>, andrei-seregin@rambler.ru

Аннотация

Изучены критерии, определяющие научную квалификацию разновидности формы правления города-государства – средневековой Будвы. Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать правовое положение князя в единой системе верховной власти будванской общины, рассмотреть его подчиненность суверенитету сербской державы Неманичей и Венецианской Республики. Акцентируется внимание на содержании княжеских регалий и обязанностей подданных соблюдать законы и обычаи Будвы. Наряду с князем исследуется государственно-правовой статус Великого Веча (Большого Совета) и Малого Веча (Малого Совета), представляющих интересы муниципальной знати (местного патрициата). Важное значение уделяется судебным полномочиям высших органов публичной власти Будвы и ее суверенных государей. Основным источником юридического материала об особенностях государственного строя Будвы, использованном в представленной статье, явился Статут Будвы XIV века н. э., по-прежнему не переведенный на русский язык, что определяет его незначительную известность и практически не исследованность в отечественной теоретической и историко-правовой науке. Делается вывод о падесто-патрицианском или княжеско-боярском правлении средневековой Будвы, достаточно распространенным в данный исторический период среди торговых городов Адриатического побережья Далмации.

Ключевые слова

форма правления, князь, подеста, средневековая держава Неманичей, юридическая славистика, Статут Будвы XIV века н. э., Великое Вече, Малое Вече, обычаи, Венецианская республика, регалии

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

А.В. Серегин – идея, исследование юридического материала, анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Серегин А.В. Юридическая характеристика формы правления средневековой Будвы // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 155-161. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-155-161>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-155-161>

OECD 5.05; ASJC 3308

Legal characteristics of the form of government of medieval Budva

Andrei V. Seregin,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, 36, Stremyanny Ln., Moscow, 117997, Russian Federation; Associate Professor, Department of Private Law, State University of Management, 99, Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-8536-5652>, andrei-seregin@rambler.ru

Abstract

The criteria determining the scientific qualification of the variant form of government of the city-state – medieval Budva – are studied. The aim of the study is to analyse the legal position of the prince in the unified system of supreme power of the Budvan community, to examine its subordination to the sovereignty of the Serbian Nemanjic power and the Venetian Republic. Emphasis is placed on the content of princely regalia and the duties of the podestà to observe the laws and customs of Budva. Along with the prince, the state-legal status of the Great Veche (Great Council) and the Small Veche (Small Council), representing the interests of the municipal nobility (local patriciate), is examined. Importance is given to the judicial powers of the highest public authorities of Budva and its sovereign sovereigns. The main source of legal material on the peculiarities of the state system of Budva, used in the presented paper, is the Statute of Budva of the 14th century AD, still not translated into Russian, which determines its insignificant popularity and practically unexplored in the domestic theoretical and historical-legal science. The conclusion is made about the Padesto-Patrician or princely-boyar rule of medieval Budva, quite common in this historical period among the trading cities of the Adriatic coast of Dalmatia.

Keywords

form of government, prince, podestà, medieval state of the Nemanjic dynasty, legal Slavic studies, Statute of Budva of the 14th century AD, Great Veche, Small Veche, customs, Venetian Republic, regalia

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

A.V. Seregin – idea, research of legal material, scientific literature analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Seregin, A.V. (2025). Legal characteristics of the form of government of medieval Budva. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 155-161. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-155-161>

Введение

Историко-археологические истоки городов Адриатического побережья – *Дубровника, Трогира, Задара, Сплита, Шибеника* и других, своими корнями уходят в античное прошлое эллинской колонизации (VIII–VI века н. э.), римского владычества (III век до н. э. – IV век н. э.), византийского доминирования (VI–X века н. э.) и венецианского протектората (XI–XVIII века н. э.), так что самый молодой из них – *Херцег-Нови*, существует немногим более пятисот лет. Черногорская Будва характеризуется той особенностью, что даже среди многочисленных портовых крепостей средневековой Иллирии балканские народы называли ее Стариградом (Старым Городом). В средневековых памятниках XIII–XV веков двойные названия городов были распространены довольно часто, например: *Дриева* или *Нарентум, Дубровник – Рагуза, Бар – Антивари* и т. д.; одним пользовались соседи-славяне, а другим – местные жители и граждане чужеземных городов [1].

Несмотря на древность своего происхождения, государственно-правовая история Будвы изучена довольно слабо, так как отсутствует перевод на русский язык основного сборника законов стариградской общины, известного под названием Статут Будвы XIV века¹ (далее – СБ), который в 1988 г. был переведен с итальянско-венецианского наречия на сербский язык Жикой Букличем². Объясняется это тем, что с конца XIV века до 1797 г. Будва находилась под управлением Венеции, представители которой в делопроизводстве и в законотворчестве использовали итальянский язык [2, с. 29-30].

Важность и актуальность изучения формы правления средневековой Будвы для развития юридической славистики [3] состоит в том, что в ее государственном строе органично соединились квирицкие, византийские и славянские начала городского самоуправления [4]. Для решения задачи по теоретико-правовой классификации формы

правления средневековой Будвы нами применялись описательный, логический, герменевтический, сравнительно-правовой [5-7], лингвистический, формально-юридический, диалектический и историко-правовой методы познания [8, с. 9].

Результаты исследования

1. Значение князя в системе верховной власти средневековой Будвы. Формально-юридически в соответствии с феодальной системой вассалитета-сюзеренитета средневековая Будва, как и многие прибрежные города Адриатики до начала XV века н. э., признавала над собой верховенствующую власть сербского короля, принявшего титул царя, что уравнивало его с правителями Византийской империи. В начале XV века н. э. муниципальная община Будвы на условиях внутренней автономии стала частью владений Венеции.

Государь державы Неманичей назначал князя Будвы, который во времена подчинения города Республики Святого Марка присылался Венецией и назывался настоятель (*rettor*) или начальник (*podesta*).

Обычно князь не проживал в Будве, поэтому вместо себя он оставлял своего представителя, который должен был быть чужеземцем, за исключением случая выполнения функций городского главы судьей, то есть должностным лицом, избранным муниципальной общиной (Гл. I СБ).

Городской князь имел право на три трапезы, приготовленных для него, когда он приезжал для получения власти в городе (Гл. I СБ).

Кроме того, ему предоставлялся дом для проживания, подарки деньгами и натурой, часть доходов он получал от судебных штрафов и от общественных налогов (Гл. I СБ).

Помимо князя, который представлял интересы правителя, Будву посещал и **«казначей»** (казначей), собирающий феодальную плату за землю в пользу сербского государя, так называемый **«акростих»**, составлявший 100 перперов (5 из них досталось князю). Казначей получал вознаграждение за свою службу от общины в размере 10 перперов (Гл. I СБ).

Цари Сербии в качестве верховных государей Будвы имели право судить ее жите-

¹ Средњовјековни статут Будве (XIV в.) / С италијанског превода и предговор написао Никола Вучковић. Приредили Мирослав Лукегић, Жика Бујуклић. Будва: ИСТОРИЈСКИ АРХИВ, 1988. С. 15-78.

² Там же.

лей за предательство, убийство, захват раба или рабыни, за кражу или убийство лошади (Гл. III СБ). Иные уголовные и гражданско-правовые споры разрешались князем и будванскими судьями самостоятельно в соответствии с городскими обычаями и законами.

Будва, как и другие города, была обязана предоставлять воинов для армии сербского царя, но не более 50 ратников, при условии, что государь будет лично руководить их походом, исключительно в пределах территории от Котора до Зеты (Гл. I СБ).

Кроме того, монарх Сербии дополнительно пользовался следующими почестями и доходами: правом на трапезу, для себя и своих слуг, когда он или они по его поручению приезжали в Будву, правом на одну десятую часть добычи, которую захватили будванские воины во время военного похода, право на часть доходов от платы за передачу имущества, если цена налога составила более 10 перперов и т. д. (Гл. I СБ)

Каждый раз, когда князь, посланный царем, прибывал для получения власти (говоря дословно языком будванского законодателя – «*contada*», то есть для захвата территории города), представители муниципальных учреждений должны были собраться, чтобы принять у князя присягу об уважении им старых обычаев и положений Статута Будвы; если он этого не делал, то городская община не обязана была признавать его своим князем (Гл. IV СБ).

Аналогичные регалии также принадлежали князю Котора, являвшегося, с одной стороны, вассалом сербского монарха, а с другой – городским правителем, поклявшимся перед местным населением в соблюдении муниципальных обычаев и законов [9, с. 90, 96].

По мнению Н. Вучковича, князь Будвы, как представитель центрального правительства, в основном руководил работой муниципальными органами публичной власти, особенно в отношении выполнения обязанностей своих подданных перед царской короной, фактически являясь связующим звеном между сербским монархом и городской общиной [10, с. 30].

Во времена венецианского суверенитета над Будвой *подесту* или *реттору* предоставляли право пересматривать по жалобам су-

дебные решения, ранее вынесенные общинными судьями (Гл. CCLXXX, CCLXXXVIII СБ). Иные права и полномочия принадлежали другим органам городской общины.

Известно, что в Будве кроме князя существовало Великое и Малое Вече [Гл. CCLXXXV, CCLXXXVIII, CCLXXXIX СБ].

2. Роль Великого Веча (Большого Совета) в государственном строе средневековой Будвы. Высшим представительным и законодательным органом власти в Будванской общине являлось городское собрание, которое называлось «Великим Вечем» (*Consiglio maggiore*). Решения данного органа, принятые в полном составе и надлежащим образом, навсегда признавались «*твердыми и действительными*» (Гл. CCLXX СБ). Почти все главы Статута Будвы начинаются словами: *ordineto (определяем), statuimo (устанавливаем), volemo (повелеваем)* и т. д.

Ряд положений Статута Будвы предусматривал, что *Великое Вече* могло принимать во внимание и даже правомерно решать некоторые административные и судебные вопросы (Гл. LXXVIII, CCLXIII и др. СБ). *Большой Совет* также был компетентен формировать исполнительный орган (Малое Вече), состоящий из трех судей и восьми советников (*вечников*), а также наиболее важных общинных чиновников.

Заседания *Consiglio maggiore* были закрытыми для публики, а лицо, «раскрывшее сказанное» в Большом Совете, штрафовалось и навсегда лишалось каких-либо публичных должностей и привилегий (Гл. LXXIX СБ). Если кто-либо из членов Великого Веча говорил своему коллеге «какой простак» во время заседания Большого Совета, то он должен был уплатить штраф, половина которого полагалась обиженной стороне (Гл. LXXX СБ).

Высший орган общинного управления созывался всякий раз, когда в этом возникала необходимость, но раз в году, по «*старому обычаю*», в день св. Марка (25 апреля), советникам приходилось собраться, чтобы избирать новых общинных чиновников (Гл. LXX СБ).

По мнению Н. Вучковича, членами Великого Веча как сословного феодального органа являлась городская знать, которая ни-

когда не делила власть с простолюдинами, избирая общинных чиновников только из своей среды [8, с. 29]. Реальных сведений о составе Большого Веча в тексте Статута Будвы не содержится.

Вместе с тем в Будве с течением времени по разным причинам постепенно проходила либерализация в организации деятельности высшего представительного органа городской власти: например, возрастной предел для вступления в Великое Вече (*Consiglio maggiore*) был снижен с 20 до 18 лет, при этом уменьшалась численность членов Большого Совета, достаточных для действительности решений этого органа в будущем – с 30 до 21, как было предусмотрено ранее (Гл. CCLXXXVII СБ).

Кроме того, в одном органе теперь можно было найти близких родственников, а так называемую *contumatio*, то есть возможность переизбрания на должность сократили до одного года (Гл. CCLXXXV, CCLXXXVII СБ).

3. Положение Малого Веча (Малого Совета) в политико-правовой системе средневековой Будвы. В положениях Статута Будвы времен правления династии Неманича (1170–1371 гг. н. э.) и деспотовины (XV–XVI века н. э.) название «Малый Совет» нигде не упоминается. Существовал только один меньший по размеру коллективный орган, состоящий из 8 советников (*consilieri*) и трех судей (*giudici*). В их ведении находились: доходы и расходы коммуны, городские налоги и поземельные повинности, прием в город царских сановников и т. д. Примечательно, но в нескольких местах Статута Будвы данный орган из восьми членов называется *consiglio*, однако из содержания самих положений ясно, что это не городской совет, а скорее небольшой совещательный орган, оказывавший помощь муниципальным властям.

Когда Будва перешла под власть Венеции, городской совет стал не только «Великим Вечем», но появился его исполнительный орган – Малое Вече (*Малый Совет, или Consiglio piccolo*). Этот орган состоял из 8 городских судей, трех прокуроров и трех

казначеев собора. В ситуации, когда одно из назначенных лиц по уважительным причинам не могло выполнять свои функции, градоначальник вместе с судьями имел право пригласить в Малый Совет подходящих, по их мнению, лиц, пока их не наберется 13 человек (Гл. CCLXXXIV СБ).

Однако информации о точной компетенции этого органа почти нет, за исключением того, что на Малый Совет возлагалась обязанность по закупке муниципальных запасов продовольствия, и поэтому его члены должны были быть «*покорными и заслуживающими доверия людьми*» (Гл. CCLXXXIV СБ).

Важным городским учреждением выступала канцелярия, которая делилась на две конторы: одну для споров на сумму до 8 перперов, и другую – выше этой суммы. Значение выборных должностей общины – канцлера и нотариуса – состояло в том, что все городские власти обязывались письменно фиксировать и удостоверить у этих официалов все решения, заключения или постановления, принятые ими (Гл. LXXIII, LXXIV, LXXX, LXXXI СБ).

Заключение

Обобщая сказанное, следует сделать вывод: в средневековой Будве сложилось *наместо-патрицианское* (или, применяя славянскую терминологию, *княжеско-боярское*) правление. Эта форма дуалистической власти позволяла поддерживать социально-политический компромисс между интересами муниципального патрициата знатного сословия *племичей* и единоличным представителем сербского государя, а затем и Венецианской республики. Будванские нобили в составе 30 семей контролировали Великое Вече (Большой Совет) и Малое Вече (Малый Совет), а также канцелярию, состоящую из назначаемых ими официалов. Ограничение княжеской власти одновременно позволяло сохранять древнеславянские обычаи, реципировать венецианские правила организации верховной власти, особенно в области апелляционного правосудия, и защищать интересы горожан от произвола внешнего суверена.

Список источников

1. *Тирковић С.* Стариград – средњевековна Будва // Бујуклић Ж. Правно уређење средњевековне будванске комуне. Београд: Правни факултет Универзитета у Београду, 2014. С. 9-24.
2. *Бујуклић Ж.* Правно уређење средњевековне будванске комуне. Београд: Правни факултет Универзитета у Београду, 2014. 313 с.
3. *Серегин А.В.* Значение компаративистских исследований средневекового государства и права славянских народов в трудах В.И. Ермоловича для юридической славистики // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 233-239. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-233-239>, <https://elibrary.ru/ddhqjx>
4. *Серегин А.В.* Форма правления в средневековых южнославянских городах-государствах и земских общинах // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.): сб. ст. в 2 т. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. Т. 1. С. 272-286. <https://elibrary.ru/dknfwq>
5. *Пащенко Д.А.* Методология сравнительного правоведения: от классических традиций к постнеклассическим новациям // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. Т. 20. № 2. С. 5-13. <https://doi.org/10.61205/jzsp.2024.2.1>, <https://elibrary.ru/qmrghh>
6. *Иванников И.А.* Методологическое значение компаративистского подхода в юриспруденции (на примере отдельных учебных дисциплин) // Публично-правовые аспекты юридической компаративистики. V Прокопьевские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Калининград: Балт. федер. ун-т им. Иммануила Канта, 2022. С. 58-62. <https://elibrary.ru/fhobuc>
7. *Николич Д.* Сравнительная история права славянских народов (юридико-историческое эссе) // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2017. Т. 4. № 4. С. 68-71. <https://elibrary.ru/yvjcsj>
8. *Иванников И.А.* История философии права. Москва: Юрлитинформ, 2014. 280 с. <https://www.elibrary.ru/tmeiub>
9. *Синдик И.* Комунално уређење Котора од прве половине XII до друге половине XIV столећа. Београд: САНУ, 1950. 175 с.
10. *Вучковић Н.* Средњовјековни Статут града Будве. Будва: Скупштина општине Будва; Туристички савез – Будва, 1970. 117 с.

References

1. *Тирковић С.* (2014). Стариград – средњевековна Будва. In Бујуклић Ж. Правно уређење средњевековне будванске комуне. Београд: Правни факултет. pp. 9-24. (In Serb.)
2. Бујуклић Ж. (2014). *Правно уређење средњевековне будванске комуне*. Београд, Правни факултет Универзитета у Београду, 313 p. (In Serb.)
3. Seregin A.V. (2024). The significance of comparative studies of the medieval state and law of Slavic peoples in V.I. Ermolovich's works for legal Slavic studies. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 233-239. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-233-239>, <https://elibrary.ru/ddhqjx>
4. Seregin A.V. (2019). Form of government in medieval south Slavic city-states and rural communities. *Sbornik statei «Sto let Ural'skomu gosudarstvennomu yuridicheskomu universitetu (1918–2018 gg.)» = Collection of articles "One Hundred Years of the Ural State Law University (1918-2018)"*. Yekaterinburg, Ural State Law University Publ., vol. 1, pp. 272-286. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dknfwq>
5. Pashentsev D.A. (2024). Methodology of comparative law: from classical traditions to postnonclassical innovations. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, vol. 20, no. 2, pp. 5-13. (In Russ.) <https://doi.org/10.61205/jzsp.2024.2.1>, <https://elibrary.ru/qmrghh>
6. Ivannikov I.A. (2022). Methodological significance of the comparative approach in jurisprudence (on the example of individual academic disciplines). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Publichno-pravovye aspekty yuridicheskoi komparativistiki. 5 Prokop'evskie chteniya» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Public Law Aspects of Comparative Law. 5th Prokopiev Readings"*. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., pp. 58-62. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fhobuc>
7. Nikolich D. (2017). Comparative history of law in Slavic peoples (legal historical essay). *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*, vol. 4, no. 4, pp. 68-71. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvjcsj>

8. Ivannikov I.A. (2014). *History of the Philosophy of Law*. Moscow, LLC "Jurlitinform", 280 p. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/tmeiub>
9. Синдик И. (1950). *Комунално уређење Котора од прве половине XII до друге половине XIV столећа*. Београд, САНУ, 175 p. (In Serb.)
10. Вучковић Н. (1970). *Средњовековни Статут града Будве*. Будва, Скупштина општине Будва, Туристички савез – Будва, 117 p. (In Serb.)

Поступила в редакцију / Received 07.10.2024

Поступила после рецензирования / Revised 30.03.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-162-173>

Шифр научной специальности 5.1.1

Дело Новицкого и Ковшарова (1922 г.): вызов профессиональной этике юриста в условиях становления советской власти

Жолобов Ярослав Борисович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, директор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Российская Федерация, 197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5, <https://orcid.org/0000-0002-2033-0897>, zholobov@szfgup.ru

Пономарева Елизавета Владимировна,

старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Российская Федерация, 197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5, <https://orcid.org/0009-0001-8421-3374>, e.ponomareva@szfgup.ru

Аннотация

Настоящая работа посвящена комплексному историко-правовому анализу судебного процесса 1922 г. над членами Петроградского Общества православных приходов, в частности, преследованию юристов Юрия Новицкого и Ивана Ковшарова. Актуальность темы заключается в необходимости глубокого анализа исторических процессов, оказавших значительное влияние на формирование правовой системы и общественное сознание на заре становления советской государственности. Целью исследования является выявление правовых и исторических аспектов дела, оценка его значения для современной политики памяти и формирования профессиональной этики юриста. На основе воспоминаний современников, юридических документов и современных научных публикации реконструируется исторический контекст, анализируются биографии Новицкого и Ковшарова, исследуются нарушения процессуальных норм и принципов права. Сделан вывод о неправомерности применения уголовного законодательства того времени к действиям обвиняемых, что свидетельствует о политическом характере процесса, который стал в особенности очевиден, когда на скамье подсудимых оказались представители юридической профессии, способные особенно точно оценить глубину неправосудного производства. Проведенное исследование позволяет глубже понять механизмы формирования и функционирования правовой системы в условиях политической нестабильности, определить роль дела Новицкого и Ковшаров в современной политике памяти и способствует восстановлению исторической справедливости.

Ключевые слова

политические репрессии, новое мученичество, обновленчество, УК РСФСР 1922 года, изъятие церковных ценностей, историческая память

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

Я.Б. Жолобов – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, окончательное редактирование текста рукописи. Е.В. Пономарева – сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Жолобов Я.Б., Пономарева Е.В. Дело Новицкого и Ковшарова (1922 г.): вызов профессиональной этике юриста в условиях становления советской власти // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 162-173. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-162-173>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-162-173>

OECD 5.05; ASJC 3308

The Novitsky and Kovsharov case (1922): implications for the professional ethics of lawyers in the context of the establishment of Soviet power

Yaroslav B. Zholobov,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Public Law Disciplines Department, Director, Lebedev Russian State University of Justice, 5 Alexandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-2033-0897>, zholobov@szfrgup.ru

Elizaveta V. Ponomareva,

Senior lecturer at the General Education Department, Lebedev Russian State University of Justice, 5 Alexandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation. <https://orcid.org/0009-0001-8421-3374>, e.ponomareva@szfrgup.ru

Abstract

This work is devoted to a comprehensive historical and legal analysis of the 1922 trial of members of the Petrograd Society of Orthodox Parishes, in particular, the persecution of lawyers Yuri Novitsky and Ivan Kovsharov. The relevance of the topic lies in the need for a deep analysis of the historical processes that had a significant impact on the formation of the legal system and public consciousness at the dawn of the Soviet statehood. The aim of the study is to identify the legal and historical aspects of the case, to assess its significance for the modern memory policy and the formation of professional ethics of a lawyer. Based on the memoirs of contemporaries, legal documents and modern scientific publications, the historical context is reconstructed, the biographies of Novitsky and Kovsharov are analyzed, and violations of procedural norms and principles of law are examined. The conclusion is drawn that the application of the criminal law of the time to the actions of the accused was unlawful, which testifies to the political nature of the process, which became particularly evident when representatives of the legal profession, who were able to assess the depth of the unjust proceedings, found themselves in the dock. This research provides a deeper understanding of the mechanisms of formation and functioning of the legal system in conditions of political instability, determines the role of the Novitsky and Kovsharov case in the contemporary politics of memory, and contributes to the restoration of historical justice.

Keywords

political repressions, new martyrdom, renovated church, Criminal Code of the RSFSR of 1922, confiscation of church valuables, historical memory

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

Ya.B. Zholobov – concept development, normative materials collection and processing, scientific literature analysis, final manuscript revision. E.V. Ponomareva – normative materials collection and processing, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Zholobov, Ya.B., & Ponomareva, E.V. (2025). The Novitsky and Kovsharov case (1922): implications for the professional ethics of lawyers in the context of the establishment of Soviet power. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 162-173. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-162-173>

Введение. Постановка проблемы

История государства и права России богата трагическими страницами, требующими осмысления и переосмысления. В современной историографии изучение «социальных травм» прошлого приобретает особое значение в контексте политики памяти, направленной на исследование событий, оставивших неизгладимый след в коллективном сознании, с целью смягчения их последствий и предотвращения рецидивов [1, с. 39]. Отмечается двойственный характер современного правового дискурса в отношении периода становления советского государства [2, с. 13]. С одной стороны, признается значимость революционных преобразований, что нашло отражение, например, в учреждении (впоследствии отмененного) Дня согласия и примирения в 1996 г.¹ С другой стороны, Российская Федерация продолжает начатую в 1980-е гг. работу по реабилитации жертв политических репрессий², что, в том числе, способствует укреплению отношений государства и религиозных организаций. Однако сокращение масштабов реабилитационных мероприятий³ свидетельствует о

незавершенности формирования устойчивой политики памяти в отношении процессов становления советской власти.

В этом контексте, охватившая страну кампания по изъятию церковных ценностей в 1920-е гг. представляет собой одну из наиболее противоречивых и трагических страниц истории [3–5]. На фоне общей тенденции ослабления религиозных общин судебное преследование юристов Юрия Новицкого и Ивана Ковшарова, оказывавших правовую помощь православным приходам, остается относительно малоизвестным. Следует отметить важный вклад современных исследователей, таких как Н.В. Гольцов, И.В. Петров, подготовивших первую научную биографию Ю.П. Новицкого, а также исследователей М.В. Шкаровского (главного архивиста Центрального государственного архива Санкт-Петербурга), А.И. Мраморного, чьи работы вносят существенный вклад в изучение данной проблематики [6–8].

Важность исследования обусловлена также фактом последующей реабилитации и канонизации Новицкого и Ковшарова. Эти события символизировали признание государством и церковью неправосудности приговора и восстановление исторической справедливости [8; 9]. Более того, канонизация юристов, отдавших жизнь за защиту веры и закона, подчеркивает важность сохранения высоких моральных принципов в юридической профессии и напоминает о гражданской ответственности юриста перед обществом. Анализ их жизненного пути,

¹ О Дне согласия и примирения: Указ Президента Российской Федерации от 07.11.1996 г. № 1537 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 46. Ст. 5242.

² Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий: распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.08.2015 г. № 1561-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 34. Ст. 4930.

³ О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 августа 2015 г. № 1561-р: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 июня 2024 г. № 1564-р, от 9 июля

2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 26. Ст. 3725.

профессиональной деятельности и обстоятельств гибели является важным для формирования правового сознания современного общества и формирования будущего поколения юристов.

Настоящее исследование направлено на анализ обстоятельств преследований Ю.П. Новицкого и И.М. Ковшарова, что, по мнению авторов, позволяет понять механизмы деформации правового поля под воздействием идеологического давления. Целью исследования является комплексный анализ правовых и исторических аспектов дела Новицкого и Ковшарова, а также оценка его значения для современной политики памяти и формирования профессиональной этики юриста. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Реконструировать исторический контекст кампании по изъятию церковных ценностей и ее правовые основания.

2. Проанализировать биографии Ю.П. Новицкого и И.М. Ковшарова, их профессиональную деятельность и вклад в развитие юридической науки и практики.

3. Исследовать материалы судебного процесса над членами Петроградского Общества православных приходов, выявив нарушения процессуальных норм и принципов права.

4. Оценить значение реабилитации и канонизации Ю.П. Новицкого и И.М. Ковшарова для восстановления исторической справедливости и формирования правового сознания.

Исследование механизмов формирования и функционирования правовой системы в условиях политической нестабильности позволяет глубже понять исторические процессы. В конечном счете, изучение этого дела позволяет не только понять логику тоталитарного мышления, но и предостеречь от повторения ошибок прошлого, а также способствует формированию ценностного отношения к праву и справедливости.

Методы

Данное исследование носит комплексный характер и опирается на междисциплинарный подход, сочетающий методы историко-правового анализа, биографического исследования и критического анализа источников. Так, авторами проведено исследо-

вание постановлений, декретов и кодексов РСФСР начала 1920-х гг. с целью выявления юридической базы, на основании которой осуществлялись репрессии против церкви, и рассматривалось дело Петроградского общества православных приходов. Метод исторической реконструкции позволил воссоздать исторический контекст событий, связанных с Петроградским процессом, с учетом социально-экономических и политических факторов, определявших политику советской власти в отношении церкви. Путем метода биографического анализа было проведено изучение жизненного пути и деятельности Ю.П. Новицкого и И.М. Ковшарова, включая их профессиональную деятельность, религиозные убеждения и общественную активность, на основе архивных документов, воспоминаний современников и современных научных публикаций.

Результаты исследования/обсуждение

Летом 1922 г. в зале Санкт-Петербургской филармонии (бывшее Дворянское Собрание), на углу Михайловской и Итальянской, проходил громкий судебный процесс. Он активно освещался в советской прессе: «Петроградская правда» даже отвела для репортажей специальный раздел, названный «Суд над церковниками». Накануне заседаний выдавались билеты для посещения: учреждениям красные, в партер, частным лицам – синие, на хоры [10, с. 75].

Предпосылками этого важного и трагического трибунала стали сразу несколько исторических процессов, опосредованно влиявших друг на друга. Поволжье охватил голод, и требовалось изыскать ресурсы для помощи населению. Православная община, несмотря на репрессии, сохраняла тесные связи, и имела давние традиции сбора и распределения помощи. Нельзя было позволить церкви перехватить благотворительную инициативу и расположить к себе население. На руку советской власти играл зародившийся обновленческий раскол [11, с. 91]. Наконец, к Генуэзской международной конференции 1922 г. следовало подготовиться, сконцентрировав достаточный фонд средств [12, с. 267], а средства – золото и драгоценные камни – как представлялось в тот момент, были у церкви.

Агрессивные попытки изъятия церковных ценностей, включая реликвии и произведения искусства, привели к сопротивлению. Историк П.Н. Милуков насчитал 1414 столкновений при изъятиях по всей России, что привело к целому ряду судебных процессов в Москве, Петрограде, Смоленске, Новгороде, Пскове, Старой Руссе и т. д. (3, с. 159); цит. по (4, пар. 1.2).

Эти протесты были тем более опасны для устойчивости советской власти, что в них принимал участие и пролетариат. Необходимо было найти виновников происходящего, и «поскольку создавать контрреволюционную организацию – дело хлопотное и ненадежное, решили в качестве таковой использовать общество, существующее на самом деле» [13, гл. 1] – в Санкт-Петербурге им оказалось Петроградское Общество православных приходов.

Так, в зале филармонии среди подсудимых оказались лица самого различного происхождения и положения: от митрополита до чистильщика обуви. Как писал Н.М. Коляев: «Вставали священники и крестьяне, педагоги и столяры, бухгалтеры и музыканты, врачи и торговцы, мещане и студенты, чистильщик сапог и профессор консерватории, наборщик-инвалид и инструктор сельскохозяйственных курсов, сестра милосердия и конторщица, акушерка и чернорабочий, водопроводчик и булочник...» [14, с. 91].

Основные усилия обвинения сконцентрировались на священстве и двух представителях юридической профессии: профессоре Юрии Петровиче Новицком и адвокате Иване Михайловиче Ковшарове. Они обвинялись в том, что «добивались изменения декрета об изъятии церковных ценностей, для чего использовали свою организацию, действуя тем самым... в целях возбуждения религиозного населения к волнениям, в явный ущерб диктатуры рабочего класса и пролетарской революции...» [15, с. 44].

Ю.П. Новицкий, профессор Санкт-Петербургского университета, был любимым студентами-юристами и историками исследователем русского уголовного права. Свою научную деятельность он сочетал с патронажем над заключенными и детьми, нуждающимися в опеке (дети ссыльных, малолетние правонарушители, он же, в частно-

сти, стоял у истоков первой попытки создания в России ювенального правосудия [16, с. 237], ориентированного на реабилитацию ребенка [17, с. 164]. В Петрограде он был избран председателем правления Общества объединенных петроградских православных приходов. В 1922 г. тридцатидевятилетний вдовец Новицкий воспитывал 12-летнюю дочь и готовил к печати монографию «История русского уголовного права».

И.М. Ковшаров, внук именитого иконописца, окончил университет в 1903 г., служил в Петрограде присяжным поверенным. Он специализировался на имущественных делах церковных организаций, но выступал на стороне защиты и в политических процессах. В 1918 г. он был избран комиссаром по епархиальным делам для представительства и защиты прав и интересов Петроградской епархии.

В феврале 1922 г. вышло Постановление ВЦИК об изъятии церковного имущества⁴, и менее чем за год советскими властями были сорваны как попытки православной церкви самостоятельно собрать помощь голодающим, так и попытки найти компромисс, позволяющий и помочь нуждающимся, и не лишить верующих их святынь. По стране прокатились насильственные изъятия, протесты, а затем аресты и суды. Петроградский процесс начался 10 июля 1922 г. Председателем суда стал Никита Илларионович Яковченко, с ним два рабочих: Семенов и Каузов.

Обвинителей было четверо. Из Москвы прибыли Красиков Петр Аннаньевич и Смирнов Иван Александрович. Другие двое были петербуржцами: Крастин Иван Андреевич и Драницын Сергей Никанорович. Драницын был коллегой Ю.П. Новицкого, «красным профессором» факультета общественных наук Петроградского университета. Учитывая, что в 1917–1918 гг. Драницын был уполномоченным комиссаром Наркомюста РСФСР в Петрограде по ликвидации царских правительственных учреждений, а также по охране архивов, библиотек и по отделению церкви от государства [18,

⁴ О ликвидации церковного имущества: постановление Президиума ВЦИК. Из протокола заседания Президиума ВЦИК № 1, п. 15 от 2-го января 1922 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 39. Д. 85. Л. 2.

с. 395], уже состав суда вызывал вопросы конфликта интересов.

Со стороны защиты в процессе участвовало 14 человек, включая защитников по назначению, приглашенных подсудимыми, а также добровольно предложивших свои услуги. Среди них оказался еще один коллега Новицкого и Драницына – доктор уголовного права и профессор Петроградского университета Александр Александрович Жижиленко. Также следует упомянуть Я.С. Гуровича, присяжного поверенного, который оставил адвокатуру с приходом советской власти, но взялся за защиту по просьбе Швейцарского Красного Креста, А.В. Бобрищева-Пушкина и М.С. Равича – защитника Новицкого.

А.А. Жижиленко возглавлял защиту и обосновывал несостоятельность обвинения с точки зрения уголовного права.

Большинство арестованных обвинялись по статьям раздела I «О контрреволюционных преступлениях» главы I «Государственные преступления», а также главы III «Нарушение правил об отделении церкви от государства» Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.

Построение свежего уголовного кодекса отражало классовый подход к иерархии общественных ценностей [19, с. 9]. Особенная часть начиналась с самых тяжких преступлений, среди которых арестованным вменялись: участие в контрреволюционной организации (ст. 62), «пропаганда и агитация, выражающиеся в призыве к свержению власти Советов путем насильственных или изменнических действий или путем активного или пассивного противодействия Рабоче-крестьянскому правительству, или массового невыполнения возлагаемых на граждан воинской или налоговых повинностей» (ст. 69) и др.

Трибуналу требовалось доказать участие Новицкого и Ковшарова в создании контрреволюционной организации. По смыслу Кодекса (ст. 57) контрреволюционным признавалось «всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-крестьянского Правительства...».

Здесь следует отметить, что Уголовный кодекс РСФСР вступил в силу 1 июня 1922 г., и к этому моменту предварительное следствие уже было проведено: так что расследование проводилось в рамках одного законодательства, а суд – в рамках другого.

С целью доказать наличие состава преступления все производства по поводу отдельных эпизодов сопротивления при изъятии ценностей в Петрограде были соединены в одно целое и объявлены результатом злонамеренного подстрекательства со стороны «преступного сообщества» [5, с. 179]. «Черносотенные выступления, скопища у церквей не были случайными явлениями, а носили организованный характер, так как была связующая и организующая рука, проявлявшая свою инициативу» [14, с. 93], – заявлял трибунал.

Проблема в том, что доказать связь между деятельностью Правления, попытками Новицкого и Ковшарова вести от его имени диалог с петроградскими властями об организации сдачи ценностей и развернувшимися протестами было невозможно ввиду ее отсутствия. Даже беспрецедентная новация Кодекса 1922 г. – закрепление аналогии уголовного закона в статье 10 и практически безграничные возможности придания закону обратной силы (статья 23) не позволяли найти состав преступления в действиях Новицкого и Ковшарова.

Новицкий обвинялся в том, что, «состоя Председателем Правления приходов православной русской церкви, будучи ответственным лицом, на коем лежала обязанность направлять деятельность Правления в духе утвержденного властями устава, вопреки законной деятельности указанной организации... придал организации характер деятельности, поставившей себе целью бороться с советской властью» [7, с. 84]. Интересно, что Общество даже неправильно называлось в приговоре [6, с. 168].

Общество православных приходов Петрограда и губернии, из которого на процессе пытались сделать контрреволюционную организацию, было зарегистрировано 12 ноября 1920 г. Согласно Уставу, целью Общества было «обсуждение вопросов, связанных с религиозно-нравственной жизнью входящих в его состав приходов». За короткие два года

существования общества его сферу деятельности еще больше ограничили, сохранив за ним лишь хозяйственные вопросы, типа образования воскресной школы, чем и занималось Правление под руководством Новицкого [6, с. 168].

Показательным примером обстановки, царившей на процессе, стала ситуация со свидетелем Егоровым, также членом Правления. Когда он дал показания, благоприятные для стороны защиты, обвинитель Смирнов потребовал привлечения и Егорова к суду «как члена преступного сообщества и исполнителя его поручений». Посоветовавшись минут пять, суд согласился с обвинением, и Егоров был тут же арестован. После этого оставшиеся свидетели стали крайне осторожны, впрочем, многих так и не допросили [10, с. 78].

Новицкий не признал свою вину, но пытался принять на себя часть вины, вменяемой священнику Н.К. Чукову, у которого были маленькие дети. В своем заключительном слове Ю.П. Новицкий снова заявил о своей невиновности и сказал: «Но если кому-то нужна в этом деле жертва, я готов без ропота встретить смерть, прошу лишь о том, чтобы этим ограничились и пощадили остальных привлеченных...». Говоря о других обвиняемых, он рассказал, что один из них не был членом Правления, другой не участвовал в заседаниях, на которые ссылалось обвинение и так далее, постаравшись в последний момент защитить их. Затем, пока выступали остальные, он сел писать письмо своей дочери [10, с. 82].

И.В. Ковшаров, по словам протопресвитера Михаила Польского, с самого начала догадывался о том, к чему ведет процесс, и отвечал хладнокровно и метко. Так, на вопрос судьи, чем он занимался до революции 1917 г., Ковшаров ответил: «Да вас защищал». В своем заключительном слове он подробно разобрал доводы обвинения и не признал себя виновным. Завершил выступление он словами: «Грозящее наказание никак не может находиться в соответствии с теми данными, которыми располагает обвинение. Для братской могилы в шестнадцать человек материала для обвинения мало»⁵.

В дополнение к прочим процессуальным нарушениям последние слова обвиняемых не стенографировали, слушатели позже воспроизвели их по памяти [9, с. 146].

После вынесения приговора 5 июля борьба продолжалась в кассации. Защитники представляли юридические аргументы. Письма с просьбами о смягчении приговора поступали от Петроградской комиссии по улучшению быта ученых, коллектива Педагогического института социального воспитания, Петроградского государственного университета (под авторством ректора В.М. Шимкевича) [7, с. 83]. Руководители Академии наук академики А.П. Карпинский и С.Ф. Ольденбург отправили председателю ВЦИК РСФСР М.И. Калинину срочную телеграмму следующего содержания: «Просим смягчения участи приговоренных к смерти по церковному процессу» (цит. по [20, с. 380]). Ходатайства за осужденных поступали и от других влиятельных людей того времени, например, председателя Политического Красного Креста М.В. Новорусского [9, с. 147].

В самой Кассационной коллегии Верховного трибунала при ВЦИК дело рассмотрел академик Д.Б. Рязанов, который установил неправосудность приговора, однако его речь не помогла. К 5-му августа был окончательно подтвержден смертный приговор четверым из десяти: митрополиту Вениамину, архимандриту Сергию, И.М. Ковшарову и Ю.П. Новицкому.

И даже в том, как приговор был приведен в исполнение, отразилась его несовместимость с правом. Публичное освещение процесса в советской прессе прекратилось также внезапно, как и началось, и никто не знал, что происходит с приговоренными. Их близким людям продолжали одобрять свидания. Когда 15-го августа 1922 г. невестке отца Сергия Шеина и дочери Юрия Петровича Новицкого было разрешено прийти поведаться с родными, тех уже не оказалось в камерах. Осужденные, избежавшие смертной казни, не знали, куда и когда отправили смертников. Довольно долго о предполагаемой дате расстрела было известно только из анонимного очерка, опубликованного

⁵ «Дело» митрополита Вениамина. Москва: Сту-

дия «ТРИТЭ»: Российский Архив, 1991. 95 с. Гл. 8.

А.А. Валентиновым в «Черной книге» в Париже в 1925 г. [10, с. 83].

Летом 2001 г. удалось с относительной точностью найти место расстрела и захоронения осужденных в 1920-е гг. под Санкт-Петербургом – на Ржевском артиллерийском полигоне, к северо-востоку от города [8, с. 26]. Это огромная территория, на которой совершались многие расстрелы, и где именно верующие могли бы поклониться могилам мучеников, не известно. И лишь в 2022 г. А.И. Мраморнову и И.Н. Плешакову удалось обнаружить отметку о приведении приговора в исполнение в настольном реестре дел Петроградского революционного трибунала за январь–июль 1922 г. [9, с. 140]. Исследователи напоминают, что и по сей день часть архивно-следственных дел остается недоступной даже членам Комиссий по канонизации.

С экономической точки зрения кампания оказалась безуспешной. Ряд произведений искусства был бесследно утрачен. Утрачена была и рукопись монографии Ю.П. Новицкого «История русского уголовного права», изъятая при обыске его квартиры. Всего по итоговой ведомости конфискованного церковного имущества было изъято почти в два раза меньше, чем сумма добровольных пожертвований, внесенных клиром и мирянами Русской православной церкви [21, с. 30]. При этом имели место многочисленные акты хищения реквизированного имущества со стороны сотрудников Гохрана [12, с. 268]. В своем письме из заключения священномученик архиепископ Илларион (Троицкий) писал: «Теперь сосчитайте, чего стоит самое изъятие, перевозка, переливка (с угаром и... утечкой). Ведь в иных местах ящики для упаковки стоили столько же, сколько самые ценности. Прибавьте еще расходы по содержанию в тюрьмах тысячей арестованных по этому делу. Расходы на следствия и суды. Хорошо, если выйдет так. Боюсь, не пришлось бы переплатить. Вот что значит лгать. Ведь в газетах лгали, что в храмах такие миллиарды, что ценностей будет поездов семь верст...» [22, с. 293].

В 1990 г. приговор в отношении Новицкого и Ковшарова был отменен за отсутствием в их действиях состава преступления. Они были реабилитированы посмертно, а в

1992 г. причислены к лику святых Русской православной церкви как новомученики. Канонизация новомучеников – сложный процесс, требующий тщательного исследования исторических документов. Значимым фактом является реакция обвиняемого на принуждение к согласию с несправедливым, ложным обвинением. Обязательно выясняется, не отрекался ли обвиняемый от веры, не свидетельствовал ли против других и не сотрудничал ли с властями тайным образом [23, с. 152]. Образ жизни и действий Юрия Петровича Новицкого и Ивана Михайловича Ковшарова не позволяют усомниться ни в их церковно-нравственной, ни гражданской и профессиональной добродетели.

27 ноября 2016 г., в канун празднования Дня юриста в России, Никольскому морскому собору в Кронштадте была передана в дар икона святых новомучеников адвоката Ивана Ковшарова и юриста Юрия Новицкого, созданная иконописной реставрационной мастерской св. Иоанна Дамаскина [24, с. 125]. Отметим также, что имя Ю.П. Новицкого с 2014 г. также увековечено на юридическом факультете Костромского государственного университета, что связано с его работой над созданием в 1919 г. в Костроме Рабоче-крестьянского университета, где он несколько лет читал лекции, открыл научный кабинет и правовую библиотеку [25, с. 20].

Заключение

История Юрия Новицкого и Ивана Ковшарова является ярким примером того, как глубокая вера, профессиональная честность и гражданская ответственность могут переплетаться в жизни человека. Они были не только выдающимися юристами, но и людьми с сильными моральными принципами, готовыми до конца отстаивать справедливость и свои убеждения, даже перед лицом смертельной опасности. Проведенный нами комплексный историко-правовой анализ осветил предвзятость и тенденциозность применения правовых норм в Петроградском процессе, характеризующую несостоятельность обвинения как с точки зрения правовых норм того времени, так и современных принципов уголовного права. Нами была обоснована значимость реабилитации и канонизации Новицкого и Ковшарова как

акта восстановления исторической справедливости и рефлексии исторической памяти государства. Канонизация Новицкого и Ковшарова подчеркивает важность признания их подвига – и эта работа еще не завершена. Необходимо дальнейшее исследование ар-

хивных материалов с целью полноценного выявления фактов и обстоятельств, связанных с делом Новицкого и Ковшарова, и установления точного места их захоронения, с целью реализации возможности поклонения могилам российских новомучеников.

Список источников

1. Дорская А.А. Историко-правовой компонент в конструировании социокультурного пространства (на примере понятия социальной травмы) // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2018. С. 36-43. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.201>, <https://elibrary.ru/yarjxf>
2. Дорская А.А., Дорский А.Ю. Значение социальных травм в процессе легитимации политики в постсоветской России: правовое измерение // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2018. С. 8-15. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2018.32.4.01>, <https://elibrary.ru/ypwuqx>
3. Иванова М.А. Кампания по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии в 1922 г. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2006. № 24. С. 153-161. <https://elibrary.ru/nuaisf>
4. Хрусталева М.Ю. Русская православная церковь в центре и на периферии в 1918–1930-х годах (на материалах Новгородской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2004. 273 с. <https://elibrary.ru/nmznfl>
5. Шкаровский М.В. Кампания по изъятию церковных ценностей в петроградской епархии // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2022. № 2 (13). С. 174-181. <https://www.elibrary.ru/qpltda>
6. Гольцов Н.В. «Пульс церковной жизни»: общество православных приходов Петрограда и его губернии (1920–1922 гг.) // Актуальные вопросы церковной науки. 2021. № 1. С. 166-170. <https://elibrary.ru/izihqh>
7. Гольцов Н.В., Петров И.В. Опыт биографии новомученика Юрия Петровича Новицкого как пример изучения гонений среди защитников православной церкви в высшей школе // Вестник Ярославской духовной семинарии. 2022. № 4. С. 76-85. <https://elibrary.ru/ivvesu>
8. Шкаровский М.В. Актуальные проблемы канонизации новомучеников русской православной церкви // Вестник Кузбасской православной духовной семинарии. 2023. № 3 (14). С. 28-39. https://doi.org/10.56859/29490847_2023_3_28, <https://elibrary.ru/vbzgmf>
9. Мраморнов А.И. Внеправовой характер петроградского процесса 1922 г. и вопросы сохранения памяти о его жертвах // Вестник церковной истории. 2024. № 1-2 (73-74). С. 139-151. <https://elibrary.ru/wiycrj>
10. Гольцов Н.В. «Процесс митрополита Вениамина»: Воспоминания епископа Кассиана (Безобразова) о кампании по изъятию церковных ценностей и Петроградском процессе 1922 г. // Вестник исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии. 2022. № 3 (11). С. 65-84. https://doi.org/10.47132/2587-8425_2022_3_65, <https://elibrary.ru/tjzabw>
11. Лобанов В.В. «Обновленческий» раскол в Русской православной церкви (1922–1946 гг.). Санкт-Петербург: «Петроглиф», 2019. 266 с. <https://elibrary.ru/xsapwt>
12. Алячин Р., иерей. Кампания по изъятию церковных ценностей: патриарх Тихон и церковь перед лицом гонений // К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность: материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. Вып. VI. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2021. С. 264-269. <https://elibrary.ru/zvmwvb>
13. Коняев М.Н. У господнего крыльца. Москва: «Смирение», 2013. 480 с.
14. Петров И.В. Кампания по изъятию церковных ценностей и судебные процессы против православного духовенства в 1922 г. как часть завершающего этапа гражданской войны в России // Вестник исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии. 2023. № 1 (13). С. 80-96. https://doi.org/10.47132/2587-8425_2023_1_80, <https://elibrary.ru/fcaevw>
15. Шкаровский М.В. Изъятие церковных ценностей и судебный процесс 1922 г. над духовенством в Петроградской епархии // Журнал Московской Патриархии. 2022. № 9. С. 38-47.
16. Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н. Правовые взгляды Ю.П. Новицкого на суды для малолетних // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 3. С. 234-239. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-234-239>, <https://elibrary.ru/qsffpg>

17. Мирзоян М.А. Эволюция ювенальной юстиции в законодательстве России XX века // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 158-166. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-158-166>, <https://elibrary.ru/oojait>
18. Крапивин М.Ю. Петроградская группа прогрессивного духовенства и советская конфессиональная политика периода Гражданской войны // Вестник СПбГУ. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 392-408. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.204>, <https://elibrary.ru/pywsia>
19. Коняхин В.П., Асланян Р.Г., Батютина Т.Ю. Статья: УК РСФСР 1922 г.: юридико-технический и институциональный анализ // Российский следователь. 2022. № 5. С. 8-10. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-5-8-10>, <https://elibrary.ru/mdcggk>
20. Соболев В.С. Нести священное бремя прошедшего...: Российская академия наук. Национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. 380 с. <https://elibrary.ru/vwowpf>
21. Побаев И.А. Становление и развитие светского государства в России (XIX-XXI век): историко-теоретический аспект // Юридические исследования. 2015. № 8. С. 20-47. <https://doi.org/10.7256/2409-7136.2015.8.15680>, <https://elibrary.ru/ubignv>
22. Кривошеева Н.А. Анализ судебно-следственных дел духовенства 1922 г. на основе «дела» митрополита Вениамина // XX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: в 2 т. Москва: Изда-во ПСТГУ, 2010. Т. 1. С. 291-296. <https://elibrary.ru/uuuygf>
23. Орловский В.А. Канонизация новомучеников в Русской православной церкви // Tractus Aevorum. 2018. № 5 (1). С. 135-164. <https://doi.org/10.18413/2312-3044-2018-5-1-135-164>, <https://elibrary.ru/ywhhql>
24. Кутейникова Н.С. Образы новомучеников в работах иконописно-реставрационной мастерской св. Иоанна Дамаскина (проблемы и тенденции) // Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции и Исторических чтений в Гдове. Санкт-Петербург, 2024. С. 118-128. <https://elibrary.ru/bmmgka>
25. Плюснина О.В. Юрий Петрович Новицкий – профессор, юрист, святой // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности (к 140-летию со дня рождения мученика Ю.П. Новицкого): сб. тр. V Междунар. науч.-практ. конф. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2022. С. 18-23. <https://elibrary.ru/jgmdb0>

References

1. Dorskaya A.A. (2018). Historic and legal component in the construction of social and cultural space (on the example of the concept of social trauma). *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = MCU Journal of Legal Sciences*, pp. 36-43. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.201>, <https://elibrary.ru/yarjxf>
2. Dorskaya A.A., Dorskii A.Yu. (2018). The importance of social trauma in the process of legitimization of politics in post-Soviet Russia: the legal dimension. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = MCU Journal of Legal Sciences*, pp. 8-15. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2018.32.4.01>, <https://elibrary.ru/ypwuqx>
3. Ivanova M.A. (2006). A campaign to confiscate church valuables in the Pskov region in 1922. *Pskov. Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal = Pskov. Scientific and Practical, Historical and Local History Journal*, no. 24, pp. 153-161. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nuaisf>
4. Khrustalev M.Yu. (2004). *The Russian Orthodox Church in the center and on the periphery in the 1918–1930s (based on the materials of the Novgorod Diocese)*. *Cand. Sci. (History) diss.* Arkhangelsk, 273 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nmznfl>
5. Shkarovskii M.V. (2022). Campaign for the seizure of church valuables in the Petrograd diocese. *Vestnik Omskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii = Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*, no. 2 (13), pp. 174-181. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/qpltda>
6. Gol'tsov N.V. (2021). “The pulse of church life”: the society of Orthodox parishes of Petrograd and its province (1920-1922). *Aktual'nye voprosy tserkovnoi nauki = Current Issues of Church Science*, no. 1, pp. 166-170. (In Russ.) <https://elibrary.ru/izihq4>
7. Gol'tsov N.V., Petrov I.V. (2022). The experience of the biography of the New Martyr Yuri Petrovich Novitsky as an example of the study of persecution among defenders of the Orthodox Church in the High School. *Vestnik Yaroslavskoi dukhovnoi seminarii = Bulletin of the Yaroslavl Theological Seminary*, no. 4, pp. 76-85. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ivvesu>
8. Shkarovskii M.V. (2023). Actual problems of canonization of new Martyrs of the Russian Orthodox Church. *Vestnik Kuzbasskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii = Bulletin of Kuzbass Orthodox Theological Semi-*

- nary, no. 3 (14), pp. 28-39. (In Russ.) https://doi.org/10.56859/29490847_2023_3_28, <https://elibrary.ru/vbzgmf>
9. Mramornov A.I. (2024). The extralegal nature of the Petrograd trial of 1922 and the issues of preserving the memory of its victims. *Vestnik tserkovnoi istorii = Church History Bulletin*, no. 1-2 (73-74), pp. 139-151. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wiycrj>
 10. Gol'tsov N.V. (2022). "The trial of Metropolitan Benjamin": Memoirs of Bishop Cassian (Bezobrazov) about the campaign to seize church valuables and the Petrograd trial of 1922. *Vestnik istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii = Bulletin of the Historical Society of the St. Petersburg Theological Academy*, no. 3 (11), pp. 65-84. (In Russ.) https://doi.org/10.47132/2587-8425_2022_3_65, <https://elibrary.ru/tjzabw>
 11. Lobanov V.V. (2019). "Renovationist" Schism in the Russian Orthodox Church (1922–1946 gg.). St. Petersburg, "Petroglif" Publ., 266 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xsapwt>
 12. Alyachin R., ierei (2021). The campaign to seize church valuables: Patriarch Tikhon and the church in the face of persecution. *K 350-letiyu so dnya rozhdeniya Petra I: sekulyarnyi mir i religioznost': materialy ezhegodnykh Mitrofanovskikh tserkovno-istoricheskikh chtenii. Vyp. VI = Proceedings of the Annual Mitrofanovsky Church History Readings: To the 350th Anniversary of the Birth of Peter the Great: Secular World and Religiosity. No. 6*. Voronezh, Voronezh State University Publ., pp. 264-269. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zvmwvb>
 13. Konyaev M.N. (2013). *At the Lord's porch*. Moscow, "Smirenje" Publ., 480 p. (In Russ.)
 14. Petrov I.V. (2023). Campaign to confiscate church valuables and lawsuits against Orthodox clergy in 1922 as part of the final stage of the Russian Civil War. *Vestnik istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii = Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, no. 1 (13), pp. 80-96. (In Russ.) https://doi.org/10.47132/2587-8425_2023_1_80, <https://elibrary.ru/fcaevw>
 15. Shkarovskii M.V. (2022). Seizure of church valuables and the 1922 trial of the clergy in the Petrograd Diocese. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii = Journal of the Moscow Patriarchate*, no. 9, pp. 38-47. (In Russ.)
 16. Bril' G.G., Zaitsev L.N. (2023). Legal views of Yuriy Novitskiy on juvenile courts. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*, vol. 29, no. 3, pp. 234-239. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-234-239>, <https://elibrary.ru/qsffpg>,
 17. Mirzoyan M.A. (2022). Evolution of juvenile justice in the Russian legislation of the 20th century. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 2, pp. 158-166. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-158-166>, <https://elibrary.ru/ojait>
 18. Krapivin M.Yu. (2020). Petrograd group of progressive clergy and the Soviet confessional policy during the Civil War. *Vestnik SBPGU. Istoriya = Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 65, no. 2, pp. 392-408. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.204>, <https://elibrary.ru/pywsia>
 19. Konyakhin V.P., Aslanyan R.G., Batyutina T.Yu. (2022). The criminal code of the RSFSR of 1922: a legal, technical and institutional analysis. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, no. 5, pp. 8-10. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-5-8-10>, <https://elibrary.ru/mdcggk>
 20. Sobolev V.S. (2012). *Carrying the Sacred Burden of the Past...: Russian Academy of Sciences. National Cultural and Scientific Heritage. 1880–1930*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 380 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vwowpf>
 21. Pibaev I.A. (2015). Establishment and development of the secular state in Russia (19th–21st centuries): historical and theoretical aspects. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*, no. 8, pp. 20-47. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2409-7136.2015.8.15680>, <https://elibrary.ru/ubignv>
 22. Krivosheeva N.A. (2010). Analysis of the judicial and investigative cases of the clergy in 1922 on the basis of the "case" of Metropolitan Veniamin. *XX Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya PSTGU: v 2 t. = The 20th Annual Theological Conference of the Orthodox Svvyato-Tikhonovsky Humanitarian University: in 2 vols*. Moscow, PSTGU Publ., vol. 1, pp. 291-296. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uuygtf>
 23. Orlovskii V.A. (2018). Canonization of new martyrs in the Russian orthodox church. *Tractus Aevorum*, no. 5 (1), pp. 135-164. (In Russ.) <https://doi.org/10.18413/2312-3044-2018-5-1-135-164>, <https://elibrary.ru/ywhhql>
 24. Kuteinikova N.S. (2024). Images of the New Martyrs in the works of the icon-painting and restoration workshop of St. John Damascene (problems and trends). *Sbornik statei po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii i Istoricheskikh chtenii v Gdove = Collection of Articles on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference and Historical Readings in Gdov*. St. Petersburg, pp. 118-128. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bmmgka>
 25. Plyusnina O.V. (2022). Yuri Petrovich Novitskiy – professor, lawyer, saint. *Istoricheskaya pamyat' i dukhovnyi opyt formirovaniya rossiiskoi gosudarstvennosti (k 140-letiyu so dnya rozhdeniya muchenika*

Yu.P. Novitskogo): sbornik trudov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Proceedings of the 5th International Scientific-Practical Conference: Historical Memory and Spiritual Experience of the Development of Russian Statehood (to the 140th Anniversary of the Birth of the Martyr Y.P. Novitsky). Kostroma: Kostroma State University Publ., pp. 18-23. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jgmdbo>

Для контактов:

Жолобов Ярослав Борисович, e-mail: zholobov@szfgup.ru

Corresponding author:

Yaroslav B. Zholobov, e-mail: zholobov@szfgup.ru

Поступила в редакцию / Received 20.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-174-181>

Шифр научной специальности 5.1.1

Борьба с диверсантами и политбандитизмом на территории Тамбовской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Сироткина Евгения Викторовна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-8905-6996>, evgsirotkina@yandex.ru

Аннотация

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) борьба велась не только непосредственно на фронтах с немецко-фашистскими войсками и их союзниками, но и внутри страны – с диверсантами и политбандами, которые стремились разрушить страну изнутри и помочь победе фашизма. Целью исследования является изучение борьбы тамбовских правоохранительных органов с внутренним врагом, стремлением которого было помешать одержать победу советскому народу над фашистскими захватчиками. Исследование основано на общенаучных методах познания (анализ, синтез, индукция и дедукция). Методологической основой исследования служат принципы объективизма и историзма. Сделан вывод о том, что противник стремился добиться победы над СССР, в том числе опираясь на деятельность диверсантов и политбанд, которые формировались из дезертиров, уголовного элемента и лиц, которые были недовольны советской властью и стремились перейти на сторону врага. Немецкая военная разведка (абвер) занималась организацией подготовки диверсантов и поддержкой политбанд с целью посеять страх и панику среди мирного населения. Диверсанты и политбанды должны были заниматься организацией террористических актов, грабежами, разбоями, убийствами, а также распространением слухов и сплетен о неизбежном поражении советской власти и преимуществах жизни при немецкой администрации. Правоохранительные органы Тамбовской области сумели предотвратить эту разрушительную деятельность «внутреннего врага» и внесли значительный вклад в победу советского народа над фашизмом в 1941–1945 гг. Практические результаты исследования позволяют выработать методы противодействия попыткам дестабилизации обстановки на территории России.

Ключевые слова

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.), Тамбовская область, диверсанты, политбанды, правоохранительные органы

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

Е.В. Сироткина – концепция исследования, подбор и анализ документов и научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Сироткина Е.В. Борьба с диверсантами и политбандитизмом на территории Тамбовской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 9. № 2. С. 174-181. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-174-181>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-174-181>

OECD 5.05; ASJC 3308

The struggle against saboteurs and political banditry in the Tambov region during the Great Patriotic War (1941–1945)

Evgeniya V. Sirotkina,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department, Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-8905-6996>, evgsirotkina@yandex.ru

Abstract

During the Great Patriotic War (1941–1945), a struggle was waged not only on the front lines against German fascist forces and their allies, but also within the country against saboteurs and political groups who sought to undermine the country's stability and facilitate the triumph of fascism. The purpose of this study is to examine the efforts of Tambov law enforcement agencies in combating the domestic enemy, who sought to prevent the Soviet people from overcoming the Nazi invaders. This research is based on the application of general scientific methods of investigation, such as analysis, synthesis, induction, and deduction. The methodological basis for the research is based on the principles of objectivity and historicism. The study concludes that the enemy aimed to achieve victory over the Soviet Union, including through the activities of saboteurs and political groups, which were composed of deserters, criminals, and individuals dissatisfied with Soviet rule and seeking to defect to the opposing side. The German military intelligence service (Abwehr) was involved in organizing the training and support of sabotage groups and political factions in order to instill fear and panic among civilians. These sabotage groups and factions were tasked with carrying out acts of terrorism, robbery, murder, as well as spreading rumors and false information about the imminent defeat of Soviet forces and the benefits of living under German occupation. The law enforcement agencies in the Tambov region have managed to prevent the destructive activities of the "domestic enemy" and have made a significant contribution to the victory of the Soviet people in the fight against fascism during the 1941–1945. The practical findings of this study can be used to develop methods for countering attempts to destabilize Russia.

Keywords

The Great Patriotic War (1941–1945), Tambov region, saboteurs, political gangs, law enforcement agencies

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

E.V. Sirotkina – concept development, selection and analysis of documents and scientific literature, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Sirotkina, E.V. (2025). The struggle against saboteurs and political banditry in the Tambov region during the Great Patriotic War (1941–1945). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 174-181. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-174-181>

Введение

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война послужила причиной коренных изменений в системе обеспечения государственной безопасности и деятельности правоохранительных органов. Одним из важнейших направлений их работы становится противодействие подрывной деятельности противника, обеспечение безопасности объектов народного хозяйства и промышленности, поддержание порядка и пресечение разного рода преступлений в тыловых областях.

Наступление немецко-фашистских войск сопровождалось активной подрывной деятельностью. На советско-германском фронте были сосредоточены военная разведка и контрразведка фашистской Германии. При каждой армейской группировке создавались специальные абверкоманды. В 1941 г. насчитывалось 10 абверкоманд и 45 подчиненных им абвергрупп, включавших в свой состав свыше 5 тысяч кадровых фашистских разведчиков¹. Одной из основных задач абвергрупп становится совершение диверсий на прифронтовых и тыловых территориях и сбор разведывательной информации в отношении советских войск. Фашисты производили массовую заброску диверсионно-террористических групп, диверсантов-одиночек, задача которых заключалась в подрыве железных дорог, железнодорожных мостов, средств транспорта и связи, стремлении вызвать панику как в войсках, так и среди мирного населения.

Отдельные аспекты проблематики, связанной с борьбой с диверсантами и политбандами, были рассмотрены в трудах таких исследователей, как В.П. Баранов, А.А. Климов [1], А.Ю. Бондаренко [2–4], В.В. Корвин [5], С.Г. Лысенков [6], В.П. Сидоренко [7] и др.

Методы исследования

Исследование борьбы правоохранительных органов Тамбовской области против диверсионных групп и политбанд в годы Великой Отечественной войны предполагает использование общеправовых и миро-

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. Москва: Русь, 2000. С. V.

воззренческих методов, которые служат фундаментальной основой для изучения истории права и ее источниковой базы. Кроме того, методологическую основу исследования составляют принципы историзма и научной объективности.

Результаты исследования

28 июня 1941 г. была издана Директива об усилении работы заградительных отрядов по выявлению и разоблачению агентуры противника, перебрасываемой через линию фронта. В Директиве говорилось, что имеются данные, согласно которым германская разведка занимается вербовкой попавших в плен военнослужащих Красной Армии, чтобы затем, под видом побега из плена, забрасывать их на территорию СССР. Или немцы переодевают своих агентов в красноармейскую форму и снабжают документами, которые были отобраны у попавших в плен, и затем внедряют агентов в ряды Красной Армии. Наряду со шпионско-диверсионными заданиями агенты должны заниматься распространением провокационных слухов о непобедимости германской армии и о якобы хорошем обращении немцев с пленными красноармейцами². Директива требовала «организовать беспощадную борьбу со всеми дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов».

Официозная газета гитлеровской Германии «Фелькишер беобахтер» в сентябре 1941 г. констатировала: «Скоро выяснилось, что немцы совершили грубейший просчет в оценке русских резервов. До начала войны с Россией германская разведывательная служба в значительной степени полагалась на «пятую колонну». Но в России, хотя и были недовольные, «пятая колонна» отсутствовала» [8, с. 474].

В 1941 г. на оккупированных фашистами территориях действовало 13 диверсионно-разведывательных групп, которые обуча-

² Директива Управления отделов НКВД СССР № 39212 об усилении работы заградительных отрядов по выявлению и разоблачению агентуры противника, перебрасываемой через линию фронта. 28 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. С. 411–413.

ли плененных военнослужащих Красной Армии, перебежчиков и эмигрантов. Противник извлек уроки из провалов своих планов. В 1941 г. были созданы 9 новых абверкоманд и 21 абвергруппы. Были направлены усилия на более качественную подготовку диверсионных групп³.

После того как в ходе битвы за Москву был разрушен миф о непобедимости немецко-фашистской армии, противник заметно усилил заброску парашютных разведывательно-диверсионных групп в тыл страны. Генерал-майор органов Государственной безопасности, начальник 4 отделения ОКР СМЕРШ 68 армии, Северо-Западного и Западного фронтов в феврале–декабре 1943 г., затем начальник 2 отделения ОКР СМЕРШ Белорусского военного округа 1943–1946 гг. С.З. Остряков [9, с. 660–661] в своей книге «Военные чекисты» писал: «Всего на советско-германском фронте в годы войны действовало свыше 130 военно-разведывательных органов противника, а также около 60 различных школ для подготовки агентуры, не считая гестаповских, эсэсовских и иных полицейско-карательных формирований» [10, с. 155].

Неудача блицкрига, расширение фронтов, затягивание войны, провалы в диверсионной работе требовали от абвера новых разведчиков для шпионской работы на советской территории. Абвером была организована сеть из разведшкол, в которой за 1942 г. прошли обучение свыше десяти с половиной тысяч агентов фашистской разведки [10, с. 163]. Большой поток диверсантов был направлен в тыловые области СССР. 28 января 1942 года НКВД СССР было издано указание № 30 об использовании в оперативных мероприятиях по выявлению агентуры противника выписки из вопросника германской разведки для агентуры, забрасываемой в тыловые районы СССР⁴. Данная ориентировка

была получена при захвате одной из фашистских частей и давала ориентиры, какие именно вопросы интересуют разведку противника. Из анализа вопросника германской разведки ставилось ясно, что противника интересовали, в первую очередь, мобилизационные возможности СССР и производительность военной промышленности СССР.

В ходе войны рос уровень мастерства и опыт разведки, контрразведки и советской правоохранительной системы. Так, за март–ноябрь 1942 г. органами НКВД было задержано 687 вражеских агентов-парашютистов⁵. Согласно докладу Л.П. Берии из общего числа задержанных с повинной явилось 275 человек, было уничтожено при задержании 43 человека. При этом было изъято 167 радиостанций⁶. Большое количество попавших в плен красноармейцев соглашалось на вербовку с целью вырваться из плена и при первой возможности обратиться в органы НКВД.

«2 октября 1942 г. группа немецко-фашистских агентов была задержана в Дегтянском районе Тамбовской области. В диверсионную группу входили бывшие воентехники 2 ранга – Корочков и Басов, а также младший лейтенант Красной Армии – Комягин⁷. При задержании диверсионной группы при них были обнаружены рация, ящик с взрывчаткой, 9 револьверов, гектограф, 200 листовок «Боевого союза русских националистов», 135850 рублей, фиктивные документы и др.»⁸.

М.Ф. Корочков попал в плен 2 июля 1941 г., с июня по 18 сентября 1942 г. обучался в разведшколе в с. Яблонь, расположенном в Польше, где готовили диверсантов для забрасывания в тыл Красной Армии. После того как Корочков был заброшен в

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. Москва: Русь, 2003. С. 67.

⁴ Указание НКВД СССР № 30 об использовании в оперативных мероприятиях по выявлению агентуры противника выписки из вопросника германской разведки для агентуры, забрасываемой в тыловые районы СССР. 28 января 1942 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. 2003. С. 64–67.

⁵ Докладная записка НКВД СССР № 2037/Б в ГКО о результатах борьбы с вражескими агентами-парашютистами, забрасываемыми немецкой военной разведкой в тыловые районы СССР. 5 декабря 1942 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. 2003. С. 514.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 517.

⁸ Из описи вещей, изъятых 3 октября 1942 г. при задержании агентов немецкой разведки М.Ф. Корочкова, И.А. Басова и М.Д. Комягина // Архив УФСБ по Тамбовской области. Ф. 10. Оп. 5. Д. Р-6773. Л. 8-9об.

составе диверсионной группы в район Дегтянска Тамбовской области, 3 октября 1942 г. он добровольно явился в РО НКВД Тамбовской области, дал добровольные показания и помог задержать двух других диверсантов⁹.

На допросе, который состоялся 9 октября 1942 г., Корочков дал показания, что четко определенной последовательности проведения диверсий для их группы определено не было, все должно было определяться конкретными обстоятельствами. В задачи группы входило проведение диверсий на железнодорожном транспорте, разрушение средств связи, взрыв электростанций, уничтожение памятников, диверсии в сельском хозяйстве, сбор сведений шпионского характера, проведение террористических актов, устная и письменная агитация, вербовка агентуры и создание повстанческих отрядов на территории Советского Союза. Осуществление диверсий и террористических актов планировалось путем идеологического заманивания и подкупа советских граждан, с этой целью диверсионной группе было выделено 150 тысяч рублей¹⁰.

Еще один член диверсионной группы М.Д. Комягин во время следствия сотрудничал с органами НКВД. Кроме того, по заданию органов НКВД Комягин проводил работу по дезинформации немецкой разведки¹¹.

Сталинградская и Курская битвы, завершившие коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, только увеличили стремление абвера вести подрывную деятельность на территории СССР. «В 1943 г., – пишет С. Остряков, – количество переброшенных через линию фронта агентов противника возросло в полтора раза по сравнению с предшествующим годом войны» [10, с. 178].

⁹ Обвинительное заключение по следственному делу № 5526 М.Ф. Корочкова по статье 58-1 пункт «б» УК РСФСР // ЦДНИТО (Центр документации новейшей истории Тамбовской области). Ф. 735. Оп. 1. Д. 791. Л. 186-186об.

¹⁰ Из протока допроса агента немецкой разведки М.Ф. Корочкова. 9 октября 1942 г. // Архив УФСБ по Тамбовской области. Ф. 10. Оп. 5. Д. Р-6773. Л. 85-91.

¹¹ Постановление УНКВД по Тамбовской области об освобождении из-под стражи агента немецкой разведки М.Д. Комягина. 19 апреля 1943 г. // Архив УФСБ по Тамбовской области. Ф. 10. Оп. 5. Д. 20. Л. 270.

В апреле 1943 г. был задержан диверсант Т.И. Суманеев. Во время допроса он рассказал, что попал в плен 30 июля 1941 г., находился в лагере военнопленных в г. Гродно, а затем был отправлен в южную Баварию. Проходил обучение в разведшколе в Вене, затем в Варшаве окончил школу радистов. 23 апреля 1943 г. он в составе диверсионной группы из двух человек был заброшен в район у деревни Знаменка Тамбовской области. Затем он и его напарник приняли решение обратиться и сдать органы НКВД. 26 апреля 1943 г. они явились в Платоновский РО НКВД ТО¹². На допросе Суманеев рассказал об организации распорядка дня в разведшколе и о подготовке в четырех школах, расположенных севернее Варшавы, радистов для заброски на советскую территорию. Кроме того, Суманеев рассказал, что на этой территории была одна школа, которую была укомплектована исключительно из женщин, которые также обучались для ведения диверсионной работы на советской территории¹³.

Согласно показаниям уроженца Мичуринска Н.Д. Злобина, он до 17 июля 1941 г. служил в 463 стрелковом полку в звании лейтенанта. После того как попал в плен, проходил обучение в Бальге и Варшаве в разведывательной школе фашистов. Его диверсионная группа в составе двух человек – его самого и Мищенко, 24 апреля 1943 г. были заброшены в тыл Красной Армии около деревни Старое Хмелево Мичуринского района Тамбовской области. Сразу после приземления Злобин и Мищенко явились в Мичуринское РО НКВД. Задачами, которые были поставлены перед группой Злобина, были выяснение наличия воинских частей, их нумерация, род войск и численность; разведка железнодорожных узлов, разведка аэродромов, выяснение морального состояния населения¹⁴.

Чем очевиднее становились поражение гитлеровской Германии на фронтах, тем ак-

¹² Из протокола допроса агента немецкой разведки Т.И. Суманеева // Архив УФСБ по Тамбовской области. Ф. 10. Оп. 5. Д. 20. Л. 3-4.

¹³ Там же.

¹⁴ Из протокола допроса агента немецкой разведки Н.Д. Злобина // Архив УФСБ по Тамбовской области. Ф. 10. Оп. 5. Д. 20. Л. 16-16об.

тивнее вел диверсионную работу абвер. Сошлемся еще на цифры, которые приводит в своей работе С.З. Остряков: «Если в 1941–1943 гг. в прифронтовую зону направлялось примерно 55 процентов всех вражеских шпионов, диверсантов и террористов, заброшенных на советскую территорию, то в 1944 г. эта цифра поднялась до 63 процентов, а в 1945 г. – даже до 88 процентов» [10, с. 180].

22 апреля 1944 г. была задержана диверсионная группа в составе двух человек – А.В. Чернова и И.Е. Глухенького. При них были обнаружены оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества. Чернов до августа 1943 г. проходил службу в Красной Армии в качестве командира роты отдельного стрелкового батальона. Был награжден медалью «За боевые заслуги». Был завербован и проходил обучение в школе диверсантов с 20 ноября 1943 г. по 1 апреля 1944 г. После завершения обучения Чернову было объявлено, «что он будет выброшен в 2 км восточнее д. Лубки Лысогорского района Тамбовской области, где его должна встретить группа лиц из 3 человек, которые работают уже давно в пользу немцев»¹⁵, от них Чернов и Глухенький и должны были получить дальнейшие задания. Чернов решил после приземления отправиться в органы НКВД для явки с повинной. Он прибыл в с. Тулиновка, где связался с начальником отдела контрразведки «СМЕРШ» и способствовал задержанию своего напарника Глухенького.

11 мая 1944 г. был арестован и привлечен к уголовной ответственности по статье 58-1 пункт «б» УК РСФСР гражданин Ахмедов, который был завербован фашистами, после того как попал в плен в июле 1941 г. Он получил от немцев 53 тысячи рублей и занимался антисоветской агитацией, восхваляя немецко-фашистскую армию и рассказывал, как хорошо фашисты обращаются с военнопленными Красной Армии и с советскими жителями на оккупированных ими территориях¹⁶.

¹⁵ Из справки отдела контрразведки «СМЕРШ» Тамбовского гарнизона на агента немецкой разведки А.В. Чернова // Архив УФСБ по Тамбовской области. Ф. 10. Оп. 5. Д. 20. Л. 202-203.

¹⁶ Из спецсообщения начальника отдела контрразведки «СМЕРШ» Тамбовского гарнизона подполковника Панкратова начальнику отдела контрразведки

Еще одной важной задачей для правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны становится борьба с политическим бандитизмом. В основном в историографии уделяется внимание политбандам, действовавшим на территориях Северного Кавказа, но это проблема существовала во всех регионах страны, в том числе и в Тамбовской области. Под политическим бандитизмом понималась активная форма внутренней и внешней контрреволюции против советской власти. Политический бандитизм в годы Великой Отечественной войны рассматривался как безусловная поддержка фашистской Германии и ее политики. Выражался политбандитизм в организации поджогов, взрывов, террористических актов в отношении представителей органов власти и военнослужащих, в грабежах и порче имущества на местных предприятиях и в колхозах, в убийствах и грабеже местного населения.

Согласно составленной в 1946 г. аналитической записке «Паспорту Тамбовской области по состоянию на 1 января 1946 г.»: «Более враждебная часть дезертирствующего элемента уходит в глубокое подполье, стала на путь организованной контрреволюционной деятельности по созданию активно действующих бандгрупп, которых за 1942 г. по области было ликвидировано 40 с общим числом прямых участников 156 человек и пособников 52 человека.

За 1943 г. по области ликвидировано 66 бандгрупп с общим количеством 250 человек и банд-одиночек 25 человек, задержано два вражеских парашютиста.

За 1944 г. ликвидировано бандгрупп 62 с общим количеством участников в них 285 человек, банд-одиночек 37 человек, бандпособников привлечено к ответственности 88 человек. Ликвидировано дезертирствующих 14 групп с общим количеством в них участников 46 человек.

За 1945 г. ликвидировано бандгрупп 3 с общим количеством участников в них 112 человек, банд-одиночек 9 человек, привле-

«СМЕРШ» ОрВО генерал-майору Попову о привлечении к уголовной ответственности И. Ахмедова за антисоветскую деятельность. 12 мая 1944 г. // Архив УФСБ по Тамбовской области. Ф. 10. Оп. 5. Д. 20. Л. 197-198.

чено бандпособников к уголовной ответственности 29 человек»¹⁷.

Среди наиболее опасных дел, связанных с ликвидацией политбанд, действовавших на территории Тамбовской области, можно выделить агентурное дело «Обстрел», в ходе которого была уничтожена банда И.Д. Дубовицкого на территории Бондарского района. Своими целями бандгруппа Дубовицкого видела создание вооруженных отрядов из дезертиров для борьбы с советской властью, переход на сторону немецко-фашистских захватчиков, в случае оккупации ими Тамбовской области – ликвидацию советско-партийных работников и грабежи.

В ходе агентурного дела «Последыши» была ликвидирована бандгруппа Шишина, сына активного участника антоновского восстания. Банда Шишина имела на вооружении винтовку, гранаты, 2 обреза, 4 охотничьих ружья и боеприпасы. Цели банды Шишина совпадали с целями бандгруппы Дубовицкого.

В Инжавинском районе в 1944 г. была ликвидирована бандгруппа под руководством И.Е. Лутовинова и бандгруппа под руководством Затевалина, на территории Глазковского района в мае 1944 г. ликвидирована бандгруппа А.И. Скрылева и его ближайшего помощника А.С. Дымова, на территории Бондарского района ликвидированы 4 бандгруппы под руководством Рыжкова, Милосердова и Белоусова, в Первомайском районе ликвидирована бандгруппа под руководством бывшего лейтенанта РККА Иванова, в Тамбове были ликвидированы бандгруппы Колесникова, О.И. Семенова, Н.А. Добрынина, Ш.А. Кольцова¹⁸. Бандгруппы занимались грабежами, убийствами и разбоем. Преступления, совершаемые политбандами, отличались особой жестокостью и беспощадностью.

Согласно аналитической записке состояние преступности в Тамбовской области в 1942–1945 гг. выглядело так¹⁹:

Период, год	Совершено преступлений	Возбуждено дел	Привлечено	Арестовано
1942	6547	6547	7497	3949
1943	5649	5649	5880	2536
1944	5695	5695	6450	3221
1945	3170	3170	3823	1964
Всего	21061	21061	23650	11670

Заключение

Провал «блицкрига» подтолкнул фашистский абвер заняться поиском способов разрушить советскую государственность изнутри. Абвер рассчитывал путем заброски диверсантов и поддержки в организации политбанд из числа недовольных советской властью «расшатать» ситуацию внутри страны и таким образом ослабить или даже свергнуть советскую власть. Методы работы абвера в ходе войны совершенствовались, создавались новые разведшколы, росло число заброшенных внутрь страны диверсантов, но параллельно росли опыт и мастерство разведки, контрразведки и правоохранных органов СССР. Благодаря их работе абвер не смог достичь своих целей. Диверсионные группы разоблачались, в том числе благодаря помощи советских граждан. Бывший начальник отдела «Абвер-1» генерал-лейтенант Ганс Пиккенброк после войны признавал: «Россия – самая тяжелая страна для внедрения вражеской разведки... После вторжения германских войск на территорию СССР мы приступили к подбору агентов из числа военнопленных. Но трудно было распознать, имели ли они действительно желание работать в качестве агентов или намеревались таким путем вернуться в ряды Красной Армии. Многие агенты после переброски в тыл советских войск никаких донесений нам не присылали» [11, с. 30-31]. Деятельность политбанд также успешно подавлялась правоохранными органами, а по мере того как фашизм терпел поражение за поражением от Красной Армии, их привлекательность и численность заметно снижалась.

¹⁷ Из паспорта Тамбовской области по состоянию на 1 января 1946 г. // Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области. Подлинник. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 2-3.

¹⁹ Там же. Л. 3.

Список источников

1. Баранов В.Н., Климов А.А. Исторический опыт применения войск НКВД СССР в битве за Кавказ в годы Великой Отечественной войны // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 11 (68). С. 2560-2569. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.68.11.001>, <https://elibrary.ru/evclhdh>
2. Бондаренко А.Ю. Герои «СМЕРШ». Москва: Молодая гвардия, 2020. 388 с.
3. Бондаренко А.Ю. Военная контрразведка. 1918–2010. Москва: Молодая гвардия, 2011. 496 с.
4. Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н. Дорога к победе. Великая Отечественная война глазами современных историков и генералов. Москва: Вече, 2015. 368 с.
5. Коровин В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. Москва: Русь, 2003. 312 с. <https://elibrary.ru/qotrfrn>
6. Лысенков С.Г., Сидоренко В.П. Внутренние войска НКВД СССР в битве за Кавказ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4 (52). С. 24-30. <https://elibrary.ru/pyambr>
7. Сидоренко В.П. Деятельность войск НКВД СССР на Северном Кавказе в 1941–1943 гг. (к 75-летию Великой Победы советского народа) // Russian Colonial Studies. 2019. № 4. С. 107-135. <https://elibrary.ru/dbbxuk>
8. Мировая война 1939–1945 гг. / пер. с нем. А.А. Высоковский и А.И. Дьяконов. Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 538 с.
9. Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности 1941–1954. Москва: Звенья, 2010. 1008 с.
10. Остряков С.З. Военные чекисты. Москва: Воениздат, 1979. 320 с.
11. Иванов Л. Правда о СМЕРШе. Москва: Яуза-пресс, 2023. 320 с.

References

1. Baranov V.N., Klimov A.A. (2020). The historical experience of use NKVD troops of the USSR in the battle for the caucasus during The Great Patriotic War. *Voprosy Nacional'nyh i Federativnyh Otnoshenij = Issues of National and Federal Relations*, vol. 10, no. 11 (68), pp. 2560-2569. (In Russ.) <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.68.11.001>, <https://elibrary.ru/evclhdh>
2. Bondarenko A.Yu. (2020). *Heroes of "SMERSH"*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 388 p. (In Russ.)
3. Bondarenko A.Yu. (2011). *Military Counterintelligence. 1918–2010*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 496 p. (In Russ.)
4. Bondarenko A.Yu., Efimov N.N. (2015). *The Road to Victory. The Great Patriotic War through the Eyes of Modern Historians and Generals*. Moscow, Veche Publ., 368 p. (In Russ.)
5. Korovin V.V. (2003). *Soviet Intelligence and Counterintelligence during the Great Patriotic War*. Moscow, Rus Publ., 312 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qotrfrn>
6. Lysenkov S.G., Sidorenko V.P. (2012). The internal troops of the NKVD of the USSR in the battle for the Caucasus. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 4 (52). pp. 24-30. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pyambr>
7. Sidorenko V.P. (2019). Activity of NKVD Troops in the North Caucasus in 1941-1943 (to the 75th Anniversary of the Great Victory of the Soviet People). *Russian Colonial Studies*, no. 4. pp. 107-135. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dbbxuk>
8. *The World War 1939–1945*. (1957). Moscow, Foreign Languages Publishing House, 538 p. (In Russ.)
9. Petrov N.V. (2010). *Who Led the State Security Agencies 1941–1954*. Moscow, Zven'ya Publ., 1008 p. (In Russ.)
10. Ostryakov S.Z. (1979). *Military Security Officers*. Moscow, Military Publ., 320 p. (In Russ.)
11. Ivanov L. (2023). *The Truth about SMERSH*. Moscow, Yauza-press Publ., 320 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 10.01.2025

Поступила после рецензирования / Revised 10.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-182-187>

Шифр научной специальности 5.1.1

Отказ от согласия как ограничение правовых возможностей

Судденок Кристина Васильевна,

аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603022, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23; адвокат, Адвокатская контора № 2 Нижегородской областной коллегии адвокатов, Российская Федерация, 603093, г. Нижний Новгород, ул. Родионова, 23Д/45, <https://orcid.org/0009-0000-8617-3479>, k.suddenok@gmail.com

Аннотация

Рассмотрена проблема отказа от согласия как ограничения правовых возможностей. Цель исследования – анализ факта отказа от согласия как ограничения правовых возможностей. Автор разграничивает ситуации ограничения прав и установление особых условий реализации прав. При рассмотрении отказа от согласия выделяются виды отказа от согласия (отказ от выдачи согласия и отказ от уже выданного согласия), устанавливаются элементы отказа от согласия. Сделан акцент на том, что в правовом государстве возможно установление ограничений. Сделан вывод, что указанные ограничения как степень возможной реализации субъективной возможности должны быть законодательно закреплены и выражены в конкретном правоотношении. Необходимость получения согласия как со стороны самого субъекта правоотношения, так и третьего лица в конкретном правоотношении выступает как условие реализации права, а в некоторых случаях как законодательно установленное ограничение правомочий участников правоотношения.

Ключевые слова

согласие, отказ от согласия, правовые ограничения, условия реализации прав

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

К.В. Судденок – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Судденок К.В. Отказ от согласия как ограничение правовых возможностей // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 182-187. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-182-187>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-182-187>

OECD 5.05; ASJC 3308

Refusal of consent as a limitation of legal possibilities

Kristina V. Suddenok,

Post-Graduate Student, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation; Lawyer, Law office No. 2 of the Nizhny Novgorod Regional Bar Association, 23D/45, Rodionova St., Nizhny Novgorod, 603093, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0000-8617-3479>, k.suddenok@gmail.com

Abstract

The problem of refusal of consent as a limitation of legal possibilities is considered. The purpose of the study is to analyse the fact of refusal of consent as a restriction of legal possibilities. The author distinguishes between situations of restriction of rights and the establishment of special conditions for the realisation of rights. When considering the refusal of consent, the author distinguishes the types of refusal of consent (refusal to give consent and refusal of consent already given), establishes the elements of refusal of consent. Emphasis is placed on the fact that in a state governed by the rule of law it is possible to establish restrictions. It is concluded that these restrictions as a degree of possible realisation of subjective possibility should be legislated and expressed in a specific legal relationship. The necessity of obtaining consent both from the subject of the legal relation and a third party in a particular legal relation acts as a condition for the realisation of the right, and in some cases as a legally established restriction of the powers of the participants of the legal relation.

Keywords

consent, refusal of consent, legal restrictions, conditions for the realisation of rights

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

K.V. Suddenok – concept development, collection and processing of normative materials, selection of literature, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Suddenok, K.V. (2025). Refusal of consent as a limitation of legal possibilities. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 182-187. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-182-187>

Введение

Проблема правовых ограничений является в настоящее время актуальной как с практической, так и с теоретической точки зрения. Традиционно в обыденном понимании термин «ограничение» имеет негативную окраску и подразумевает лишение или уменьшение тех или иных возможностей. Однако данное понимание является однобоким и не учитывает возможность понимания термина «ограничение» с точки зрения возможности реализации предоставленных прав. Среди современных исследователей необходимо отметить таких ученых, как Е.П. Губин [1], Э. Зеккель [2], А.Я. Рьжен-

ков [3], А.В. Саркисян, Д.А. Новосельнов [4], А.В. Ахцимина [5], Н.В. Варламова [6], С.В. Королев [7], О.И. Гентовт [8], А.А. Сусллов [9], работы которых вносят существенный вклад в изучение проблемы отказа от согласия как ограничения правовых возможностей.

Результаты исследования

Прежде чем приступить к исследованию отказа от согласия как ограничения правовых возможностей, хотелось бы определиться с терминологией и разграничить понимание категорий «правовое ограничение» и «ограничение прав».

О.И. Гентовт подчеркивает, что «правовое ограничение – это категория, характеризующая объективное право, это результат правового регулирования общественных отношений. В свою очередь, под ограничением права необходимо понимать определенное сужение возможностей, которыми обладает управомоченное лицо – носитель конкретного субъективного права» [8].

В случае если конкретный субъект не может реализовать предоставленное ему законом правомочие, можно говорить об ограничении права. Если же субъект для предоставленного ему права должен соблюсти определенные процедуры, речь идет об условии реализации права.

Согласие в различных ситуациях является необходимым для возникновения, изменения или прекращения конкретных правоотношений. При этом необходимость такого согласия зависит от воли субъекта, от третьих лиц или обстоятельств.

Отказ от согласия может возникнуть по разным причинам, таким как нежелание сотрудничать, отсутствие информации о предлагаемом действии или его последствиях, недоверие к другой стороне и т. д. Понятие «отказ» имеет многогранное значение и используется в различных правовых контекстах. Отказ «может быть определен с позиций различных цивилистических учений (теорий): о механизме гражданско-правового регулирования, о правоотношении, об юридических фактах, о защите гражданских прав» [9, с. 6].

Применительно к рассмотрению отказа от согласия представляется целесообразным рассматривать отказ как особую разновидность юридического факта.

Одной из распространенных форм отказа выступает правомочие субъекта отказаться от обладания определенным правом. Например, физическое лицо имеет право отозвать ранее данное согласие на обработку своих персональных данных. Данный отзыв является заявлением об отказе, прекращающим правомерность действий по обработке данных.

Отказ также может применяться в превентивных целях, чтобы исключить возникновение нежелательных юридических последствий. Отказ может быть применен с

целью предотвратить возникновение юридических последствий, которые третьи лица могут пытаться вызвать.

А.А. Суслов отмечает, что «отказ в даче согласия – это такой способ осуществления секундарного права, который выражается в форме отказа (односторонней сделки) и не влечет прекращения соответствующей правовой возможности» [10]. С другой стороны, правовая природа отказа может быть квалифицирована «в качестве самостоятельного секундарного права» [10].

Безусловно, отказ от согласия представляет собой волеизъявление, которое влечет правовые последствия (в частности, влечет его прекращение или недопущение возникновения возможного правоотношения).

При рассмотрении категории отказа от согласия его необходимым элементом выступает субъект, управомоченный на выдачу/отказ от выдачи согласия, которым может выступать физическое или юридическое лицо, публичные органы и их должностные лица. При этом физические и юридические лица имеют самостоятельный интерес в выражении согласия или, наоборот, в отказе от согласия. Напротив, публичные органы власти, а также должностные лица не имеют самостоятельного интереса при выражении волеизъявления.

Субъект, выражающий волю на отказ от согласия, взаимосвязан с тем объектом, в отношении которого данный отказ может быть выражен.

Вторым необходимым элементом отказа от согласия является момент выражения отказа от согласия и форма такого отказа.

В зависимости от момента выражения отказа от согласия (временного промежутка, в котором дается отказ от согласия) можно выделить:

- отказ от дачи (выдачи) согласия;
- отказ от уже выданного согласия.

Отказ от выдачи согласия представляет собой акт волеизъявления, влечет невозможность наступления правовых последствий, которые требуются третьим лицам или самому субъекту. И в данной связи отказ от выдачи согласия выступает ограничением и препятствием развития правоотношения.

Отдельными нормами законодательства предусмотрены конкретные случаи отказа от

выдачи согласия. К примеру, отказ участников хозяйственного общества на переход доли в уставном капитале хозяйственного общества к правопреемникам участников (пункт 6 статьи 93 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ¹ (далее по тексту – ГК РФ)).

Рассматривая указанный пример, отказ от согласия влечет ограничение прав конкретных субъектов на реализацию потенциально имеющихся прав на участие в хозяйственном обществе.

По общему правилу, доли в уставном капитале хозяйственного общества переходят к правопреемникам участников хозяйственного общества, без согласия других участников, если иное не предусмотрено уставом хозяйственного общества. Указанное положение является законодательно закрепленным случаем установления возможности ограничения прав на вхождение наследников и правопреемников в состав участников хозяйственного общества. Для реализации указанной возможности необходимо включение соответствующего условия в устав хозяйственного общества, что возможно только в случае волеизъявления участников хозяйственного общества. Вторым этапом выражения волеизъявления участников является принятие конкретного решения о согласии или отказе в даче согласия на переход доли.

Уставом хозяйственного общества может быть предусмотрено принятие решения о согласии или отказе в даче согласия под условием. Так, в качестве условия отказа в даче согласия на переход доли в уставном капитале хозяйственного общества к наследникам может быть предусмотрено отсутствие присоединения наследников к корпоративному договору.

Вторая группа отказов в зависимости от временного промежутка выражения волеизъявления составляет отказ от уже выданного согласия. В указанной ситуации правовые последствия выдачи согласия уже наступили, действовали определенный промежуток времени, однако в результате воле-

изъявления лица или его законного представителя прекращаются.

Так, законодательством урегулированы ситуации отзыва согласия на совершение отдельных юридически значимых действий (отказ от медицинского вмешательства, отзыв согласия лица быть исполнителем завещания и др.).

В некоторых ситуациях отзыв уже предоставленного согласия невозможен, что означает, что субъект права может выразить свою волю только однажды – при выборе дать согласие или отказаться от него. В других случаях отказ от предоставленного согласия может быть возможен, однако период, в течение которого такой отказ может быть осуществлен, явно ограничен.

Так, в соответствии с пунктом 57 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ»² установлена возможность отказа от согласия до момента совершения сделки.

В ходе правоприменения данная позиция подверглась корректировке. В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 09 августа 2022 г. № 307-ЭС22-6562 суд приходит к выводу о том, что отказ супруги от ранее выданного согласия на продажу долей в уставном капитале хозяйственного общества после заключения супругом предварительного договора купли-продажи долей не может иметь правовых последствий³.

В вышеприведенных примерах отказ от согласия представляет собой способ распоряжения лицом принадлежащим ему правом, влекущий ограничение прав либо самого субъекта, выразившего отказ от согласия,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

² О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. 2015. 30 июня.

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 09 августа 2022 г. № 307-ЭС22-6562 // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://aoas.garant.ru/#/document/364220365/paragraph/1:0> (дата обращения: 20.02.2025).

либо третьих лиц, стремящихся к наступлению определенных правовых последствий.

Заключение

Исходя из представленных позиций, можно сделать вывод, что в правовом государстве возможны установление ограничений. Указанные ограничения как степень возможной реализации субъективной возможности должны быть законодательно закреплены и выражены в конкретном правоотношении. Необходимость получения согласия как со стороны самого субъекта правоотношения, так и третьего лица в конкретном правоотношении выступает как условие реализации права, а в некоторых случаях как законодательно установленное ограничение правомочий участников правоотношения. Отказ от согласия, с одной сторо-

ны, выступает законным способом реализации предоставленного субъекту права выбора (дачи или отказа от согласия), с другой стороны, выступает юридически правомерным ограничением правовых возможностей других лиц, а в некоторых случаях, и самого лица. При этом некоторые аспекты отказа от согласия остались неурегулированными. Представляется необходимым включить правила, сформированные судебной практикой, в содержание правовых норм. В частности, представляется логичным на законодательном уровне закрепить временной промежуток, в течение которого имеется возможность выражения отказа от согласия, форму такого отказа, порядок уведомления сторон о таком отказе, а также четко закрепить правовые последствия такого отказа.

Список источников

1. Губин Е.П. Правовое обеспечение свободы экономической деятельности // Предпринимательское право. 2015. № 4. С. 3-9. <https://elibrary.ru/uyvekz>
2. Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 204-252.
3. Рыженков А.Я. Действие своей волей и в своей интересе как принцип гражданского законодательства // Юрист. 2014. № 16. С. 16-21. <https://elibrary.ru/smkspb>
4. Саркисян А.В., Новосельнов Д.А. Об отказе от права и его последствиях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 4. С. 93-131. <https://elibrary.ru/ymdgpj>
5. Ашихмина А.В. Вопросы ограничения прав и свобод на современном этапе конституционного развития России // Закон и право. 2008. № 1. С. 42-45. <https://elibrary.ru/jwpgjn>
6. Варламова Н.В. Права человека как предмет юридической интерпретации // Государство и право. 2009. № 2. С. 24-29. <https://elibrary.ru/jvyidj>
7. Королев С.В. Действие основных прав по горизонтали и отказ от основных прав // Труды института государства и права Российской академии наук. 2008. № 6. С. 78-87. <https://elibrary.ru/sdcgjh>
8. Генцовт О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ. Москва: Статут, 2022. 214 с.
9. Сулов А.А. Понятие и виды отказов в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2022. 22 с. <https://elibrary.ru/bpgnag>
10. Сулов А.А. Отказ в даче согласия в частном праве: правовая природа, форма выражения и правовые последствия // Современное право. 2020. № 7. С. 60-65. <https://doi.org/10.25799/NI.2020.30.48.010>, <https://elibrary.ru/dbnymu>

References

1. Gubin E.P. (2015). Legal groundwork of the economic activities freedom. *Predprinimatel'skoe pravo = Business Law*, no. 4, pp. 3-9. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uyvekz>
2. Zekkel E. (2007). Secondary rights in civil law. *Vestnik grazhdanskogo prava*, no. 2, pp. 204-252. (In Russ.)
3. Ryzhenkov A.Ya. (2014). The action of his will and in their own interest as the principle of civil law. *Jurist = Jurist*, no. 16, pp. 16-21. (In Russ.) <https://elibrary.ru/smkspb>
4. Sarkisyan A.V., Novosel'nov D.A. (2017). On the waiver and its consequences. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoi Federatsii = Herald of Economic Justice*, no. 4, pp. 93-131. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ymdgpj>
5. Ashihmina A.V. (2008). Issues of restrictions on rights and freedoms at the current stage of constitutional development in Russia. *Zakon i pravo*, no. 1, pp. 5-7. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jwpgjn>

6. Varlamova N.V. (2009). Human rights as a subject of legal interpretation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 2, pp. 24-29. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jvyidj>
7. Korolev S.V. (2008). The horizontal application of fundamental rights and the waiver of fundamental right. *Trudy instituta gosudarstva i prava rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, no. 6, pp. 78-87. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sdcgxx>
8. Gentovt O.I. (2022). *Restriction of Corporate Rights as a Way to Ensure the Interests of Business Entity Participants*. Moscow, Statut Publ., 214 p. (In Russ.)
9. Suslov A.A. (2022) *Ponyatie i vidy otkazov v rossiiskom grazhdanskom prave. Cand. Sci. (Law) diss. abstr.* Vladivostok, 22 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bpgnag>
10. Suslov A.A. (2020). Denial of consent in private law: legal nature, form of expression and legal consequences. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, no. 7, pp. 60-65. (In Russ.) <https://doi.org/10.25799/NI.2020.30.48.010>, <https://elibrary.ru/dbnymu>

Поступила в редакцию / Received 22.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 24.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.01

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-188-195>

Шифр научной специальности 5.1.1.

Традиционные духовно-нравственные ценности как основа государственного единства народов Российской Федерации: правовой аспект

Желинский Александр Иванович,

начальник отдела протокола, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», Российская Федерация, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, <https://orcid.org/0009-0004-9794-9497>, zhelinskijai@herzen.spb.ru

Аннотация

Рассматривается процесс становления концепции традиционных российских духовно-нравственных ценностей в качестве новой объединяющей идеи российского общества. Цель исследования состоит в анализе их значения в качестве базовых установок, обеспечивающих единство многонационального, многоконфессионального и мультикультурного российского общества. Оцениваются современные вызовы традиционным формам общества, проводится дифференциация понятий «государственного» и «национального» единения, доказывается роль традиционных духовно-нравственных ценностей в качестве основы именно государственного единства и суверенитета России, делается вывод о том, что на фоне дестабилизирующих социально-политических процессов постсоветского периода на смену прежним идеологическим концепциям пришла концепция традиционных российских духовно-нравственных ценностей, ставшая закономерным ответом на нарастающее внешнее влияние идей ультралиберализма, стремящихся уничтожить национальные и культурные особенности различных народов в угоду процессам экономической глобализации и идеологии материального потребления.

Ключевые слова

традиционные российские духовно-нравственные ценности, идеология, единство, суверенитет, государство, общество

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

А.И. Желинский – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Желинский А.И. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа государственного единства народов Российской Федерации: правовой аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 188-195. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-188-195>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-188-195>

OECD 5.05; ASJC 3308

Traditional spiritual and moral values as the basis of the state unity of the peoples of the Russian Federation: legal aspect

Alexander I. Zhelinsky,

Head of the Protocol Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0004-9794-9497>, zhelinskijai@herzen.spb.ru

Abstract

The process of development of the concept of traditional Russian spiritual and moral values as a new unifying idea of the Russian society is considered. The purpose of the study is to analyze their significance as basic principles that ensure the unity of multinational, multi-confessional and multicultural Russian society. Modern challenges to traditional forms of society are assessed, the concepts of “state” and “national” unity are differentiated, the role of traditional spiritual and moral values as the basis of state unity and sovereignty of Russia is substantiated, it is concluded that against the background of destabilizing socio-political processes of the post-Soviet period, the concept of traditional Russian spiritual and moral values has replaced the previous ideological concepts, which became a natural response to the growing and growing unity of the Russian society.

Keywords

traditional Russian spiritual and moral values, ideology, unity, sovereignty, state, society

Funding

This research received no external funding.

Author’s contribution

A.I. Zhelinsky – research idea, normative documents collection and processing, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Zhelinsky, A.I. (2025). Traditional spiritual and moral values as the basis of the state unity of the peoples of the Russian Federation: legal aspect. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 188-195. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-188-195>

Введение

Говоря о государстве, принято оперировать исключительно политико-правовыми категориями, будь то марксистское определение государства, как аппарата насилия в руках правящего класса, или естественнонаучное понимание государства как продукта социального договора для достижения общественно-полезных целей – во всех теориях во главу угла ставятся формальные признаки государства – территориальная обособленность, суверенитет, публичная власть, монополия на принуждение, налоги, членство в государстве населения занимаемой им территории (нынче больше извест-

ное как гражданство). Все это верно, но, тем не менее, не дает ответа на вопрос: «что именно сплачивает народы в государство?».

Результаты исследования

Рассматривая историю становления российского государства, нельзя не отметить ее крайне тяжелый, нестабильный характер с чередованием сменяющих друг друга этапов единения и раздробленности. Хотя, справедливости ради, эту чехарду никак нельзя назвать нашей особенностью: аналогичные процессы происходили как в Европе, так и в иных регионах – от арабского мира до стран Юго-Восточной Азии. И в очередной раз, собирая разрозненные и враждующие рус-

ские княжества под единую руку, очередной великий князь задавался вопросом о том стержне, вокруг которого на века могла бы сплотиться русская держава. Еще в первой четверти XVI века была сформулирована и озвучена политическая концепция «Москва – третий Рим» за авторством псковского монаха Филофея, и возникла эта концепция не случайно: юное, по историческим меркам, московское княжество, только что освободившееся из-под владычества Монгольской империи и захватившее очевидное лидерство в вопросе о новом центре объединения русских земель, отчаянно нуждалось в государственной идеологии, обосновывающей его претензии на роль этого общерусского центра притяжения. Нельзя не отметить и очевидный религиозный компонент указанной концепции: Москва объявляла себя не просто политическим центром, где держит двор великий князь, но новым центром православия, преемницей обеих Римских империй. Именно подобным наполнением идеологическое единение государства и отличается от простого силового удержания земель и народов.

С укреплением центристских позиций и самодержавия на Руси (а в последствии – в Российской империи) идеологические догматы единой самодержавной власти развивались и совершенствовались, приобретая законченный вид в первой половине XIX века, когда за авторством российского государственного деятеля С.С. Уварова была сформулирована концепция «Православие. Самодержавие. Народность» [1].

С падением самодержавия и разрушением спайки церкви с государством на смену старой идеологии пришла новая, основанная на диктатуре пролетариата во имя строительства коммунистического общества. Не случайно принятая в 1924 г. Конституция СССР провозглашает разделение мира «на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма», неизбежность создания «единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения» через объединение «в одну социалистическую семью», «в одно союзное государство»¹. Вне всякого

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II

сомнения, через противопоставление социалистического и капиталистического миров советский законодатель сформулировал не что иное, как новую государственную идеологию единения советских народов. Социалистическим общенародным(!) государством² провозглашала СССР в своей преамбуле и последняя конституция страны Советов, принятая в 1977 г.

С распадом СССР на его обломках возник идеологический вакуум: идея сплочения народов в единую социалистическую семью канула в Лету, а новой идеологии занятая дележом советского наследия власть предложить обществу не сумела. Более того, принятая в 1993 г. Конституция Российской Федерации в статье 13 однозначно утвердила: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»³, каковые положения без изменений содержатся в тексте Основного закона страны до настоящего времени. Приведенная конституционная норма на протяжении многих лет являлась одной из самых спорных: не то что отсутствие – категоричный запрет единой государственной идеи – в мультикультурном российском обществе представлялся верным путем к росту местечкового национализма и сепаратизма. Как справедливо отмечено, данная «конституционная формула не способна выполнить задачу по единению российского общества, а, напротив, способствует его атомизации, появлению своего рода броуновского движения, разрушающего общественные связи» [2, с. 8].

Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) // СПС «Гарант». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/5508661 (дата обращения: 22.01.2025).

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // СПС «Гарант». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732 (дата обращения: 22.01.2025).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> 04.07.2020 (дата обращения: 22.01.2025).

Между тем Российская Федерация, преодолев к середине 2000-х гг. неизбежный этап ослабления внутренних социально-экономических и политических связей, пришла к закономерному выводу о необходимости выработки нового идейного стержня, вокруг которого могло бы сплотиться российское общество, дабы противостоять как внешним угрозам, так и неизбежным в столь многонациональной стране внутренним противоречиям.

Фактически, в условиях конституционного запрета государственной идеологии, стоя перед перспективой нарастания внутренних противоречий, отечественные научные и политические деятели вынуждены были экстренно заняться выработкой так называемой «национальной идеи» или, как ее иногда называют, «гражданской религии», функциональным аналогом которой и выступили традиционные духовные ценности [3; 4].

Нельзя сказать, что концепция традиционных российских духовно-нравственных ценностей в качестве идеи общественного и государственного единства зародилась единомоментно. Напротив, она развивалась постепенно, проступая то в речах государственных деятелей, то в положениях нормативно-правовых актов. Так, в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 марта 1999 г. «Россия на рубеже эпох» Президент Российской Федерации провозглашал основным способом достижения целей российского государства «создание демократического общества, динамично развивающегося на основе эффективной современной рыночной экономики, высоких технологий, сохраняющего лучшие традиции российской истории, великое культурное наследие и духовные ценности нашей страны», подытоживая свое послание утверждением: «Но Россия остается Россией. Являясь неотъемлемой частью цивилизованного мира, она хранит верность традиционным ценностям»⁴. Отсылку к традиционным ценностям исследователи усматривают

⁴ Россия на рубеже эпох (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации). Послание Президента Российской Федерации от 30.03.1999 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22400/page/1> (дата обращения: 22.01.2025).

и в положениях Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁵, пункт 4 части 2 статьи 5 которого относит к запрещенной к распространению информацию, отрицающую семейные ценности, проводя прямую связь между смысловым содержанием понятий «семейные ценности» и «традиционные духовно-нравственные ценности» в российской правовой системе [5–7].

Однозначно можно утверждать, что уже ко второй половине 2010-х гг. концепция традиционных духовно-нравственных ценностей, в современном ее виде, уже прочно закрепилась в российском правовом поле. Так, например, Указом Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 г. № 703⁶ были внесены существенные изменения в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.⁷ В указанный акт стратегического планирования были внесены ранее отсутствовавшие нормы, говорящие о появлении «новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации», породившие проблемы, к числу которых (подпункт «е» пункта 14) отнесено «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Традиционные духовно-нравственные ценности появились в числе целей государственной национальной политики (п. 17), ее задач (п. 21), основных направлений (п. 21.1) [8; 9].

Утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344

⁵ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 48.

⁶ О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666: Указ Президента РФ от 06 декабря 2018 г. № 703 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 50. Ст. 7739.

⁷ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 (ред. от 15.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. к числу внешних экстремистских угроз относит «поддержку и стимулирование рядом государств деструктивной деятельности, осуществляемой иностранными или международными неправительственными организациями, направленной на дестабилизацию общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, <...> на разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁸.

Окончательно понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» и его содержание было закреплено Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400⁹, и Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809¹⁰.

Итак, согласно этим документам, традиционные ценности – это «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к

поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹¹. К традиционным ценностям относятся: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»¹².

Подробный анализ каждой из ценностей целями настоящей работы не охватывается, сейчас важнее вопрос о том, насколько сама концепция традиционных духовно-нравственных ценностей отвечает целям сохранения общественного и государственного единства народов России, насколько они подходят на роль упомянутой «гражданской религии», то есть способствуют сплочению российского общества вокруг единого государства.

За время, прошедшее с момента распада СССР, успело вырасти и даже дать потомство целое поколение наших сограждан, чье становление пришлось на период отсутствия государственной идеологии. В эту эпоху наиболее сильное влияние на умы оказывало западное либеральное учение, во главу угла ставившее индивидуума и его права. Зародившись в Европе в эпоху первых буржуазных революций, к настоящему моменту, как это случается со многими некогда прогрессивными идеями, либеральная мысль, как справедливо отмечалось российскими учеными, выродилась «в совершенно иные, крайние, формы, в рамках которых неограниченная свобода личности и ее права приобрели абсолютную ценность, а главной обязанностью перед другими людьми и обществом стало считаться навязывание ультралиберальной идеологии всему миру, всем

⁸ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475. В настоящее время Указом Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 принята и утверждена новая Стратегия противодействию экстремизму в РФ, где вопросу традиционных российских ценностей также уделено внимание, в том числе в разделах задач и основных направлений государственной политики в сфере противодействия экстремизму. См.: Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53 (часть I). Ст. 8669.

⁹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

¹⁰ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

народам, государствам и цивилизациям» [10, с. 119]. В угоду главному выгодоприобретателю – капиталу – неолиберализм западного образца основным мерилom провозглашает личный успех, стремясь к глобализации и созданию «унифицированного, лишенного цивилизационного разнообразия и полностью управляемого мира» [10, с. 116].

Деструктивное влияние «диктатуры либерализма» (этот осюморон наиболее точно отражает суть современного ультралиберализма) отмечается и Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, раскрывающей формы посягательств (разрушение базовых моральных и культурных норм, семейных ценностей, активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма, насаждается культ насилия, потребления и наслаждения и т. п.) и их источники (недружественные государства, транснациональные корпорации, иностранные некоммерческие неправительственные, религиозные, экстремистские и террористические организации)¹³.

Фактически политика неолиберального капитализма стремится стереть национальные, религиозные, культурные отличия народов, превратив их из сложных исторически сформировавшихся многогранных социальных систем в простую совокупность индивидов-потребителей. Управлять однотипными, заточенными на личное потребление и ставящими во главу угла удовлетворение материальных потребностей людьми будет делом техники (специалисты по рекламе и маркетингу не дадут соврать).

Противостоять этой деструктивной стороне мировой глобализации, отстоять свое исторически завоеванное место под солнцем многонациональный народ России способен, лишь осознав себя не простой совокупностью не связанных друг с другом людей, случайно проживающих на одной территории, но коллективным организмом, имеющим общую историю, культуру, жизненный путь. На этом фоне защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества обоснованно ставится в один ряд с

¹³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400.

укреплением суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, обеспечением обороны и безопасности России [11].

Полагаем важным также отметить принципиальное отличие концепции традиционных российских духовно-нравственных ценностей от популярной в 1990-х и начале 2000-х гг. (да и в настоящее время, пусть с меньшим размахом имеющей место) концепции «русской национальной идеи». «Национальная идея», «национальные ценности» могут (с натяжкой) рассматриваться стеновым стержнем государства мононационального. В Российской Федерации с ее многонациональным и мультикультурным составом населения концепция национальных культурных ценностей не просто провальна – она сыграет обратную роль: вместо объединения породит разлад. Полагаем, именно поэтому концепция «национальной идеи» была отвергнута законодателем, уступив место общегосударственной концепции «традиционных ценностей». Не случайно, в программных документах (например, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации или Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации) термин «национальный» всегда употребляется в смысле «государственный» или «гражданский», что многократно подчеркивается («государственная национальная политика Российской Федерации – система стратегических приоритетов и мер, <...> направленных на укрепление межнационального согласия, гражданского единства...»¹⁴, «национальные интересы Российской Федерации – объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии»¹⁵). Опираясь на эти программные документы, мы можем с уверенностью сделать вывод о том, что концепция традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в отличие от так называемой «национальной

¹⁴ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 (ред. от 15.01.2024).

¹⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400.

идеи», является именно концепцией государственного единения многонационального и многоконфессионального народа России.

Заключение

Концепция традиционных российских духовно-нравственных ценностей пришла на смену прежним идеологическим концепциям, будучи рожденной в условиях временного идеологического вакуума, на фоне дестабилизирующих социально-политических процессов постсоветского периода. Рождение данной концепции стало закономерным ответом на нарастающее внешнее влияние идей ультралиберализма, стремящихся уничтожить национальные и культурные особенности различных народов в угоду

процессам экономической глобализации и идеологии материального потребления. В рамках концепции традиционные российские духовно-нравственные ценности выступают нравственными ориентирами, служащими гражданскому единению многонационального и многоконфессионального народа России в сообщество, осознающее общую историю, общую культуру, обогащенную всеми национальностями и этносами, единый жизненный путь, направленный на сохранение своей самобытности, самоопределения, и через это – на обеспечение государственного единства и государственного суверенитета Российской Федерации.

Список источников

1. Гольцов В.И. Официальная идеология самодержавия XIX – начала XX в. // Исторический вестник. 2022. Т. 39. С. 12-55. <https://doi.org/10.35549/HR.2022.2021.39.001>, <https://elibrary.ru/jtashi>
2. Корнев В.Н. Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства // Правосудие. 2023. Т. 5. № 1. С. 8-15. <https://elibrary.ru/iracug>
3. Митрофанова А.В. Духовно-нравственные ценности как гражданская религия современной России // Век глобализации. 2019. № 1 (29). С. 96-111. <https://doi.org/10.30884/vglob/2019.01.10>, <https://elibrary.ru/lsdxgr>
4. Пермиловский М.С. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: догматическое соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 11. С. 20-24. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2023-11-20-24>, <https://elibrary.ru/kaaf1j>
5. Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 2. С. 294-306. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.201>, <https://elibrary.ru/wrigfc>
6. Пономарев П.А., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Семья в системе духовно-нравственных ценностей населения в трансформирующемся российском обществе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17. № 3. С. 53-63. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-3-53-63>, <https://elibrary.ru/brpxls>
7. Серебрякова А.А. Семейные ценности как часть традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 155-160. <https://doi.org/10.26456/vtpravo/2024.2.155>, <https://elibrary.ru/avfkaz>
8. Борисова Л.В. О российских традиционных духовно-нравственных ценностях и расширении их перечня // Журнал прикладных исследований. 2024. № 6. С. 159-162. <https://doi.org/10.47576/2949-1878.2024.6.6.023>, <https://elibrary.ru/pdicwq>
9. Решетникова Г.А. Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей как стратегический приоритет обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Конституция Российской Федерации: история, современность, новые приоритеты и перспективы: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 30-летию Конституции Российской Федерации. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2024. С. 80-89. <https://elibrary.ru/ortkak>
10. Перегудов С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 113-133. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133>, <https://elibrary.ru/deayzj>
11. Аврамцев В.В., Коннов И.А. Система традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основа российской идентичности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 1. С. 77-80. <https://elibrary.ru/phmwmg>

References

1. Gol'tsov V.I. (2022). Official ideology of the autocracy of the 19th – early 20th centuries. *Istoricheskiy vestnik = Historical Reporter*, vol. 39, pp. 12-55. <https://doi.org/10.35549/HR.2022.2021.39.001>, <https://elibrary.ru/jtashi>
2. Kornev V.N. (2023). Traditional constitutional values as a spiritual and moral basis of the unity of Russian society and states. *Pravosudie = Justice*, vol. 5, no. 1, pp. 8-15. <https://elibrary.ru/iraucg>
3. Mitrofanova A.V. (2019). Spiritual and moral values as the civil religion of modern Russia. *Vek globalizatsii = Century of Globalization*, no. 1 (29), pp. 96-111. <https://doi.org/10.30884/vglob/2019.01.10>, <https://elibrary.ru/lsdxgr>
4. Permilovskiy M.S. (2023). Traditional Russian spiritual and moral values and Russian constitutional values: the dogmatic correlation. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*, no. 11, pp. 20-24. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2023-11-20-24>, <https://elibrary.ru/kaafj>
5. Kropachev N.M., Arkhipov V.V. (2023). Traditional spiritual and moral values in the context of digital transformation of society: aspects of legal theory. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, vol. 14, no. 2, pp. 294-306. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.201>, <https://elibrary.ru/wrigfc>
6. Ponomarev P.A., Samygin P.S., Samygin S.I. (2024). The family in the system of spiritual and moral values of the population in a transforming Russian society. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, vol. 17, no. 3, pp. 53-63. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-3-53-63>, <https://elibrary.ru/brpxls>
7. Serebryakova A.A. (2024). Family values as part of traditional Russian spiritual and moral values. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Tver State University. Series: Law*, no. 2(78), pp. 155-160. <https://doi.org/10.26456/vtpravo/2024.2.155>, <https://elibrary.ru/avfkaz>
8. Borisova L.V. (2024). About Russian traditional spiritual and moral values and expanding their list. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research*, no. 6, pp. 159-162. <https://doi.org/10.47576/2949-1878.2024.6.6.023>, <https://elibrary.ru/pdicwq>
9. Reshetnikova G.A. (2024). Protection of traditional Russian spiritual and moral values as a strategic priority for ensuring the national security of the Russian Federation. *Sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 30-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii: Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: istoriya, sovremennost', novye priority i perspektivy = Collection of Articles of All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Dedicated to the 30th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation: Constitution of the Russian Federation: History, Modernity, New Priorities and Prospects*. Izhevsk, "Udmurt University" Publishing House, pp. 80-89. <https://elibrary.ru/ortkak>
10. Perevezentsev S.V., Puchnina O.E., Strakhov A.B., Shakirova A.A. (2021). On the question of methodological principles of studying Russian basic traditional values. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 27 (4), pp. 113-133. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133>, <https://elibrary.ru/deayzj>
11. Avramtsev V.V., Konnov I.A. (2020). Traditional Russian system moral values as the basis of Russian identity. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problem teorii i praktiki. Seriya: Poznanie = Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Cognition*, no. 1, pp. 77-80. <https://elibrary.ru/pmwmwg>

Поступила в редакцию / Received 27.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 349.6

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-196-207>

Шифр научной специальности 5.1.1

Российский рынок углеродных единиц: правовые основы, проблемы становления и цифровизации

Костикова Екатерина Геннадиевна,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», Российская Федерация, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69, <https://orcid.org/0000-0002-0605-2579>, keg2003@bk.ru

Аннотация

В России действует климатическое законодательство, которое предусматривает эмиссию и обращение углеродных единиц. Это новый экономический инструмент, который подлежит обращению на рынке и в перспективе может быть «оцифрован». В рамках настоящего исследования дана оценка результатам применения этой новации, рассмотрены перспективы цифровизации углеродной сферы в целях совершенствования правового регулирования. Установлено, что эмиссия значительного объема углеродных единиц состоялась, однако рынок углеродных единиц, в том числе организованный, не сформировался, что не позволяет эффективно использовать потенциал данного рыночного инструмента. Сделан вывод о том, что такой результат обусловлен отсрочкой введения ограничений выбросов углеродных газов, и, как следствие, низким спросом на углеродные единицы. Новые поправки в налоговое и климатическое законодательство, нацеленные на стимулирование рынка углеродных единиц, на ситуацию не повлияют. Установлены факты цифровизации результатов незарегистрированных климатических проектов. С учетом зарубежного опыта сделан вывод, что в отсутствие правового регулирования такая деятельность чревата проблемами технологического, экономического и правового характера. Обозначены направления совершенствования действующего законодательства, которые требуют определения гражданско-правовых характеристик углеродных единиц, а также других результатов реализации климатических проектов.

Ключевые слова

рынок углеродных единиц, сокращение выбросов парниковых газов, углеродная единица, цифровые финансовые активы, цифровизация

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

Е.Г. Костикова – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Костикова Е.Г. Российский рынок углеродных единиц: правовые основы, проблемы становления и цифровизации // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 196-207. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-196-207>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-196-207>

OECD 5.05; ASJC 3308

Russian carbon market: legal framework, problems of development and digitalization

Ekaterina G. Kostikova,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of Financial Law Department, Lebedev Russian State University of Justice, 69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0605-2579>, keg2003@bk.ru

Abstract

Russia enforces climate legislation, which stipulates the emission and circulation of carbon units. This is a new economic instrument that is subject to circulation in the market and in the future can be “digitized”. This study evaluates the results of the application of this innovation, considers the prospects of digitalization of the carbon sphere in order to improve legal regulation. It is established that the emission of a significant amount of carbon units has taken place, but the market of carbon units, in particular, organized, has not formed, which does not allow to effectively use the potential of this market instrument. It is concluded that this result is due to the postponement of the introduction of restrictions on carbon emissions, and, as a consequence, low demand for carbon units. New amendments to tax and climate legislation, aimed at stimulating the market for carbon units, will not affect the situation. Facts of digitalization of the results of unregistered climate projects have been established. Taking into account foreign experience, it was concluded that in the absence of legal regulation, such activities are fraught with technological, economic and legal problems. The directions of improvement of the current legislation are outlined, which require the definition of civil legal characteristics of carbon units, as well as other results of the implementation of climate projects.

Keywords

carbon market, greenhouse gas emission reduction, carbon unit, digital financial assets, digitalization

Funding

This research received no external funding.

Author’s contribution

E.G. Kostikova – research concept development, normative documents research and analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Kostikova, E.G. (2025). Russian carbon market: legal framework, problems of development and digitalization. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 196-207. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-196-207>

Введение

Несколько десятилетий мир пытается решить задачу сокращения выбросов парниковых газов в атмосферу, действуя в соответствии с международными договорами. Выделяются три ключевых этапа междуна-

родного регулирования климатической повестки [1]: первый – Венская конвенция ООН об охране озонового слоя (1985 г.) и Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (1987 г.); второй – Рамочная конвенция ООН об изменении

климата («РКИК ООН») (1992 г.) и Киотский протокол к РКИК ООН (далее – Киотский протокол) (1997 г.); третий – Парижское соглашение, принятое 12 декабря 2015 г. на 21-й сессии Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата¹ (далее – Парижское соглашение).

Для каждого этапа характерны свои тренды, касающиеся применения административных и экономических инструментов решения данной глобальной задачи, которые складываются под влиянием накопленного опыта и полученных результатов. Так, Киотским протоколом предусмотрен рыночный механизм торговли квотами выбросов парниковых газов, получивший широкое применение. Но уже в Парижском соглашении обозначен приоритет «комплексных, целостных и сбалансированных нерыночных подходов» для снижения выбросов парниковых газов без указания на применение экономических инструментов регулирования, что в принципе не означает запрета на включение их в национальное законодательство [2, с. 107-110]. С учетом этого, климатическое законодательство разных государств уникально.

Россия, ратифицировав Парижское соглашение², находится на стадии формирования национального климатического законодательства: правовые основы в основном заложены³, однако имеют существенные пробелы и иные недостатки [2, с. 111-113; 3]. Законодательство предусматривает как традиционные для России административные методы, так и новые для национального за-

конодательства экономические инструменты воздействия на сокращение выбросов парниковых газов [1, с. 9; 2, с. 111-112]. К последним относятся углеродные единицы, предусмотренные федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» (далее – федеральный закон № 296-ФЗ).

Экономическая сущность углеродных единиц предопределяет возможность их реализации с целью извлечения дохода, что является стимулом для добровольного участия широкого круга лиц в реализации государственной политики низкоуглеродного развития России.

Однако спустя три года после принятия Федерального закона № 296-ФЗ рынок углеродных единиц так и не сформировался. В результате в России не действует ни один из эффективных механизмов, обеспечивающих сокращение углеродного следа [4, с. 93].

Решение этой проблемы требует выявления причин, препятствующих становлению национального рынка углеродных единиц и полноценному использованию потенциала этого экономического инструмента, и может заключаться в совершенствовании климатического законодательства.

Также в условиях современной экономики одним из актуальных трендов является цифровизация углеродной сферы, мнения относительно перспектив которой разнятся – от оптимистичных [5, с. 24-34; 6, с. 82-83] до сдержанных⁴. В связи с изложенным, вопрос о переводе в цифровой формат российских углеродных единиц, в том числе посредством выпуска цифровых финансовых активов (далее – ЦФА), требует дополнительного изучения с целью оценки перспектив внедрения и формирования правового регулирования.

Методы

Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа, синтеза, дедукции, индукции и сравнения научной литературы, эмпирического материала по

⁴ Углеродные токены: возможности и риски технологий блокчейн на углеродных рынках. Ноябрь 2023 // Фонд «Центр стратегических разработок» (ЦСР). URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/949/5spqrsihl6rm60ao2hh6uhyvhh5yiksn.pdf> (дата обращения: 09.02.2025).

теме исследования, а также международных договоров и нормативных правовых актов. Используются сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования.

Результаты исследования

Легальное определение углеродной единицы приводится в пункте 9 статьи 2 Федерального закона № 296-ФЗ – это «верифицированный результат реализации климатического проекта, выраженный в массе парниковых газов, эквивалентной 1 тонне углекислого газа».

Климатический проект – это «комплекс мероприятий, обеспечивающих сокращение (предотвращение) выбросов парниковых газов или увеличение поглощения парниковых газов» (пункт 7 статьи 2 Федерального закона № 296-ФЗ). Климатические проекты разрабатываются и реализуются на добровольной основе организациями и физическими лицами. Для идентификации проектов в качестве климатических разработаны специальные критерии⁵. Климатические проекты регистрируются в *реестре углеродных единиц*⁶.

Каждый климатический проект имеет условно «углеродную рентабельность», которую можно определить как количество углеродных единиц, выпускаемых в рамках проекта. Количество углеродных единиц в проекте соотносится с величиной сокращения (предотвращения) выбросов парниковых газов и (или) увеличения их поглощения. Так, в результате реализации климатического проекта в Тульской области планируемая величина сокращения (предотвращения) вы-

бросов парниковых газов составляет 583995 тонн углекислого газа и, соответственно, количество подлежащих выпуску в обращение углеродных единиц также равно 583995 шт.⁷ Указанные показатели планируются при разработке климатического проекта.

По факту достижения запланированных показателей составляется отчет, данные из которого подлежат верификации⁸. Если данные отчета достоверны, исполнителю климатического проекта на его счет в реестре углеродных единиц «зачисляется» соответствующее результату количество углеродных единиц.

Исполнитель климатического проекта, будучи первым владельцем выпущенных углеродных единиц, вправе их продать другим лицам и получить доход. В возможности такого обращения и заключается сущность углеродных единиц как рыночного инструмента углеродного регулирования. Помимо продажи их можно использовать путем зачета для уменьшения углеродного следа.

Статистика регистрации климатических проектов демонстрирует рост интереса к их реализации: в 2022 г. – 1 проект, в 2023 г. – 14 проектов, в 2024 г. – 35 проектов, за первый квартал 2025 г. (на момент написания настоящей статьи) – 6 проектов⁹. Как следствие, наблюдается значительный прирост углеродных единиц: за полтора года – с июля 2023 г. по декабрь 2024 г. – количество учтенных углеродных единиц выросло с 84 тыс. до 33 млн, а запланированных к выпуску – с 1 млн до 90 млн¹⁰.

Рост числа климатических проектов и количества углеродных единиц является

⁵ Приказ Минэкономразвития России от 11 мая 2022 г. № 248 «Об утверждении критериев и порядка отнесения проектов, реализуемых юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями или физическими лицами, к климатическим проектам, формы и порядка представления отчета о реализации климатического проекта». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418257/ (дата обращения: 09.02.2025).

⁶ Реестр углеродных единиц. URL: <https://carbonreg.ru/> (дата обращения: 09.02.2025); Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2022 г. № 790 «Об утверждении Правил создания и ведения реестра углеродных единиц, а также проведения операций с углеродными единицами в реестре углеродных единиц» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2022. № 19. Ст. 3208.

⁷ Строительство установки по производству сжиженной углекислоты производительностью 4 т/ч с целью сокращения выбросов парниковых газов // *Реестр углеродных единиц*. URL: <https://carbonreg.ru/projects/7/> (дата обращения: 09.02.2025).

⁸ Постановление Правительства РФ от 24 марта 2022 г. № 455 «Об утверждении Правил верификации результатов реализации климатических проектов». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412658/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 09.02.2025).

⁹ Проекты // *Реестр углеродных единиц*. URL: <https://carbonreg.ru/projects/> (дата обращения: 09.02.2025).

¹⁰ Реестр углеродных единиц. URL: <https://carbonreg.ru/> (дата обращения: 09.02.2025).

важным фактором развития национального рынка углеродных единиц.

Федеральный закон № 296-ФЗ не устанавливает специальных правил, касающихся рынка, на котором должны обращаться углеродные единицы, поэтому они могут реализовываться как на организованном рынке (бирже), так и вне его (по договорам, заключаемым напрямую между владельцами углеродных единиц и покупателями). Однако более предпочтительным является вариант биржевого обращения [4, с. 95].

Размещение углеродных единиц на организованном рынке проведено всего несколько раз (в сентябре 2022 г. и ноябре 2023 г. на Московской бирже). Первый раз было продано 20 углеродных единиц по цене 1000 руб. за «штуку»¹¹. Это были первые российские углеродные единицы (всего по климатическому проекту ООО «ДальЭнергоИнвест» было эмитировано 96 углеродных единиц)¹². Второй раз были проведены более масштабные торги в форме аукциона. На продажу были выставлены углеродные единицы по климатическому проекту АО «СИБУР-Химпром». В результате было реализовано 2735 углеродных единиц по цене в среднем 700 руб. за единицу¹³. В конце 2024 г. на Санкт-Петербургской международной товарно-сырьевой бирже в рамках нового сегмента «Торги углеродными единицами» на платформе Системы электронных торгов внебиржевого рынка «СИБУР-Нефтехим» впервые заключил сделку на 100 углеродных единиц по цене 1050 руб. за ка-

¹¹ Торги углеродными единицами стартовали на Московской бирже // MOEX Московская биржа. URL: https://www.moex.com/n51701?utm_source=www.moex.com&utm_term=углеродные%20единицы (дата обращения: 09.02.2025).

¹² Как соответствовать лучшим практикам устойчивого развития. Руководство для эмитента // MOEX Московская биржа. URL: <https://fs.moex.com/f/16010/mosbirzha-esg-rus-book-1012.pdf>. С. 240 (дата обращения: 09.02.2025).

¹³ Первый крупный аукцион по продаже углеродных единиц состоялся на Национальной товарной бирже // MOEX Московская биржа. URL: https://www.moex.com/n65746?utm_source=www.moex.com&utm_term=углеродные%20единицы (дата обращения: 09.02.2025).

ждую, превысив предыдущие показатели стоимости¹⁴.

Таким образом, из 33258225 углеродных единиц, зарегистрированных в реестре, на торгах было реализовано всего 2855 шт. Биржевые операции по сути были пилотными. А с учетом широкого освещения в средствах массовой информации сложилось впечатление, что сделки носили имиджевый характер, а не экономический.

Прямые сделки по продаже углеродных единиц тоже заключаются¹⁵, однако масштабы продаж оценить сложно, поскольку сведения о них урегулированному раскрытию не подлежат.

В итоге следует констатировать, что российский рынок углеродных единиц фактически не функционирует, хотя прогнозы аналитиков в 2022 г. были оптимистичны: предполагалось, что к 2025 г. оборот торговли углеводородными единицами в России может составить 300 млн долларов, а к 2030 г. – 1,5–3 млрд долларов¹⁶.

Такую ситуацию можно объяснить тем, что в настоящее время не в полной мере сформированы условия, обеспечивающие востребованность углеродных единиц.

Востребованность углеродных единиц на рынке обусловлена их предназначением – они могут использоваться для уменьшения углеродного следа¹⁷. В свою очередь по-

¹⁴ Сделка СИБУРа по продаже углеродных единиц установила новый ценовой бенчмарк на рынке // ООО «СИБУР». URL: <https://www.sibur.com/ru/press-center/news-and-press/sdelka-sibura-po-prodazhe-uglerodnykh-edinit-ustanovila-novyy-tsenovoy-benchmark-na-rynke/> (дата обращения: 09.02.2025).

¹⁵ Русгидро совершило сделку по продаже углеродных единиц. URL: <https://rushydro.ru/press/news/1109202383663/> (дата обращения: 09.02.2025); «СИБУР» сообщил, что на конец 2024 года провел 18 сделок с углеродными единицами. См.: Сделка СИБУРа по продаже углеродных единиц установила новый ценовой бенчмарк на рынке // ООО «СИБУР». URL: <https://www.sibur.com/ru/press-center/news-and-press/sdelka-sibura-po-prodazhe-uglerodnykh-edinit-ustanovila-novyy-tsenovoy-benchmark-na-rynke/> (дата обращения: 09.02.2025).

¹⁶ На Мосбирже начали продавать углеродные единицы // Российская газета – Спецвыпуск: Энергетика. 2022. 12 окт. № 230 (8878). URL: <https://rg.ru/2022/10/12/torg-zdes-umesten.html> (дата обращения: 09.02.2025).

¹⁷ Под углеродным следом понимается «общий объем выбросов парниковых газов и поглощений пар-

требность в уменьшении углеродного следа предопределяется принудительным ограничением его размера. Федеральным законом № 296-ФЗ в этих целях предусмотрены введение целевых показателей сокращения выбросов парниковых газов в целом для экономики и отдельно по отраслям, а также организация системы персонального учета фактических выбросов парниковых газов.

Однако целевые показатели начнут применяться только с 2030 г.¹⁸ Система персонального учета фактических выбросов парниковых газов запущена в 2023 г.: учет ведется в *реестре выбросов парниковых газов* в специализированной государственной информационной системе «Энергоэффективность»¹⁹. В реестр заносится информация, касающаяся *регулируемых организаций* – субъектов, деятельность которых сопровождается значительными «испарениями», на основе их отчетов. Также в реестр может включаться информация и по иным, нерегу-

никовых газов, образующихся в ходе производства продукции либо в ходе оказания услуг, который включает в себя прямые выбросы парниковых газов (образуемые в результате осуществления хозяйственной и иной деятельности), косвенные выбросы парниковых газов (связанные с потреблением электрической, тепловой энергии, иных ресурсов, используемых для обеспечения хозяйственной и иной деятельности и полученных от внешних объектов), поглощения парниковых газов в результате осуществления хозяйственной и иной деятельности, с учетом углеродных единиц, в отношении которых произведен зачет» (п. 10 ст. 2 Федерального закона № 296-ФЗ).

¹⁸ Минэкономразвития определило целевые показатели снижения парниковых выбросов к 2030 г. // Интерфакс. 05.08.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/855520> (дата обращения: 09.02.2025).

¹⁹ ГИС «Энергоэффективность». Реестр выбросов парниковых газов. URL: <https://co2.gisee.ru/> (дата обращения: 09.02.2025); Постановление Правительства РФ от 20 апреля 2022 г. № 707 «Об утверждении Правил представления и проверки отчетов о выбросах парниковых газов, формы отчета о выбросах парниковых газов, Правил создания и ведения реестра выбросов парниковых газов и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2022. № 17. Ст. 2914; Приказ Минэкономразвития России от 21 ноября 2022 г. № 637 «Об утверждении структуры реестра выбросов парниковых газов, требований к алгоритмам обработки и формату информации, используемой в реестре выбросов парниковых газов». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438984/ (дата обращения: 09.02.2025).

лируемым, лицам – в случае добровольного предоставления ими отчетов²⁰. Однако данные этого реестра используются только для формирования кадастра парниковых газов²¹. Применение данных реестра в целях регулирования выбросов парниковых газов пока невозможно – ввиду отсутствия утвержденных лимитов таких выбросов.

Таким образом, в настоящее время административные меры, направленные на ограничение выбросов парниковых газов, предусмотренные в Федеральном законе № 296-ФЗ, полноценно не реализуются. По меткому выражению И.О. Красновой, «схема снижения выбросов парниковых газов лишена необходимого административно-правового сопровождения» [2, с. 112].

В таких условиях востребованность углеродных единиц на внутреннем рынке в полной мере не обеспечена. Реальный спрос на углеродные единицы появится тогда, когда начнут действовать ограничения выбросов парниковых газов, отложенные до 2030 г. Ограничения должны иметь всероссийский масштаб. Региональные ограничения задачи не решают. Это подтверждается экспериментом по ограничению выбросов парниковых газов на территории Сахалинской области, который проводится с 2022 г. на основании Федерального закона от 6 марта 2022 г. № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» (далее – федеральный закон № 34-ФЗ) [7, с. 78-81]. В рамках экспе-

²⁰ До 1 января 2024 г. – это масса парниковых газов, эквивалентная 150 и более тыс. тонн углекислого газа в год; после указанной даты – 50 и более тыс. тонн (п. 1 ст. 7 Федерального закона № 296-ФЗ). Для регулируемых лиц иные критерии идентификации в таком качестве предусматриваются Постановлением Правительства Российской Федерации. См.: Постановление Правительства РФ от 14 марта 2022 г. № 355 «О критериях отнесения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к регулируемым организациям» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2022. № 12. Ст. 1840 (утратило силу с 1 января 2025 года в связи с истечением срока действия).

²¹ Приказ Минприроды России от 25 апреля 2022 г. № 298 «Об утверждении порядка подготовки кадастра антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420728/ (дата обращения: 09.02.2025).

римента для региональных регулируемых организаций введены квоты выбросов парниковых газов, выполнение которых можно обеспечить зачетом углеродных единиц (наряду с единицами выполнения квоты²²). Однако региональные квоты востребованность углеродных единиц принципиально не повысили.

Дополнительно можно назвать и другие причины, по которым российский рынок углеродных единиц не набрал силы²³. Впрочем, эти причины также производны от озвученной проблемы.

В отсутствие спроса не сформировались рыночные цены на углеродные единицы. Нерыночный порядок ценообразования не очевиден с учетом того, что у углеродных единиц себестоимость в каждом климатическом проекте будет разной, а потребительская ценность одинаковой (одной углеродной единицей можно «стереть» углеродный след в 1 тонну углекислого газа). Можно предположить, что выпущенные углеродные единицы к продаже на российском рынке пока не предлагаются из-за опасений «продешевить».

При этом полноценно функционируют зарубежные рынки, где углеродные единицы востребованы и имеют рыночную цену. Поэтому имеет место «отток» результатов российских проектов с климатическим эффектом «за границу». Такие проекты не регистрируются в российском реестре углеродных единиц, а проходят аналогичные процедуры

²² Такой единицей признается «верифицированный результат выполнения установленной квоты, выраженный в разнице между установленной квотой и фактической массой выбросов парниковых газов, эквивалентной одной тонне углекислого газа» (подп. 1 п. 1 ст. 2 Федерального закона № 34-ФЗ). Единицы выполнения квоты имеют сходства с углеродными единицами: учитываются в одном реестре, одинаково могут использоваться владельцем для зачета в целях сокращения углеродных последствий деятельности, а также для передачи третьим лицам, после «использования» аннулируются и зачисляются на счет изъятия из обращения.

²³ См.: Оператор реестра УЕ: Интерес к климатическим проектам долго не был очевидным, но теперь он есть. Интервью генерального директора АО «Контур» О. Гогунской // Реестр углеродных единиц. URL: <https://carbonreg.ru/ru/news/interes-k-klimaticheskim-proektam-dolgo-ne-byi-ochevidnym-no-teper-on-est/> (дата обращения: 09.02.2025).

на зарубежных углеродных площадках с целью реализации полученных результатов.

Следует отметить, что в настоящее время принимаются законодательные усилия, направленные на развитие национального рынка углеродных единиц. Отчасти они направлены на снижение операционных издержек. Так, с 2024 г. освобождены от обложения НДС услуги оператора по проведению операций в реестре углеродных единиц²⁴. Упрощен порядок проведения зачета углеродных единиц: без открытия счета покупателю – по счету продавца²⁵.

Однако представляется, что указанные меры – как и прочие поправки климатического законодательства – решающего воздействия на рынок углеродных единиц иметь не будут в отсутствие введенных ограничений выброса парниковых газов.

Также в современных условиях перспективы рынка углеродных единиц целесообразно оценить в аспекте его цифровизации. В частности, представляется интересным рассмотреть возможность выпуска «углеродных» ЦФА.

Правовое регулирование выпуска и обращения ЦФА обеспечивает федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁶ (далее – Федеральный закон № 259-ФЗ).

Стоит отметить, что за последнее время наблюдается активное развитие рынка ЦФА. В реестре операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск циф-

²⁴ Федеральный закон от 26 февраля 2024 г. № 37-ФЗ «О внесении изменений в статьи 149 и 343 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 10. Ст. 1312.

²⁵ Соответствующие поправки внесены в Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 790 «Об утверждении Правил создания и ведения реестра углеродных единиц, а также проведения операций с углеродными единицами в реестре углеродных единиц» Постановлением Правительства РФ от 13 августа 2024 г. № 1076 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 790» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 34. Ст. 15244.

²⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

ровых финансовых активов, зарегистрировано пятнадцать организаций²⁷: три в 2022 г., семь – в 2023 г., четыре – в 2024 г. и одна – в первом квартале 2025 г. Две организации включены в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов: ПАО Московская биржа и ПАО «СПБ Биржа»²⁸. Растет интерес к рынку и со стороны инвесторов. Так, по данным ООО «Атомайз» – первого российского оператора информационной системы для выпуска ЦФА, одного из лидеров этого рынка²⁹ – с начала 2023 г. количество инвесторов увеличилось в 10 раз, превысив 50 тысяч кошельков³⁰, а на начало 2025 г. выросло до 90 тысяч³¹. Всего только на этой платформе состоялось более 300 выпусков ЦФА совокупным объемом около 25 млрд рублей³².

Появление «углеродных» ЦФА могло бы способствовать дальнейшему росту рынка ЦФА и становлению рынка углеродных единиц.

Зарубежный опыт цифровизации углеродной сферы имеется: в рамках десяти глобальных частных стартапов выпущены миллионы углеродных токенов, цифровых углеродных активов. Этот опыт проанализирован фондом «Центр стратегических разработок» (ЦСР), который в ноябре 2023 г. выпустил на эту тему исследование³³. Исследователи пришли к выводу, что использование технологии блокчейна гипотетически способно обеспечить эффективность, подотчетность, прозрачность и работоспособность

углеродного рынка, в том числе за счет формирования единого метареестра углеродных единиц (углеродных кредитов), объединяющего разрозненные национальные и независимые реестры, что исключит двойной учет и прочие злоупотребления. Вместе с тем реализация всех стратапов была приостановлена из-за возникших проблем технологического, экономического и юридического характера. К технологическим проблемам следует отнести риски, связанные с применением технологии блокчейн (высокая энергозатратность, низкая пропускная способность, дороговизна оборудования, необратимость ввода данных, недостаточная защищенность от кибератак и др.). Экономические проблемы обусловлены сложностью определения качества, в том числе достоверности, результатов климатических проектов в отсутствие единых методологий их реализации и верификации. Также отмечается высокая волатильность углеродных цифровых активов. Все это чревато кризисом доверия покупателей и инвесторов и, как следствие, снижением ликвидности таких активов. Юридические проблемы связаны с отсутствием правового регулирования (не закреплены гарантии прав владельцев, покупателей, инвесторов; не предусмотрены юридическая ответственность за нарушения и меры пресечения злоупотреблений; не обеспечена защита коммерческой тайны и персональных данных и др.). Указанные проблемы имеют глобальный характер. Поиск их решения ведется. В частности, Всемирный банк реализует соответствующие цифровые проекты (платформа метаданных, национальные углеродные реестры, цифровые системы мониторинга, отчетности и верификации, инструменты токенизации, смарт-контракты), которые планируется завершить внедрением к 2030 г. [5, с. 27-32].

В России также проводятся единичные операции с углеродными активами с использованием технологии блокчейна. Такую сделку провел СИБУР³⁴. Также реализуется

²⁷ Операторы информационных систем // Банк России. URL: <https://cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/ois/> (дата обращения: 09.02.2025).

²⁸ Реестры // Банк России. URL: https://cbr.ru/finm_infrastructure/registry/ (дата обращения: 09.02.2025).

²⁹ Атомайз занял ведущие позиции на рынке ЦФА // ООО «Атомайз». URL: <https://atomyze.ru/news/news-76> (дата обращения: 09.02.2025).

³⁰ 50 тыс. инвесторов пришли на платформу Атомайз с начала года // ООО «Атомайз». URL: <https://atomyze.ru/news/news-28> (дата обращения: 09.02.2025).

³¹ Инвесторам // ООО «Атомайз». URL: <https://atomyze.ru/investors> (дата обращения: 09.02.2025).

³² ООО «Атомайз». URL: <https://atomyze.ru/> (дата обращения: 09.02.2025).

³³ Углеродные токены: возможности и риски технологий блокчейн на углеродных рынках. Ноябрь 2023.

³⁴ СИБУР выпустил 400 тысяч углеродных единиц в российском реестре // ООО «СИБУР». 14.06.2024. URL: <https://www.sibur.ru/ru/press-center/news-and-press/sibur-vypustil-400-tysyach-uglerodnykh-edinit-v-rossiyskom-reestre/> (дата обращения: 10.02.2025).

Алтайский Лесной Проект, направленный на защиту лесов, в рамках которого выпускаются токены CO2T – «цифровые активы инновационного механизма реализации Парижского соглашения»³⁵.

Следует отметить, что в данных случаях речь не идет об «оцифровке» углеродных единиц, внесенных в государственный реестр углеродных единиц. Так, СИБУР реализованы «сокращения выбросов парниковых газов», а не углеродные единицы. Этот углеродный результат был получен в результате реализации климатического проекта, не зарегистрированного в государственном реестре. Сделка была проведена через Зеленую цифровую платформу³⁶, которая какого-либо официального статуса не имеет. Покупателем выступила группа QIWI, которая заявила о компенсации углеродного следа за 2022 г. Сделка не связана с исполнением законодательства, является добровольной и носит имиджевый характер.

Таким образом, цифровизация углеродной сферы в России проводится в частном порядке, что фактически приводит к формированию «параллельного» нерегулируемого рынка результатов климатических проектов и не имеет легальной основы, поскольку в законодательстве «отсутствует подробное регулирование отношений по созданию и продаже климатических токенов на основе блокчейна» [6, с. 82-83].

Представляется, что такой формат цифровизации углеродной сферы сопряжен с проблемами, схожими с проблемами зарубежных практик. Их решение требует разработки соответствующего правового регулирования.

Формирование правовой базы может пройти путем «встраивания» углеродных цифровых активов в качестве ЦФА в действующее законодательство – Федеральный закон № 259-ФЗ. Принципиально это будет означать введение разрешительного порядка, когда выпуск ЦФА по результатам реа-

³⁵ Токен CO2T – цифровой актив инновационного механизма реализации Парижского соглашения // Алтайский Лесной Проект. URL: <https://lesco2.ru/co2token> (дата обращения: 10.02.2025).

³⁶ Projects // Green digital platform. URL: <https://www.greendigitalplatform.com/listing> (accessed: 10.02.2025).

лизации климатических проектов и их обращение смогут обеспечивать только операторы специализированных информационных систем, допущенные к такой деятельности. При этом возникает вопрос о возможности легализации таких цифровых углеродных активов в Федеральном законе № 296-ФЗ с закреплением механизма их использования для погашения регулируемого углеродного следа. Для этого потребуются определить порядок регистрации климатических проектов с выпуском ЦФА и верификации их результатов, предусмотреть правила мониторинга за эмиссией и обращением ЦФА и контроля за их использованием в целях сокращения выбросов парниковых газов.

Еще один важный вопрос, касающийся правового регулирования цифровизации углеродной сферы, – возможность «оцифровки» углеродных единиц, выпускаемых в соответствии с Федеральным законом № 296-ФЗ, то есть эмиссии ЦФА, удостоверяющих права по таким углеродным единицам. Это сложная задача, для решения которой требуется обеспечить взаимодействие реестра углеродных единиц и специализированных платформ для выпуска ЦФА.

В основу законодательных решений должно быть положено теоретическое обоснование правовой природы углеродных единиц, а также других результатов реализации климатических проектов. Единая точка зрения по этому вопросу пока не сформировалась. В правовых актах иностранных государств и зарубежной научной доктрине углеродные единицы, квоты на выбросы углекислых газов рассматриваются как нематериальное имущество, движимое имущество, материальные вещи, хранящиеся на счетах владельцев в специальном реестре, разновидность ценных бумаг, имущественные права, бизнес-активы, товар, аналог валюты и др. [8, с. 128-130, 9, с. 18]. Российские ученые-цивилисты также имеют разные точки зрения: одни специалисты считают углеродные единицы особым имущественным правом, обращение которого законодателем «конструируется по аналогии с правилами о бездокументарных ценных бумагах» [10, с. 92, 97-101], другие полагают, что они больше подходят по категории «иное имущество» в смысле статьи 128 Гражданского

кодекса Российской Федерации³⁷ (далее – ГК РФ), отмечая при этом, что «устранить сложившуюся правовую неопределенность возможно, если отнести углеродные единицы в будущем к имущественным правам» [10, с. 97-101].

Определения правовой природы необходимо для гармонизации понятий углеродных единиц и ЦФА. В настоящее время эти понятия «общего знаменателя» не имеют. Согласно пункту 1 статьи 1 Федерального закона № 259-ФЗ ЦФА – это «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг ...», при этом цифровые права по статье 128 ГК РФ³⁸ – это имущественные права. Понятие углеродной единицы – «верифицированный результат реализации климатического проекта...» – гражданско-правовой характеристики лишено.

Заключение

В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы.

1. Правовые основы для выпуска и обращения углеродных единиц в России сформированы. Статистические данные подтверждают результативную реализацию климатических проектов с эмиссией значительного объема углеродных единиц, что является предпосылкой для формирования национального рынка углеродных единиц. Тем не менее рынок, в том числе организованный, до настоящего времени не сформировался. Это объясняется низкой востребованностью углеродных единиц в отсутствие действующих ограничений выбросов углеродных газов всероссийского масштаба, отложенных до 2030 года. Региональные ограничения спрос на углеродные единицы не обеспечивают, что подтверждается сахалинским экс-

периментом. Поправки в законодательство, направленные на развитие национального рынка углеродных единиц (освобождены от обложения НДС услуги оператора по проведению операций в реестре углеродных единиц; упрощение порядка зачета углеродных единиц), решающего воздействия на рынок углеродных единиц иметь не будут.

2. В настоящее время в России правовые основы цифровизации углеродной сферы не сформированы, тем не менее выпуски цифровых углеродных активов проводятся в рамках климатических проектов, не зарегистрированных в реестре углеродных единиц.

Такая цифровизация углеродной сферы фактически приводит к формированию «параллельного» нерегулируемого рынка результатов климатических проектов, не имеет легальной основы, чревата проблемами технологического, экономического и правового характера, с которыми столкнулись западные стартапы.

Устранение проблем требует разработки соответствующего правового регулирования. Формирование правовых основ может предусматривать «встраивание» нерегулируемых цифровых результатов климатических проектов в качестве ЦФА в Федеральный закон № 259-ФЗ, что обеспечить разрешительный порядок эмиссии и обращения «углеродных» ЦФА силами уполномоченных субъектов на специализированных площадках. А в целях унификации подходов к регулированию в рамках климатического законодательства потребуются разрешить вопрос о возможности легализации таких ЦФА в Федеральном законе № 296-ФЗ с закреплением механизма их использования для погашения регулируемого углеродного следа. Также требуется определить правовую возможность «оцифровки» на основании Федерального закона № 259-ФЗ углеродных единиц, выпускаемых в соответствии с Федеральным законом № 296-ФЗ.

Для решения законотворческих задач необходимо определить правовую природу углеродных единиц и других результатов реализации климатических проектов. Определение гражданско-правовых характеристик позволит гармонизировать легальные определения углеродных единиц и ЦФА.

³⁷ Статья 128. Объекты гражданских прав // Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f7871578ce9b026c450f64790704bd48c7d94bcb/ (дата обращения: 10.02.2025).

³⁸ Статья 128. Объекты гражданских прав // Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024).

Для разработки правового регулирования цифровизации углеродной сферы необ-

ходимо специальное исследование с учетом идей, обозначенных в настоящей работе.

Список источников

1. Ситников С.Л. Углеродное регулирование в России: истоки и особенности // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14. № 6. С. 2-9. <https://elibrary.ru/bnkkas>
2. Краснова И.О. Экономические меры ограничения выбросов парниковых газов: сравнительно-правовой контекст // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 5. С. 104-113. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.93.5.104-113>, <https://elibrary.ru/cqgkco>
3. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Роль национального климатического закона в обеспечении «энергетического перехода» // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2 (135). С. 151-162. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.151-162>, <https://elibrary.ru/jkpwsr>
4. Скворцова М.А., Тяглов С.Г. Формирование и развитие российского рынка углеродных единиц // Journal of Economic Regulation. 2022. № 13 (4). С. 89-98. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.4.089-098>, <https://elibrary.ru/uuhttl>
5. Грязнова В.А., Пискулова Н.А. Роль цифровизации в развитии углеродного рынка в мире // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 5. С. 16-37. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-5-16-37>, <https://elibrary.ru/brhadu>
6. Харитонов Ю.С., Сунь Ц. Токенизация торговли выбросами парниковых газов в России и Китае: правовые вызовы // Журнал прикладных исследований. 2022. № 5-1. С. 79-85. https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_5_1_79, <https://elibrary.ru/clnrph>
7. Матненко А.С., Гершинкова Д.А. Административно-правовое регулирование выбросов парниковых газов в рамках регионального эксперимента // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 3. С. 75-84. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7\(3\).75-84](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7(3).75-84), <https://elibrary.ru/rmzifp>
8. Хакимова Ж.А., Васильева А.А. К вопросу о правовом регулировании рынка углеродных единиц: сравнительно-правовой аспект // Право и практика. 2023. № 2. С. 127-131. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2023-2-127-131>, <https://elibrary.ru/chqxoy>
9. Сидорова Е.А., Хачатурова К.И. Углеродные единицы как объект гражданских прав // Правовой энергетический форум. 2022. № 4. С. 15-23. <https://doi.org/10.18254/S231243500022875-0>, <https://elibrary.ru/vwfhxh>
10. Новоселова Л.А., Медведева Т.М. Углеродные единицы как объекты гражданских прав // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 92-104. <https://elibrary.ru/hvnaia>

References

1. Sitnikov S.L. (2022). Carbon regulation in Russia: origins and peculiarities. *Vestnik evraziiskoi nauki = Bulletin of Eurasian Science*, vol. 14, no. 6, pp. 2-9. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bnkkas>
2. Krasnova I.O. (2022). Economic measures to limit greenhouse gas emissions: a comparative legal context. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no. 5, pp. 104-113. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.93.5.104-113>, <https://elibrary.ru/cqgkco>
3. Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B. (2022). The role of the national climate law in ensuring “energy transition”. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, vol. 17, no. 2 (135), pp. 151-162. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.151-162>, <https://elibrary.ru/jkpwsr>
4. Skvortsova M.A., Tyaglov S.G. (2022). Formation and development of the Russian market of carbon units. *Journal of Economic Regulation*, no. 13(4), pp. 89-98. (In Russ.) <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.4.089-098>, <https://elibrary.ru/uuhttl>
5. Gryaznova V.A., Piskulova N.A. (2024). The role of digitization in the global carbon market. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*, no. 5, pp. 16-37. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-5-16-37>, <https://elibrary.ru/brhadu>
6. Kharitonova Yu.S., Sun' Ts. (2022). Tokenization of greenhouse gas trading in Russia and China: legal challenges. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research*, no. 5-1, pp. 79-85. (In Russ.) https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_5_1_79, <https://elibrary.ru/clnrph>
7. Matnenko A.S., Gershinkova D.A. (2023). Administrative and legal regulation of greenhouse gas emissions in the framework of a regional experiment. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, vol. 7, no. 3, pp. 75-84. (In Russ.) [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7\(3\).75-84](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7(3).75-84), <https://elibrary.ru/rmzifp>

8. Khakimova Zh.A., Vasil'eva A.A. (2023). On the question of legal regulation of the carbon units market: comparative legal aspect. *Pravo i praktika = Law and Practice*, no. 2, pp. 127-131. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2023-2-127-131>, <https://elibrary.ru/chqxoy>
9. Sidorova E.A., Khachaturova K.I. (2022). Carbon units as the object of civil rights. *Pravovoi energeticheskii forum = Energy Law Forum*, no. 4, pp. 15-23. (In Russ.) <https://doi.org/10.18254/S231243500022875-0>, <https://elibrary.ru/vwfhxh>
10. Novoselova L.A., Medvedeva T.M. (2023). Carbon units as objects of civil rights civil rights. *Vlast' Zakona = Rule of Law*, no. 1 (53), pp. 92-104. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hvnaia>

Поступила в редакцию / Received 20.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.12

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-208-218>

Шифр научной специальности 5.1.1

Ф.Ф. Кокошкин о национальном вопросе и автономии в Российской империи в начале XX века

Митрофанов Никита Владиславович,

аспирант, кафедра теории и истории государства и права, ассистент кафедры цивилистического процесса, организации судебной и прокурорской деятельности Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-5541-0483>, naiketmitro98@mail.ru

Аннотация

В учении Ф.Ф. Кокошкина проблема национального вопроса и автономии в России в начале XX столетия в условиях построения конституционного государства стояла достаточно остро. Ф.Ф. Кокошкин являлся не только теоретиком российского конституционализма, но и практиком, пытавшимся воплотить свои идеи в законотворческой деятельности, являясь членом Конституционно-демократической партии. Ф.Ф. Кокошкин рассматривал отдельные ограничения, регулярно вводимые Российской империей в отношении Великого княжества Финляндского и его внутренней политики, взаимодействие российского государства с автономиями, участвовал в обсуждении необходимости разработки законодательной инициативы по польскому вопросу. Установлено, что Ф.Ф. Кокошкин настаивал на обязательном закреплении на законодательном уровне права на культурное самоопределение национальных меньшинств, что нашло дальнейшее отражение и в программных положениях Партии народной свободы. Целью исследования является правовой анализ проблемы национального вопроса и автономии в Российской империи на этапе конституционного строительства в начале XX века в учении Ф.Ф. Кокошкина, а также реализация указанных идейных начал в его законотворческой деятельности. По итогам проведенного исследования установлено, что Ф.Ф. Кокошкин, будучи членом кадетской партии, активно разрабатывал национальный вопрос и вопрос об автономии Царства Польского. Выявлено, что Ф.Ф. Кокошкин отстаивал независимость Великого княжества Финляндского. Обосновано, что Ф.Ф. Кокошкин внес существенный вклад в подготовку ключевых аспектов законопроекта «Об устройстве Царства Польского». Сделан вывод о том, что Ф.Ф. Кокошкин выступал за необходимость предоставления права культурного самоопределения для всех национальностей и права автономии для национальных окраин Финляндии и Польши.

Ключевые слова

Ф.Ф. Кокошкин, национальный вопрос, автономия, Великое княжество Финляндское, Царство Польское, Конституционно-демократическая партия, законотворческая деятельность

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

Н.В. Митрофанов – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Митрофанов Н.В. Ф.Ф. Кокошкин о национальном вопросе и автономии в Российской империи в начале XX века // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 208-218. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-208-218>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-208-218>

OECD 5.05; ASJC 3308

F.F. Kokoshkin on the national question and autonomy in the Russian Empire in the early XX century

Nikita V. Mitrofanov,

Post-Graduate Student, Department of Theory and History of State and Law, Assistant of the Department of Civil Procedure, Organization of Judicial and Prosecutor's Activities of the Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-5541-0483>, naiketmitro98@mail.ru

Abstract

In the teachings of F.F. Kokoshkin the problem of the national question and autonomy in Russia in the early XX century in the conditions of building a constitutional state was quite acute. F.F. Kokoshkin was not only a theoretician of Russian constitutionalism, but also a practitioner who tried to implement his ideas in lawmaking, being a member of the Constitutional Democratic Party. F.F. Kokoshkin considered certain restrictions regularly imposed by the Russian Empire on the Grand Duchy of Finland and its internal policy, the interaction of the Russian state with the autonomies, participated in the discussion of the need to develop a legislative initiative on the Polish question. It has been established that F.F. Kokoshkin insisted on the compulsory legislative enshrinement of the right to cultural self-determination of national minorities, which was further reflected in the programme provisions of the People's Freedom Party. The purpose of the study is a legal analysis of the problem of the national question and autonomy in the Russian Empire at the stage of constitutional construction in the early XX century in the teachings of F.F. Kokoshkin, as well as the implementation of these ideological principles in his lawmaking activities. According to the results of the research it is established that F.F. Kokoshkin, being a member of the Cadet Party, actively developed the national question and the question of the autonomy of the Kingdom of Poland. It is revealed that F.F. Kokoshkin defended the independence of the Grand Duchy of Finland. It is substantiated that F.F. Kokoshkin made a significant contribution to the preparation of key aspects of the draft law 'On the arrangement of the Kingdom of Poland'. It is concluded that F.F. Kokoshkin favoured the need to grant the right of cultural self-determination for all nationalities and the right of autonomy for the national suburbs of Finland and Poland.

Keywords

F.F. Kokoshkin, national question, autonomy, Grand Duchy of Finland, Kingdom of Poland, Constitutional Democratic Party, legislative activity

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

N.V. Mitrofanov – concept development, collection and processing of normative materials, selection of literature, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Mitrofanov, N.V. (2025). F.F. Kokoshkin on the national question and autonomy in the Russian Empire in the early XX century. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 208-218. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-208-218>

Введение

В начале XX века Россия представляла собой государство, имевшее в своем составе ряд территорий, претендовавших на самостоятельность. Среди них, в первую очередь, можно назвать Великое княжество Финляндское и Царство Польское. Борьба либеральных партий за предоставление широкого круга прав и свобод населению охватывала и интересы различных национальностей, включая малороссов, поляков, финнов и кавказцев.

Участие в политической жизни страны посредством представительства в Государственной Думе Российской империи позволило политическим партиям уделить большее внимание рассмотрению проблем, связанных с ущемлением интересов отдельных народов. Заметную активность в разрешении проблем в этой сфере проявила Партия народной свободы. Законотворческая деятельность кадетской партии, направленная на предоставление широкой автономии некоторым национальным окраинам, была нацелена на недопущение потенциальных потерь территорий российского государства.

Среди представителей либеральной интеллигенции, на протяжении всей своей жизни активно занимающихся разрешением национального вопроса и проблемы автономии в России, следует выделить Ф.Ф. Кокошкина, одного из основателей Конституционно-демократической партии. Публицистические и научные труды правоведа, посвященные национальной проблематике в Российской империи, и его участие в подготовке законодательных инициатив, затрагивающих национальный аспект, имели большое значение для урегулирования финляндского и польского вопросов.

Результаты исследования

1. Предпосылки рассмотрения национального вопроса и вопроса об автономии в кадетской партии. Во время Первой русской революции в Российской империи начали зарождаться политические партии. Среди всех созданных политических объ-

единений особое место занимала Конституционно-демократическая партия, активно отстаивающая права и свободы человека и гражданина. Партия народной свободы одной из наиболее важных задач, которые необходимо было достичь в Российской империи, считала разрешение национальной проблемы. В Программе Конституционно-демократической партии закреплялось положение Царства Польского и Великого княжества Финляндского в составе России, раскрывалось право на культурное самоопределение, охватывающее свободное употребление национальных языков и направленное на «сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности...»¹.

С позиции Ф.Ф. Кокошкина, националистическая теория, «по которой только однородный национальный состав мог обеспечить государственному союзу настоящую силу»², являлась неприемлемой. Правовед считал важным учитывать интересы национально-культурной самобытности с интересами общегосударственного единства. Так, Ф.Ф. Кокошкин занимался исследованием малороссийского, общекавказского, финляндского и польского национальных вопросов, приняв деятельное участие в изучении русско-финляндских и русско-польских отношений и подготовив законопроект «Об устройстве Царства Польского».

Причины недовольства отдельных территорий и национальностей своим положением были связаны с их желанием получить независимость в законодательной деятельности. Стоит отметить, что центральная власть не позволяла этого сделать. К примеру, Финляндия, которой Александр I ранее предоставил автономию, начиная с 1899 года, получила значительные ограничения конституционной системы [1, с. 101], выразившиеся в праве монарха издавать обяза-

¹ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 523. Оп. 1. Д. 38. Л. 1-2.

² Кокошкин Ф.Ф. Под знаком национального вопроса // Русские ведомости. 1915. № 1. Л. 5.

тельные законы на ее территории без согласования с местными законодательными органами власти.

В Программе Конституционно-демократической партии, помимо предоставления прав и свобод подданным, организации представительства на местах, раскрывалась необходимость «...установления местной автономии и областных представительных собраний, обладающих правом участия в осуществлении законодательной власти по известным предметам, соответственно потребности населения»³. Особое значение среди автономий кадеты уделяли Царству Польскому, которое должно было иметь автономное устройство и отдельный законодательный орган власти (Сейм) и Великому княжеству Финляндскому, где в обязательном порядке необходимо было восстанавливать Конституцию и сохранять самостоятельность самой территории. С позиции П.Н. Милюкова национальный аспект был одним из самых значимых ввиду того, что «внешняя политика являлась продолжением внутренней, прежде всего, в национальном вопросе» [2, с. 38].

Наиболее остро национальный вопрос встал на государственной повестке после начала Первой мировой войны. Это подтверждалось в периодических печатных изданиях⁴. Появлялась специализированная пресса, к которой можно отнести журнал «Национальные Вопросы»⁵. Неопределенность в юридическом статусе некоторых территорий стала проблемой для единства России и угрозой в контексте потенциальной возможности потери национальных окраин Финляндии и Польши, претендовавших на автономный статус.

Под эгидой кадетской партии Ф.Ф. Кокошкин особое внимание уделял разработке национального вопроса и во многом связанной с ним проблеме автономии, подразумевая под автономией «...необходимый в представительном государстве порядок издания местных законов...» [3, с. 14]. Ф.Ф. Кокошкин отстаивал идею областной автономии, под

которой понимал «распространение на область законодательства основного принципа самоуправления, в силу которого местные дела должны решаться местными выборными людьми» [3, с. 7]. Т.Е. Грязнова и М.А. Бучакова отмечают, что Ф.Ф. Кокошкин рассматривал «местное самоуправление в качестве синонима административной децентрализации» [4, с. 7]. Следовательно, Ф.Ф. Кокошкин считал, что с национальным вопросом наиболее близко соотносился вопрос об автономии (децентрализации). Объяснял это правовед с различных позиций, отмечая важность проведения децентрализации не только по причине необходимости культурного самоопределения для национальностей, но и в связи с потребностью «перенести на места часть функций по управлению или по законодательству государства...» [5, с. 4] с целью учета местных особенностей Финляндии и Польши.

2. Разработка Ф.Ф. Кокошкиным вопроса о Великом княжестве Финляндском. Среди проблем, затрагивающих национальный аспект, выделялся вопрос о северо-западных территориях российского государства, связанный с ограничением деятельности законодательной и исполнительной местной власти на территории Великого княжества Финляндского. Ф.Ф. Кокошкин, наряду с представителями либеральной интеллигенции, включая А.В. Игельстрема, С.А. Корфа, И.Е. Мандельштама, Л. Мехелина, Д.Д. Протопопова, участвовал в подготовке статей для журнала «Финляндия», специализирующегося на проблеме взаимоотношения Российской империи и Финляндии.

Статус Великого княжества Финляндского изучался Ф.Ф. Кокошкиным изначально с правовой точки зрения. Государствовед ссылаясь на документы, которыми закреплялось автономное положение Финляндии, в частности, на финляндскую Конституцию и лежащие в ее основе старые шведские конституционные акты. Среди указанных актов Ф.Ф. Кокошкин называл следующие документы: Акт о форме правления от 21 августа 1772 года и Акт соединения и безопасности от 21 февраля 1789 года [6, с. 24], в которых не допускалось участие представителей Совета министров Россий-

³ ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

⁴ Кокошкин Ф.Ф. Под знаком национального вопроса. Л. 5.

⁵ Кокошкин Ф.Ф. Новый журнал // Русские ведомости. 1915. № 126. Л. 5.

ской империи в управлении Великим княжеством Финляндским.

Ф.Ф. Кокошкин писал про «фактическое применение нового порядка...» [7, с. 57], подразумевая под ним практическую реализацию национального вопроса в Финляндии, связанную с чрезмерным расширением компетенции исполнительной власти в области финляндских дел. Правовед отмечал, что вся внутренняя политика, затрагивающая территорию Великого княжества Финляндского, полностью контролировалась из центра, охватывая даже небольшие аспекты деятельности учреждений на местах. Более того, влияние Совета министров Российской империи на финляндское законодательство и местные органы проявлялось не только в праве вето на отдельные нормативные правовые акты, связанные с финляндским вопросом, но и в возможности самостоятельной разработки директив для финляндского правительства [7, с. 58]. Ф.Ф. Кокошкин крайне негативно оценивал столь широкое вмешательство в вопросы местной власти, цитируя М.М. Сперанского: «Финляндия есть государство, а не губерния» [7, с. 59].

Ф.Ф. Кокошкин неоднократно высказывался о Финляндии и в других периодических изданиях, в особенности, в газете «Русские ведомости», на регулярной основе отмечая проблему зависимости местных исполнительных и законодательных органов власти от аналогичных учреждений из центра. С позиции правоведа, подчиненность подобного рода существенно ограничивала автономное положение Великого княжества Финляндского. Ф.Ф. Кокошкин, не имея возможности воздействия на законотворческую деятельность напрямую, критиковал позицию октябристской партии, лишь формально разрабатывающей финляндский вопрос в Государственной думе третьего созыва⁶. Рассматривая юридическую сторону проблемы, государствовед писал про отсутствие Великого княжества Финляндского среди перечня губерний Российской империи, называя его частью единого русского государства. Ф.Ф. Кокошкин отмечал Свод законов Российской империи и указы-

вал, что градация на «Государство Российское» и «Российскую империю» установлена русскими законами⁷. Именно на единстве русского государства, а не империи, настаивал Ф.Ф. Кокошкин, поддерживая автономный статус Финляндии. Таким образом, ученый разграничивал понятия «российское государство» и «Российская империя».

14–15 ноября 1909 г. на совещании парламентской фракции Конституционно-демократической партии с представителями местных групп партии подробно рассматривался общенациональный вопрос. П.Н. Милуковым была вновь озвучена важность идеи равноправия национальностей [8, с. 164] и необходимость подробного изучения финляндской проблемы. На проводимом совещании парламентской фракции Партии народной свободы единогласно была принята позиция «...сохранения государственной автономии Финляндии...» [8, с. 167], которую подробно должны были разработать специалисты-ученые, включая Ф.Ф. Кокошкина.

6 декабря 1909 г. Ф.Ф. Кокошкин докладывал о финляндской проблеме и излагал свою позицию «...о допустимости общего для империи и Финляндии законодательства, без участия самого Сейма, то есть вопреки финляндским основным законам...» [9, с. 390]. Спустя несколько дней на заседании 13 декабря 1909 г. правовед рассматривал два ключевых вопроса: о необходимости изменения отношений между Российской империей и Великим княжеством Финляндским, а также о порядке проведения самих изменений (при утвердительном ответе на первый вопрос). Ф.Ф. Кокошкиным в этой связи были предложены три варианта взаимодействия между центральной и местной властью: сохранение “status quo”, признание финляндского проекта делегаций или отнесение отдельных вопросов к общеимперскому законодательству с разрешением русскими законодательными учреждениями при участии представителей Финляндии [9, с. 391].

В 1910 г. Ф.Ф. Кокошкин указывал на отсутствие практической значимости исследования финляндского вопроса, отмечая

⁶ Кокошкин Ф.Ф. Запрос октябристов о Финляндии // Русские ведомости. 1908. № 31. Л. 1-2.

⁷ Кокошкин Ф.Ф. Еще по поводу запроса «октябристов» о Финляндии // Русские ведомости. 1908. № 34. Л. 2.

пространные намерения Государственной думы Российской империи и бессмысленность повторного раскрытия необходимости разрешения «...положения о правах Финляндии...»⁸. С позиции Ф.Ф. Кокошкина, «финляндский» законопроект, разработанный П.А. Столыпиным, рассматривался слишком поспешно и с заметным ограничением деятельности финляндской власти в контексте реализации внутренних вопросов Великого княжества Финляндского. Кроме того, не было четкого разграничения компетенций центральных и местных законодательных органов по общеимперским делам. Ф.Ф. Кокошкин по этому поводу отмечал: «А пока во всей обозначенной в законопроекте области законодательная деятельность сейма приостанавливается, и таким образом водворяется полный законодательный застой»⁹. В дальнейшем правовед осуждал принятый закон, юридическую силу которого отказывалось признавать финское население. При этом Ф.Ф. Кокошкин указывал, что в результате издания закона 17-го июня об общегосударственном законодательстве, в Великом княжестве Финляндском никаких нежелательных действий не произошло: «...это, – вопреки ожиданиям многих, – не только не вызвало в Финляндии беспорядков или волнений, но даже, по-видимому, не изменило заметно обычного, спокойного темпа общественной жизни»¹⁰.

В 1912 г. Ф.Ф. Кокошкин относился к работе над финляндским вопросом критически. Правовед писал о случае привлечения к уголовной ответственности членов выборгского магистрата, ограничивающих права русского крестьянина на осуществление торговли, и рассмотрении их дела «...не местным судом, а петербургской судебной палатой»¹¹, что означало претворение «общеимперского» законодательства в жизнь. Ф.Ф. Кокошкин отмечал, что данный судебный процесс «является лишь первым звеном

длинной цепи аналогичных процессов...»¹², отмечая угнетение местного населения в вопросе о применении финляндского законодательства при разрешении уголовных дел.

О широкой автономии Великого княжества Финляндского писали многие финляндские политические деятели того времени, в том числе Б. Лундаль, Л. Мехелин, Ю.Р. Даниельсон-Кальмари [10, с. 851]. Соратники Ф.Ф. Кокошкина по кадетской партии, включая П.Н. Милюкова и С.А. Котляревского, также искали пути решения национального вопроса. Поддерживая идею сохранения единства государства, С.А. Котляревский писал о важности обеспечения прав национального меньшинства. В этом контексте С.А. Котляревский указывал на необходимость «устранения следов гнета» и реализацию культурного самоопределения в кратчайшие сроки [11, с. 116].

Агентурные сведения начала 1910-х гг. о Конституционно-демократической партии включают в себя описание характера взаимоотношений, установившихся между политическим объединением и финским населением: «Кадетов в Финляндии уважают все: как так называемые «стариканы», то есть лица, требующие спокойного отношения к развертывающимся событиям, так и «молодые», то есть финны, полагающие, что кунштаторство Мехелина, Неовиуса, Сивхунда и прочих не приведет ни к чему хорошему...»¹³. Однако подобная позиция по отношению к кадетской партии и деятельность Ф.Ф. Кокошкина не привели к положительным изменениям статуса Великого княжества Финляндского и сохранению его в составе России. На законодательном уровне вопрос так и не разрешился, а после прихода к власти большевистской партии Финляндия получила независимость и стала самостоятельным государством.

3. Подготовка Ф.Ф. Кокошкиным законопроекта «Об автономном Царстве Польском». Польский вопрос был одной из наиболее острых национальных проблем в Российской империи начала XX века. Это связывалось с тем, что «участники польского национального движения» были изна-

⁸ Кокошкин Ф.Ф. Перед решением // Русские ведомости. 1910. № 101. Л. 2.

⁹ Кокошкин Ф.Ф. Аутентическое разъяснение финляндского законопроекта // Русские ведомости. 1910. № 135. Л. 1.

¹⁰ Кокошкин Ф.Ф. Финляндия и закон 17-го июня // Русские ведомости. 1910. № 265. Л. 2.

¹¹ Кокошкин Ф.Ф. Применение «общеимперского» законодательства // Русские ведомости. 1912. № 185. Л. 2.

¹² Кокошкин Ф.Ф. К предстоящим финляндским процессам // Русские ведомости. 1912. № 283. Л. 2.

¹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 240. Д. 2 ч. 27л. Б. Л. 1.

чально враждебно настроены к русским [12, с. 5]. Малообразованное население Российской империи, в свою очередь, не воспринимало понятие «автономия». Представители отделения Конституционно-демократической партии в Нижнем Новгороде также считали его в определенной степени враждебным, видя в автономии Царства Польского слабое место в Программе кадетской партии [13, с. 92].

Актуальность польского вопроса в период Первой мировой войны и, как следствие, важность его скорейшего разрешения, была обусловлена несколькими факторами, среди которых можно назвать: риск оккупации пограничных польских территорий иностранными государствами, завоевание Российской империей Восточной Галиции (на которой проживало польское население) и воззвание великого князя Николая Николаевича по польскому вопросу 1 августа 1914 г., содержащее обещание дарования автономии Польше [14, с. 907-908].

С позиции кадетов, в Польше, в отличие от Финляндии, автономию необходимо было вводить немного позднее, «...до появления в России представительного органа с конституционными полномочиями» [15, с. 40]. Этим объясняется более длительное рассмотрение польского вопроса в Конституционно-демократической партии.

Ф.Ф. Кокошкин родился в городе Хелм, расположенном на территории Люблинской губернии Царства Польского. Это может косвенно объяснять особую заинтересованность правоведа русско-польским вопросом. На протяжении всей своей политической деятельности Ф.Ф. Кокошкин среди всех национальностей в наибольшей степени отстаивал права именно польского населения, выступал за предоставление Польше автономии и последовательно разрабатывал данную проблему.

Впервые о польском вопросе Ф.Ф. Кокошкин рассуждал еще до получения статуса депутата Государственной думы первого созыва, выступая 12–15 сентября 1905 г. на общероссийском съезде земских и городских деятелей. Правовед отрицал насильственное подчинение частей населения государства политическому порядку [16, с. 4]. Законопроект, касающийся прав польского

населения и польских территорий, изначально был предложен представителями политических партий из самой Польши в виде поправок к Основному закону Российской империи, разработанному в июле 1905 г.¹⁴ Поправки охватывали три отдельные части: параграф первый раздела первого, параграфы первый и второй раздела второго, а также раздел отдельный (об автономии Царстве Польского). В разделе первом предлагалось установить правило, согласно которому общие законы на территории автономий касаются только предмета, исключенного из компетенции местных учреждений. В разделе втором основные изменения затрагивали права польского населения на преподавание на родном языке и приравнивание языка каждой народности с государственным языком в суде, школе и администрации. Раздел отдельный закреплял конкретные сферы, полномочия по которым осуществляли общегосударственные учреждения, исключенные из компетенции учреждений Царства Польского, а именно: «1) гражданская смета, 2) заграничные дела, договоры политические и торговые, 3) монетное дело, 4) войско и стратегические сообщения и сооружения, 5) законодательство, касающееся пошлин, акциза, железнодорожных сообщений, почт, телеграфов и телефонов» [16, с. 6-7]. Остальные компетенции относились к ведению автономных учреждений Польши. При этом сохранялся обязательный порядок утверждения монархом законов, издаваемых местным законодательным органом – сеймом, а также процедура избрания обозначенного учреждения на основе демократических выборов.

С позиции Ф.Ф. Кокошкина, представители центральной власти на местах должны осуществлять только «...надзор за законностью деятельности органов самоуправления с правом передавать постановления, признаваемые незаконными, на рассмотрение органов административной юстиции...» [16, с. 29]. По мнению правоведа, многие сферы не требовали законодательной регламентации на уровне Российской империи, поскольку необходимо было лишь установить основные начала и предоставить законо-

¹⁴ К вопросу об организации будущего представительства // Русские ведомости. 1905. № 180. Л. 1-2.

творческие компетенции органам местного самоуправления.

По итогам работы общероссийского съезда земских и городских деятелей вопрос о правах национальностей был разрешен следующим образом: «Основной закон Российской империи должен гарантировать всем населяющим империю народностям право культурного самоопределения, полную свободу употребления различных языков и наречий в общественной жизни и свободу собраний, союзов, учебных заведений и всякого рода учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности» [16, с. 41]. Кроме того, съездом была установлена необходимость выделения Царства Польского «в особую автономную единицу...» [16, с. 43].

Изначально разработка отдельного законопроекта «Об устройстве Царства Польского» была поручена Ф.И. Родичеву, Ф.Ф. Кокошкину и В.А. Набокову по итогам заседания ЦК Конституционно-демократической партии от 19 марта 1906 г. [9, с. 60]. Однако в Государственной думе первого созыва, созванной уже 27 апреля 1906 г., на повестке дня стояли более насущные проблемы, в частности, необходимо было разработать аграрный законопроект. «Докладчик Кокошкин, содокладчики от Польши Ледницкий и Парчевский и содокладчик по еврейскому вопросу Винавер успели лишь доложить комиссии свое мнение по польскому вопросу, и она единогласно высказалась за полную отмену ограничений в правах поляков» [17, с. 77-78]. Следовательно, рассмотреть и разрешить польский вопрос на тот момент не удалось.

Исследование Ф.Ф. Кокошкиным польской проблемы, по аналогии с финляндской проблемой, происходило в периодических печатных изданиях. Правовед неоднократно дискутировал по национальному вопросу как с известными личностями, включая П.Б. Струве¹⁵, так и с неизвестными сотрудниками отдельных газет¹⁶. Ф.Ф. Кокошкиным были выпущены статьи, посвященные национальному аспекту и затрагивающие следующие дела: важность «связывания жи-

телей известной территории, несмотря на классовые, национальные и религиозные различия»¹⁷, предоставление полякам права выражаться на своем языке «в городских Думах Царства Польского»¹⁸, недопустимость смешивания «вопроса о культуре» с «вопросом о государстве»¹⁹, потенциальный пересмотр политической карты Европы и Ближнего Востока по результатам Первой мировой войны²⁰ и другие важные проблемы. Кроме того, Ф.Ф. Кокошкин на регулярной основе обсуждал автономию Царства Польского со своими единомышленниками, включая Д.И. Шаховского²¹ и И.И. Петрункевича²².

Дальнейшая работа Ф.Ф. Кокошкина над национальным вопросом на законодательном уровне происходила после начала Первой мировой войны. Правовед длительное время занимался изучением польской проблематики, в период с сентября 1914 г. по июнь 1915 г. неоднократно выступал на заседаниях Конституционно-демократической партии, обсуждал отдельные части будущей польской конституции. О проделанной работе Ф.Ф. Кокошкин постоянно докладывал лидеру кадетской партии П.Н. Милокову, присылая ему отдельные поправки к подготавливаемому им законопроекту²³.

Законопроект «Об устройстве Царства Польского» был представлен Ф.Ф. Кокошкиным на конференции Конституционно-демократической партии, проходящей 6–8 июня 1915 г. К тому времени обозначенная законодательная инициатива являлась заслуживающей не только правоведа, но и его соратников по политическим взглядам, поскольку «...нынешняя его форма есть уже плод коллективной работы» [18, с. 472]. В самом законопроекте последовательно закреплялись: положение о разделении предметов ведения общегосударственных и местных установлений, положение о законодательстве, положение об управлении, положение мини-

¹⁵ Кокошкин Ф.Ф. Либерализм и национализм // Русские ведомости. 1914. № 259. Л. 2-3.

¹⁶ Кокошкин Ф.Ф. К вопросу о польской автономии // Русские ведомости. 1906. № 81. Л. 2.

¹⁷ Кокошкин Ф.Ф. Антисемитское движение в Польше // Русские ведомости. 1913. № 102. Л. 2.

¹⁸ Кокошкин Ф.Ф. О государственном языке // Русские ведомости. 1914. № 133. Л. 1.

¹⁹ Кокошкин Ф.Ф. Либерализм и национализм. Л. 3.

²⁰ Кокошкин Ф.Ф. Под знаком национального вопроса. Л. 5.

²¹ ГА РФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 433. Л. 1-2.

²² ГА РФ. Ф. Р-5839. Оп. 1. Д. 19. Л. 159-161.

²³ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4654. Л. 52.

стра по делам Царства Польского, положение о суде, положение о финансах, положение о железных дорогах, положение о правах и обязанностях населения Царства Польского, положение о местных языках, положение о действиях общегосударственных законов в Царстве Польском, положение об участии населения Царства Польского в Государственной думе и Государственном Совете, положение о порядке пересмотра закона об устройстве Царства Польского и положение о верховном суде по делам Царства Польского²⁴.

Доклад Ф.Ф. Кокошкина о проекте закона «Об устройстве Царства Польского» основывался на введении в Польшу автономного устройства [18, с. 473]. Установление автономии в Царстве Польском имело ряд препятствий, которые необходимо было преодолеть. Во-первых, автономию следовало вводить через российский парламент, поскольку Польша являлась частью единого русского государства. Во-вторых, другие части этнографической Польши, в случае их захвата Российской империей по результатам Первой мировой войны, должны были войти в состав Царства Польского. В-третьих, изменение Конституции Польши допускалось только на основании наличия «соглашения русской государственной власти с польской...» [18, с. 474], что являлось дополнительной гарантией для автономной территории. В-четвертых, как и в финляндском вопросе, важной оставалась проблема разделения компетенций между общегосударственными и местными законодательными органами. В-пятых, Ф.Ф. Кокошкиным в утвердительной форме обсуждалась допустимость представительства польского населения в Государственной думе Российской империи. В-шестых, правоведом отмечались отдельные права местного населения, включая права, связанные с религиозной свободой и равенством перед законом всех национальностей [18, с. 475]. В завершении Ф.Ф. Кокошкин писал о необходимости учреждения Верховного суда с целью разрешения споров о компетенции между общеимперскими и польскими властями. В результате разработанный законопроект был

передан государствоведом «...во фракцию, которая в нужный момент и воспользуется им» [18, с. 476], но не получил своей дальнейшей реализации.

Заключение

Ф.Ф. Кокошкин занимался исследованием национального вопроса на протяжении всей своей жизни. Правовед выступал за предоставление автономии Финляндии и Польше, права на культурное самоопределение для местного населения, разрабатывая национальную проблему на теоретическом уровне в виде научных и публицистических трудов, и с практической точки зрения, участвуя в подготовке законодательных инициатив. Ф.Ф. Кокошкин постоянно стремился «...улучшить жизнь населения и приравнять всех независимо от их социального или иного статуса» [19, с. 11]. Указанное стремление затрагивало и права всех национальностей.

С позиции Ф.Ф. Кокошкина, по отношению к Великому княжеству Финляндскому, властям из центра следовало снизить контроль над внутренней политикой и предоставить возможность самостоятельного разрешения внутренних вопросов финляндским учреждениям. Ученый аргументировал свою позицию существованием финляндской Конституции, закрепившей автономное положение территории.

Ф.Ф. Кокошкин на протяжении долгих лет разрабатывал национальный вопрос, отстаивая интересы Царства Польского. В результате правовед подготовил отдельный законопроект «Об устройстве Царства Польского», в котором закреплялись основные положения об автономной Польше, ее учреждениях, компетенциях местной и центральной власти, правах и обязанностях местного населения.

В конечном итоге отсутствие согласия между местными властями и центром привело к выходу Великого княжества Финляндского и Царства Польского из состава России. Этому поспособствовали неблагоприятная внешнеполитическая обстановка и медлительность в реализации законодательных инициатив, направленных на улучшение положения обозначенных территориальных единиц, в том числе в виде предоставления автономии.

²⁴ ГА РФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 7. Л. 87-96.

Список источников

1. Трунов К.Н. Партия кадетов и финляндский вопрос (1905–1917 гг.) // Клио. 2015. № 1 (97). С. 101–105. <https://elibrary.ru/thgmrX>
2. Величко Л.Н. Позиции лидера партии кадетов П.Н. Милукова по армянскому вопросу // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 3. С. 37–42. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.3.4>, <https://elibrary.ru/xbtwst>
3. Кокошкин Ф.Ф. Областная автономия и единство России. Москва: Народное Право, 1906. 15 с.
4. Грязнова Т.Е., Бучакова М.А. Местное самоуправление в осмыслении либеральных представителей российской юриспруденции конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33. С. 5–14. <https://doi.org/10.17223/22253513/33/1>, <https://elibrary.ru/vcboty>
5. Кокошкин Ф.Ф. Автономия и федерация. Петроград, 1917. 30 с.
6. Кокошкин Ф.Ф. Правила 20 мая 1908 г. «О порядке направления финляндских дел» // Финляндия. 1909. № 5. С. 21–29.
7. Кокошкин Ф.Ф. Правила 20 мая 1908 г. «О порядке направления финляндских дел» (окончание) // Финляндия. 1909. № 6. С. 55–61.
8. Шелохаев В.В. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг.: в 3 т. Москва: РОССПЭН, 2000. Т. 2. 655 с.
9. Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 г. / сост. Д.Б. Павлов, Н.И. Канищева. Москва: Прогресс-Академия, 1994. 528 с.
10. Карнишина Н.Г., Карнишин В.Ю. Великое княжество Финляндское в составе Российской империи в начале XX в.: по материалам журнала «Финляндия» // Via in tempore. История. Политология. 2021. Т. 48. № 4. С. 849–858. <https://elibrary.ru/jjduja>, <https://elibrary.ru/jjduja>
11. Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Российские либералы: кадеты и октябристы. Москва: РОССПЭН, 1996. 304 с.
12. Хрипаченко Т.И. Неудавшийся компромисс: российские либералы и проекты польской и украинской автономии в Российской империи накануне Первой мировой войны // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2015. № 1 (17). С. 3–15. <https://elibrary.ru/tzqmjd>
13. Дмитриева Н.В. Оценка национальной программы кадетов региональными властями и сообществами (по результатам выборов в I Государственную думу) // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. ст. Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. Ч. 1. С. 90–96. <https://elibrary.ru/eupqjs>
14. Дмитриева Н.В. Интерпретация кадетами исторической составляющей польского вопроса в начале Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. № 4. С. 906–919. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.406>, <https://elibrary.ru/qjofeu>
15. Трунов К.Н. Партия кадетов и польский вопрос (1905–1917 гг.) // Клио. 2014. № 12 (96). С. 39–44. <https://elibrary.ru/tegguj>
16. Кокошкин Ф.Ф. О правах национальностей и децентрализации. Доклад организационного бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 г. Москва: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1906. 47 с.
17. Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законоотворчества. Москва, 1999. 520 с.
18. Кокошкин Ф.Ф. Избранное. Москва: РОСППЭН, 2010. 592 с.
19. Лапаева А.В., Митрофанов Н.В. Идея прав и свобод человека и гражданина в учении Ф.Ф. Кокошкина // Гражданское общество в России и за рубежом. 2023. № 3. С. 9–11. <https://doi.org/10.18572/2221-3287-2023-3-9-11>, <https://elibrary.ru/guikik>

References

1. Trunov K.N. (2015). The Constitutional Democratic Party and Finnish issue (1905–1917). *Klio=Clio*, no. 1 (97), pp. 101–105. (In Russ.) <https://elibrary.ru/thgmrX>
2. Velichko L.N. (2021). The attitude of the Cadet Party leader P.N. Milyukov to the Armenian issue. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanities and Law Research*, no. 3, pp. 37–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.3.4>, <https://elibrary.ru/xbtwst>
3. Kokoshkin F.F. (1906). *Regional Autonomy and the Unity of Russia*. Moscow, Narodnoe Pravo Publ., 15 p.

4. Gryaznova T.E., Buchakova M.A. (2019). Local self-government in comprehension of liberal representatives of Russian jurisprudence of the late XIX – early XX centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. = Tomsk State University Journal of Law*, no. 33, pp. 5-14. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/22253513/33/1>, <https://elibrary.ru/vcboty>
5. Kokoshkin F.F. (1917). *Autonomy and Federation*. Petrograd, 30 pp. (In Russ.)
6. Kokoshkin F.F. (1909). Rules of May 20, 1908 “On the procedure for sending Finnish affairs”. *Finlyandiya = Finland*, no. 5, pp. 21-29. (In Russ.)
7. Kokoshkin F.F. (1909). Rules of May 20, 1908 “On the procedure for sending Finnish affairs” (end). *Finlyandiya = Finland*, no. 6, pp. 55-61. (In Russ.)
8. Shelokhaev V.V. (2000). *Congresses and Conferences of the Constitutional Democratic Party. 1905–1920: in 3 vols*. Moscow, ROSSPEN Publ., vol. 2, 655 p. (In Russ.)
9. Pavlov D.B., Kanischeva N.I. (comps). (1994). *Protocols of the Central Committee and Overseas Groups of the Constitutional Democratic Party: in 6 vols. Vol. 1. Protocols of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party. 1905–1911*. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 528 p. (In Russ.)
10. Karnishina N.G., Karnishin V.Yu. (2021). Grand Duchy of Finland in the Russian Empire at the beginning of the 20th century: on the publications of the magazine “Finland”. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya = Via in Tempore. History and Political Science*, vol. 48, no. 4, pp. 849-858. (In Russ.) <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2021-48-4-849-858>, <https://elibrary.ru/jjduja>
11. Pavlov D.B., Shelokhaev V.V. (1996). *Russian Liberals: Cadets and Octobrists*. Moscow, ROSSPEN Publ., 304 p. (In Russ.)
12. Khripachenko T.I. (2015). A case of failed compromise: Russian liberals and the projects of Polish and Ukrainian autonomy on the eve of the World War I. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1 (17), pp. 3-15. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tzqmjd>
13. Dmitrieva N.V. (2020). Assessment of the National Cadet Program by regional authorities and communities (based on the results of the elections to the First State Duma). *Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v 2 ch. “Tavricheskie chteniya 2019. Aktual’nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost” = Collection of Scientific Articles of the International Scientific Conference “Tauride Readings 2019: Actual Problems of Parliamentarism: History and Modernity”*: in 2 pts. St. Petersburg, Asterion Publ., pt 1, pp. 90-96. (In Russ.) <https://elibrary.ru/eupqjs>
14. Dmitrieva N.V. (2023). Interpretation of the historical component of the Polish question by constitutional democrats at the beginning of the First World War. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya = Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 68, no. 4, pp. 906-919. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.406>, <https://elibrary.ru/qjofeu>
15. Trunov K.N. (2014). The Constitutional Democratic Party and the Polish issue (1905–1917). *Klio = Clio*, no. 12 (96), pp. 39-44. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tegguj>
16. Kokoshkin F.F. (1906). *On the Rights of Nationalities and Decentralisation. Report of the organisational bureau to the congress of zemstvo and town leaders 12–15 September 1905*. Moscow, 47 p. (In Russ.)
17. Zorin V.Yu., Amanzholova D.A., Kuleshov S.V. (1999). *The National Question in the State Duma of Russia: Legislative Experience*. Moscow, 520 p. (In Russ.)
18. Kokoshkin F.F. (2010). *Selections*. Moscow, ROSSPEN Publ., 592 p. (In Russ.)
19. Lapaeva A.V., Mitrofanov N.V. (2023). The idea of human and civil rights and freedoms in the F.F. Kokoshkin’s doctrine. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom = Civil Society in Russia and Abroad*, no. 3, pp. 9-11. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2221-3287-2023-3-9-11>, <https://elibrary.ru/guikik>

Поступила в редакцию / Received 10.01.2025

Поступила после рецензирования / Revised 23.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 349.6

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-219-225>

Шифр научной специальности 5.1.2

Общая характеристика юридической ответственности за экологические правонарушения: проблемные аспекты

Демичев Алексей Андреевич,

доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права и процесса, ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3; главный научный сотрудник научного центра, Нижегородский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 46, <https://orcid.org/0000-0002-9779-100X>, aadem@bk.ru

Аннотация

Выделяются несколько основных проблем общей характеристики юридической ответственности за экологические правонарушения: 1) существование специфической «эколого-правовой» ответственности; 2) использование понятия «имущественная ответственность» в статье 79 ФЗ «Об охране окружающей среды»; 3) упоминание дисциплинарной ответственности в той же статье. Высказывается мнение, что никакой специфической эколого-правовой ответственности не существует – все ее, так называемые, особенности вполне вписываются в характеристики административной и гражданско-правовой ответственности за нарушение законодательства в сфере природопользования и охраны окружающей среды. Обосновывается целесообразность исключения упоминания имущественной ответственности из статьи 79 федерального закона «Об охране окружающей среды» и замена понятия «имущественная» на «гражданско-правовая» ответственность. Предлагается исключить из перечня видов ответственности за нарушения законодательства в сфере природопользования и охраны окружающей среды дисциплинарную ответственность, поскольку она не обладает какой-либо спецификой в экологической сфере и имеет место исключительно в рамках трудовых правоотношений.

Ключевые слова

юридическая ответственность за экологические правонарушения, экологическое правонарушение, имущественная ответственность, гражданско-правовая ответственность, материальная ответственность, дисциплинарная ответственность

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

А.А. Демичев – концепция исследования, анализ нормативных документов, обзор современных исследований по проблеме, написание черновика рукописи, формулирование предложений по совершенствованию федерального законодательства.

Конфликт интересов

Автор статьи является членом редакционной коллегии журнала «Актуальные проблемы государства и права», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования

Демичев А.А. Общая характеристика юридической ответственности за экологические правонарушения: проблемные аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 219-225. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-219-225>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-219-225>

OECD 5.05; ASJC 3308

General characteristics of legal liability for environmental offences: problematic aspects

Alexey A. Demichev,

Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Professor, Professor of the Civil Law and Procedure Department, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 3 Ankudinovskoe Rte., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; Chief Researcher of the Science Center, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 46 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9779-100X>, aadem@bk.ru

Abstract

Several main problems of the general characteristics of legal liability for environmental offences are highlighted: 1) the existence of specific “legal environmental” liability; 2) the use of the concept of “property responsibility” in Article 79 of the Federal Law “On Environmental Protection”; 3) the mention of disciplinary responsibility in the same article. The opinion is expressed that there is no specific legal environmental liability – all its so-called features fit into the characteristics of administrative and civil liability for violation of legislation in the sphere of natural resource use and environmental protection. The article substantiates the expediency of excluding the mention of property liability from Article 79 of the federal law “On Environmental Protection” and replacing the term “property” with “civil” liability. It is proposed to exclude disciplinary liability from the list of types of liability for violations of legislation in the sphere of nature use and environmental protection, since it does not have any specificity in the environmental sphere and takes place exclusively within the framework of labor legal relations.

Keywords

legal liability for environmental offenses, environmental offenses, property liability, civil liability, financial liability, disciplinary liability

Funding

This research received no external funding.

Author’s contribution

A.A. Demichev – concept development, normative documents analysis, review of current research on the problem, writing – original draft preparation, formulating proposals to improve federal legislation

Conflict of interests

The author of the article is a member of the Editorial Board of the journal “Current Issues of the State and Law”, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has undergone the peer-review procedure adopted by the journal. The author declares no other conflicts of interest.

For citation

Demichев, A.A. (2025). General characteristics of legal liability for environmental offences: problematic aspects. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 219-225. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-219-225>

Введение

Эффективность правового регулирования зависит от качества нормативных правовых актов, которые должны соответствовать конкретно-историческим реалиям и отражать социально-экономические, политические, культурные и прочие особенности общества и государства, в котором они действуют. Однако ни один «идеальный» с точки зрения содержания нормативный правовой акт не будет «работать», если за нарушение установленных в нем правил поведения не предусматривается юридическая ответственность.

Отмеченное выше в полной мере касается и сферы взаимодействия общества и окружающей среды. По этой причине все вопросы, связанные с юридической ответственностью за экологические правонарушения, приобретают не только научно-теоретическую, но и практическую актуальность.

В юридической практике нередко ситуация, когда доктринальные представления о юридической ответственности расходятся с видением того же предмета законодателем. Так, некоторые ученые, занимающиеся проблемами экологического права, выделяют особый, самостоятельный вид юридической ответственности – эколого-правовую ответственность [1–3].

Мы полагаем, что «эколого-правовая ответственность» – это искусственно созданный конструкт, в котором не нуждается ни юридическая наука, ни правоприменительная практика. Самостоятельность экологического права как отрасли российского права давно уже мало у кого вызывает сомнения. Один из крупнейших специалистов в области экологического права С.А. Боголюбов очень точно отметил, что данная отрасль совершенно не нуждается в искусственных подпорках и основаниях такого рода, как собственный вид юридической ответственности [4, с. 165].

По нашему мнению, корректно говорить о юридической ответственности за экологические правонарушения или об ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды. Кстати, последняя формулировка имеет место в названии главы XIV федерального закона «Об

охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (далее – ФЗ «Об охране окружающей среды»).

Далее мы рассмотрим несколько дискуссионных проблем общей характеристики юридической ответственности за экологические правонарушения. При этом мы не будем глубоко вдаваться в вопросы, связанные с отдельными видами ответственности в экологической сфере, поскольку они требуют самостоятельного изучения.

Результаты исследования

В юридической литературе имеет место много подходов, основанных на разных общетеоретических установках, научной специализации ученых и принятии или непринятии концепции специфической эколого-правовой ответственности. Все они в той или иной степени отражают объективную реальность, связанную с таким явлением правовой действительности, как юридическая ответственность.

В качестве рабочего определения мы предлагаем следующее: **юридическая ответственность за экологические правонарушения** – это специфическая обязанность лица за совершенные им виновные (а в ряде случаев – невиновные) деяния в сфере природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности претерпевать лишения личного или материального характера (для физических лиц) или организационного и материального характера (для юридических лиц) в соответствии с санкцией нарушенной нормы права.

В теории права и отраслевых юридических науках стало аксиомой, что основанием юридической ответственности является правонарушение. Не исключение и сфера экологических правоотношений – основанием юридической ответственности здесь также является правонарушение, но при этом имеется определенная специфика.

Сущность экологического правонарушения заключается в умышленном или неумышленном причинении вреда окружающей среде и/или здоровью человека в результате определенного действия или бездействия. Традиционно основным признаком правонарушения является противоправность. Однако в реальности нередко имеют место ситуации, когда вред был причинен

источником повышенной опасности. В этом случае он возмещается в соответствии с правилами статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации. На наш взгляд, дискуссионным представляются вопросы: можно ли считать, что во всех случаях вред, причиненный источником повышенной опасности, является результатом противоправных действий, и всегда ли противоправность будет выступать обязательным признаком экологического правонарушения?

Что касается такого элемента состава экологического правонарушения, как вина, то и в экологической сфере существуют две ее формы: умысел (прямой и косвенный) и неосторожность (самонадеянность и небрежность). Естественно, нести ответственность могут только субъекты, наделенные деликтоспособностью. Обратим внимание, что экологическое правонарушение может заключаться и в реальной угрозе причинения вреда. Также оно может заключаться не в причинении вреда или создании реальной угрозы его причинения, а в нарушении законных прав и интересов (например, в нарушении конституционного права на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии).

В статье 79 ФЗ «Об охране окружающей среды» инвариантно перечисляются четыре вида ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды, а именно:

- 1) имущественная;
- 2) дисциплинарная;
- 3) административная;
- 4) уголовная.

Как видим, никакая «эколого-правовая ответственность» ни в указанной, ни в других статьях ФЗ «Об охране окружающей среды» не упоминается. Равно она не упоминается ни в других нормативных правовых актах, ни в материалах судебной практики.

Среди перечисленных в ФЗ «Об охране окружающей среды» четырех видов юридической ответственности только последние два вида (административная и уголовная) не вызывают вопросов.

Дискуссионным является, что законодатель подразумевает под имущественной ответственностью. В научной литературе по

этому вопросу нет единства. Некоторые авторы отождествляют имущественную ответственность с гражданско-правовой [5, с. 29; 6, с. 17]. В пункте 33 постановления Пленума Верховного суда РФ № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» от 18 октября 2012 г. используется такая конструкция: «гражданско-правовая (имущественная) ответственность». Тем самым высшая судебная инстанция поставила знак равенства между понятиями «гражданско-правовая ответственность» и «имущественная ответственность».

По нашему мнению, в статье 79 ФЗ «Об охране окружающей среды» законодатель осознанно или неосознанно смешал два различных вида юридической ответственности – гражданско-правовую и материальную. В целом мы исходим из презумпции разумности законодателя, но допускаем и возможность совершения в данном случае им ошибки. При этом обратим внимание на то, что в теории государства и права далеко не все ученые рассматривают материальную ответственность в качестве отдельного, самостоятельного вида юридической ответственности [7, с. 721-726; 8, с. 503]. Если исходить из этой позиции, то тогда единственным вариантом является признание синонимичности понятий «имущественная ответственность» и «гражданско-правовая ответственность».

Тем не менее, определенная логика в выделении имущественной ответственности (как совокупности гражданско-правовой и материальной) имеется, поскольку и в том, и в другом случаях ответственность носит компенсационный характер и заключается в выполнении субъектом правонарушения обязанности имущественного характера. В первом случае речь идет о компенсации вреда, причиненного окружающей среде, во втором – о компенсации вреда работодателю, причиненного работником при выполнении им трудовых функций.

Однако в этой ситуации непонятно, причем тут охрана окружающей среды и материальная ответственность? Ведь работник компенсирует вред работодателю, а не окружающей среде! Вопросы материальной

ответственности, как и в целом отношения между работником и работодателем, регулируются трудовым законодательством. По этой логике получается, что законодатель обоснованно не стал называть материальную ответственность среди других видов юридической ответственности за экологические правонарушения, поскольку она не вписывается в систему отношений «человек – природа». Отношения «человек – природа» носят в данном случае опосредованный характер – если в результате действий работника был причинен вред окружающей среде, то ответственность по его компенсации в соответствии с гражданским законодательством возлагается не на работника, а на организацию, в которой он осуществляет свои трудовые функции. Отметим и то, что до вступления в силу ФЗ «Об охране окружающей среды» действовал Закон РСФСР «Об охране окружающей природной среды» от 19 декабря 1991 г., в статье 81 которого назывались виды юридической ответственности за экологические правонарушения, в том числе материальную и дисциплинарную. Кроме того, статья 83 этого нормативного правового акта непосредственно посвящалась материальной ответственности.

Исключение материальной ответственности из числа видов ответственности за экологические правонарушения в контексте отношений «человек – природа» была бы логичным в том случае, если бы среди видов ответственности в статье 79 ФЗ «Об охране окружающей среды» не была названа дисциплинарная ответственность. Некоторые авторы высказывают справедливое, на наш взгляд, сомнение в целесообразности выделения дисциплинарной ответственности за экологические правонарушения по той причине, что составов «экологических дисциплинарных проступков» нет и быть не может, а работник привлекается к дисциплинарной ответственности за нарушение норм трудового права, и никакой экологической специфики здесь нет [5, с. 29].

Также обратим внимание на то обстоятельство, что материальная и дисциплинарная ответственность носят диспозитивный характер. Последний проявляется в том, что даже при наличии доказанной вины работника по решению руководства организации

он может не привлекаться к ответственности. Напротив, гражданско-правовая, уголовная и административная ответственность носят императивный характер.

Итак, представляется целесообразным закрепить иной перечень видов юридической ответственности в статье 79 ФЗ «Об охране окружающей среды», нежели это сделано сейчас. Имеет смысл либо расширить имеющийся перечень до пяти видов, включив в него материальную ответственность и заменив имущественную на гражданско-правовую, либо сократить его до трех видов, исключив дисциплинарную ответственность. Второй подход представляется более удачным [9, с. 121].

Иногда в юридической литературе выделяют еще один вид ответственности за экологические правонарушения – конституционную ответственность [1, с. 36-46; 10, с. 61-66]. Однако, во-первых, само по себе выделение конституционной ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности является дискуссионным. Во-вторых, даже если принять данную концепцию в целом, нет никаких серьезных оснований говорить о существовании конституционной ответственности именно за экологические правонарушения, потому что она во всех случаях сведется к одному или нескольким «классическим» видам юридической ответственности.

Некоторые признаки и функции юридической ответственности имеют универсальный характер. Например, любой вид юридической ответственности предполагает применение санкций имущественного и/или личного характера в отношении лица, совершившего экологическое правонарушение. Однако такой признак как опора на государственное принуждение действует не всегда – в гражданско-правовых отношениях предполагается добровольное возмещение причиненного вреда, в том числе окружающей среде. Ответственность субъектов экологических правоотношений может предусматриваться не только нормами права (установление ответственности государством в нормах права считается одним из ключевых признаков юридической ответственности) – она может быть предусмотрена, например,

положениями конкретных гражданско-правовых договоров.

Что касается функций юридической ответственности за экологические правонарушения, то, например, превентивная функция носит универсальный характер. Она свойственна всем видам юридической ответственности. А вот карательная функция не присуща гражданско-правовой и материальной ответственности, целью которых является компенсация вреда, причиненного окружающей среде и работодателю (соответственно). Следовательно, целесообразно вести речь о признаках и функциях юридической ответственности за экологические правонарушения только применительно к ее конкретным видам.

Заключение

Завершая работу, отметим, что основными проблемами общей характеристики юридической ответственности за экологические правонарушения являются следующие: 1) существование специфической «эколого-

правовой» ответственности; 2) использование понятия «имущественная ответственность» в статье 79 ФЗ «Об охране окружающей среды»; 3) упоминание дисциплинарной ответственности в той же статье.

Мы полагаем, что специфической эколого-правовой ответственности не существует, поскольку все ее, так называемые, особенности вполне вписываются в характеристики административной и гражданско-правовой ответственности за нарушение законодательства в сфере природопользования и охраны окружающей среды.

Считаем целесообразным заменить в статье 79 ФЗ «Об охране окружающей среды» понятие «имущественная ответственность» на «гражданско-правовая ответственность». Также имеет смысл исключить из перечня видов ответственности дисциплинарную ответственность, поскольку она не обладает какой-либо спецификой в экологической сфере и имеет место исключительно в рамках трудовых правоотношений.

Список источников

1. Юридическая ответственность за экологические правонарушения / отв. ред. О.Л. Дубовик. Москва: ИГП РАН, 2012. 170 с.
2. Бринчук М.М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид ответственности // *Lex Russica* (Русский закон). 2016. № 6. С. 26-47. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.115.6.026-047>, <https://elibrary.ru/wymhuj>
3. Ивакин В.А. Теоретические вопросы юридической ответственности за экологические правонарушения // *Право и государство: теория и практика*. 2005. № 8. С. 80-89. <https://elibrary.ru/kwqavf>
4. Боголюбов С.А. Правотворчество в сфере экологии. Москва: Эксмо, 2010. 527 с. <https://elibrary.ru/qruyen>
5. Анисимов А.П., Исакова Ю.И., Працко Г.С. Теория и практика юридической ответственности за экологические правонарушения: региональный аспект // *Правовой порядок и правовые ценности*. 2024. Т. 2. № 1. С. 26-38. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-26-38>, <https://elibrary.ru/wltspn>
6. Власов В.А. Юридическая ответственность за экологические преступления и экологические правонарушения. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2024. 72 с. <https://elibrary.ru/axyeic>
7. Радько Т.Н. Теория государства и права. Москва: Академический проект, 2005. 811 с.
8. Теория государства и права / под ред. В.Я. Кикотя, В.В. Лазарева. Москва: ИНФРА-М, 2008. 624 с.
9. Рыженков А.Я. К вопросу о доктринальном понимании принципа ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды // *Аграрное и земельное право*. 2016. № 7. С. 116-122. <https://elibrary.ru/wjasyv>
10. Ивакин В.И. Теоретические проблемы формирования и развития эколого-правовой ответственности. Москва: Изд-во Юрид. ин-та МИИТ, 2017. 290 с.

References

1. Dubovik O.L. (executive ed.) (2012). *Legal Liability for Environmental Offences*. Moscow, IGP RAN Publ., 170 p. (In Russ.)
2. Brinchuk M.M. (2016). Ecological responsibility as an independent type of responsibility. *Lex russica (Russkii zakon) = Lex Russica*, no. 6, pp. 26-47. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.115.6.026-047>, <https://elibrary.ru/wymhuj>

3. Ivakin V.A. (2005). Theoretical questions of juridical responsibility for the ecological offence. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, no. 8, pp. 80-89. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kwqavf>
4. Bogolyubov S.A. (2010). *Law-Making in the Field of Ecology*. Moscow, Eksmo Publ., 527 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qruyen>
5. Anisimov A.P., Isakova Yu.I., Pratsko G.S. (2024). Theory and practice of legal liability for environmental offences: a regional aspect. *Pravovoi porjadok i pravovye tsennosti = Legal Order and Legal Values*, vol. 2, no. 1, pp. 26-38. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-26-38>, <https://elibrary.ru/wltspn>
6. Vlasov V.A. (2024). *Legal Liability for Environmental Crimes and Environmental Offences*. Krasnoyarsk, SibLI of the MIA of Russia Publ., 72 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/axyeic>
7. Rad'ko T.N. (2005). *Theory of State and Law*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 811 p. (In Russ.)
8. Kikotya V.Ya., Lazareva V.V. (eds.) (2008). *Theory of State and Law*. Moscow, INFRA-M Publ., 624 p. (In Russ.)
9. Ryzhenkov A.Ya. (2016). To a question of doctrinal understanding of the principle of responsibility for violation of the legislation in the field of environmental protection. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, no. 7, pp. 116-122. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wjasyv>
10. Ivakin V.I. (2017). *Theoretical Problems of Formation and Development of Ecological and Legal Responsibility*. Moscow, Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT) Publ., 290 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 07.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 14.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.5

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-226-235>

Шифр научной специальности 5.1.2

Публично-правовое регулирование в сфере биомедицины в Республике Польша

Романовский Георгий Борисович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Уголовное право», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Российская Федерация, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, <https://orcid.org/0000-0003-0546-2557>, ScopusID 57191983029, ResearcherID S-7012-2016, vlad93@sura.ru

Романовская Екатерина Андреевна,

инженер-исследователь кафедры «Уголовное право», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Российская Федерация, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, <https://orcid.org/0009-0007-3040-083X>, up406@mail.ru

Дасаева Анастасия Исмаиловна,

инженер-исследователь кафедры «Уголовное право», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Российская Федерация, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, <https://orcid.org/0009-0004-6314-1297>, nastya.dasaewa@yandex.ru

Аннотация

В статье представлены правовые основы регулирования биомедицинской деятельности в Республике Польша. Цель исследования – выявить особенности правового регулирования медицинской профессии, проанализировав законы, определяющие правовой статус различных групп медицинских работников. Специальный закон посвящен правовому статусу пациента и медицинской палаты. Саморегулируемая организация объединяет всех медицинских работников по профессиональному признаку, она отвечает также за допуск к профессии и осуществление контроля за профессиональной деятельностью. Особое внимание уделено Закону от 1 июля 2005 г. по сбору, хранению и трансплантации клеток, тканей и органов. Сделан вывод, что правовой режим некоторых технологий определен на перспективу в качестве медицинского эксперимента. Определен статус биобанков. Показаны особенности правового регулирования донорства органов (тканей, клеток) человека. Отмечено, что в Республике Польша по многим «чувствительным» биомедицинским проблемам сформирован консервативный подход (обусловлено заметным влиянием религиозной этики, сформированной Римской католической церковью). Это касается, в частности, правового регулирования искусственного прерывания беременности. В статье представлен общий анализ решений Европейского суда по правам человека, в которых Польша признана виновной в нарушении прав человека.

Ключевые слова

биомедицина, трансплантология, биомедицинские технологии, клинические испытания, Польша

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00365, <https://rscf.ru/project/24-28-00365/>

Вклад автора

Г.Б. Романовский – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции. Е.А. Романовская – сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи. А.И. Дасаева – сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы.

Конфликт интересов

Г.Б. Романовский является членом редакционной коллегии журнала «Актуальные проблемы государства и права», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов авторы не заявляли.

Для цитирования

Романовский Г.Б., Романовская Е.А., Дасаева А.И. Публично-правовое регулирование в сфере биомедицины в Республике Польша // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 226-235. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-226-235>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-276-235>

OECD 5.05; ASJC 3308

Public law regulation in the field of biomedicine in the Republic of Poland

Georgii B. Romanovskii,

Dr. Sci. (Law), Professor, Head of “Criminal Law” Department, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0546-2557>, ScopusID 57191983029, ResearcherID S-7012-2016, vlad93@sura.ru

Ekaterina A. Romanovskaya,

research engineer at the “Criminal Law” Department, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0007-3040-083X>, up406@mail.ru

Anastasia I. Dasaeva,

research engineer at the “Criminal Law” Department, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0004-6314-1297>, nastya.dasaewa@yandex.ru

Abstract

The article presents the legal basis for the regulation of biomedical activities in the Republic of Poland. The aim of the study is to identify the peculiarities of the legal regulation of the medical profession by analyzing the laws defining the legal status of different groups of medical workers. A special law is devoted to the legal status of the patient and the medical chamber. The self-regulatory organization unites all medical workers on a professional basis, it is also responsible for admission to the profession and control over professional activities. Special attention is paid to the Law of July 1, 2005 on the collection, storage and transplantation of cells, tissues and organs. It is concluded that the legal regime of some technologies is defined for the future as a medical experiment. The status of biobanks is defined. Peculiarities of legal regulation of donation of human organs (tissues, cells) are shown. It is noted that in the Republic of Poland a conservative approach is formed on many “sensitive” biomedical problems (due to a noticeable influence of religious ethics formed by the Roman Catholic Church). This applies, in particular, to the legal regulation of artificial termination of pregnancy. The article presents a general analysis of the decisions of the European Court of Human Rights, in which Poland was found guilty of human rights violations.

Keywords

biomedicine, transplantology, biomedical technologies, clinical trials, Poland

Funding

The study was funded by the Russian Science Foundation under research project № 24-28-00365. <https://rscf.ru/project/24-28-00365/>

Author's contribution

G.B. Romanovskii – concept development, normative documents research and analysis, scientific literature analysis, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements. E.A. Romanovskaya – normative documents research and analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation. A.I. Dasaeva – normative documents research and analysis, scientific literature analysis.

Conflict of interests

Georgii B. Romanovskii is a member of the Editorial Board of the journal “Current Issues of the State and Law”, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has undergone the peer-review procedure adopted by the journal. The authors declare no other conflicts of interest.

For citation

Romanovskii, G.B., Romanovskaya, E.A., & Dasaeva, A.I. (2025). Public law regulation in the field of biomedicine in the Republic of Poland. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 226-235. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-276-235>

Введение

Биомедицина как объект правового регулирования находится на пике общественных обсуждений практически во всех странах мира. Это связано с теми открытиями, которая предлагает данная сфера. Они затрагивают не просто отдельные аспекты здоровья человека, а предлагают смену подходов в системе оказания медицинской помощи, попутно ставя самые значимые вопросы: что есть человек? какова его биологическая природа? возможно ли ее исправление? есть ли пределы в использовании биомедицинских технологий (в частности, для достижения социальных целей)? [1; 2]. Градус дискуссий повышается еще и в силу стремительности развития биомедицинских технологий. Отставание права по всем направлениям констатируется многими [3; 4]. Более того, некоторые ученые предлагают зафиксировать это отставание одновременно с приостановлением научных исследований. Предлагается объявить некий мораторий на научные эксперименты. Как представляется, эта пауза должна позволить человечеству осмыслить прогнозируемые изменения, спланировать свои действия, а затем сформировать качественное правовое поле, которое будет отражать степень зрелости общества и уровень достижений.

Универсальность проблематики актуализирует любые сравнительно-правовые исследования, которые могут дать положительный эффект для оценки собственного национального законодательства. Республика Польша является ближайшим соседом Российской Федерации. Не будем забывать,

что Российская Федерация и Республика Беларусь образуют Союзное государство, граница которого как раз отделяет нашу страну от Польши. К тому же с Польшей Российскую Федерацию связывают давние связи. История знала различные периоды отношений, что не отменяет территориальную близость, а также общие коммуникации в различных социально-гуманитарных сферах. Следует отметить, что в Республике Польша по многим биомедицинским проблемам сформирован консервативный подход. Это создает некоторые юридические конфликты, многие из которых рассматривались в Европейском суде по правам человека (в частности, это касалось ограничений, вводимых государством на искусственное прерывание беременности). Но это, в свою очередь, вызывает определенный интерес, поскольку в Российской Федерации приверженность традиционным ценностям определена в Конституции.

Результаты исследования. Обсуждение

Право и биомедицина в Республике Польша: общий обзор. Соблюдение принципов биоэтики в медицине и науке в Республике Польша обеспечивается разнообразными нормативными актами. Это означает, прежде всего, что медицинское законодательство данной страны не систематизировано и не кодифицировано. Кроме того, присутствует уклон в сторону регулирования организационных моментов, связанных с допуском к профессии, режимом работы медицинского работника, порядком осуществления профессиональных обязанностей, пе-

пераспределением «зон ответственности» между органами публичной власти (особенно в части финансирования медицинской помощи).

Закон от 15 апреля 2011 г. «О медицинской деятельности»¹ регулирует, в первую очередь, вопросы организации оказания медицинской помощи, разделяя медицинские организации по своему правовому положению, указывая на особенности финансирования каждой из них, предъявляет детальные требования к порядку осуществления профессиональных обязанностей со стороны медицинских работников, выполняющих свою деятельность индивидуально и как работники медицинских учреждений. Требования к специалисту закреплены Законом от 5 декабря 1996 г. о профессиях врача и стоматолога.

В Закон 2011 г. вносились изменения, направленные на развитие цифровой медицины. В Законе изначально медицинская деятельность связывалась с оказанием медицинских услуг (что позволяет проводить параллели с российской моделью регулирования), но в последующем появилось дополнение, что они могут оказываться также с помощью IT-систем и систем связи. Интерес вызывает статья 9 Закона, определяющая режим оказания круглосуточной медицинской помощи на дому, «включающей уход и реабилитацию пациентов, не нуждающихся в госпитализации». Допускается осуществление медицинской деятельности в форме волонтерства. Обратим внимание также на такой аспект, как защита прав несовершеннолетнего пациента. Законному представителю может быть отказано в просьбе о досрочной выписке ребенка из больничного учреждения, если ему требуется дальнейшее оказание медицинской помощи, до вынесения решения соответствующим судом (статья 29).

В Польше приняты также специальные нормативные акты, посвященные отдельным видам оказания медицинской помощи. Так, в Республике приняты: Закон от 8 сентября 2006 г. о Государственной службе скорой

медицинской помощи² и Закон от 27 октября 2017 г. о первичной медико-санитарной помощи³.

Особенностью правового режима медицинской деятельности выступает наличие различных законов, посвященных статусу отдельных медицинских работников. Так, в Польше действуют Закон от 5 декабря 1996 г. о профессиях врача и стоматолога⁴, Закон от 15 июля 2011 г. о профессиях медсестры и акушерки⁵, Закон от 25 сентября 2015 г. о профессии физиотерапевта⁶. Статус лаборанта определен Законом от 15 сентября 2022 г. о лабораторной медицине⁷, а статус фармацевта – Законом от 19 апреля 1991 г. о фармацевтических палатах⁸. Наличие такого количества законов создает определенные трудности для самих представителей медицинской профессии при определении налоговых, социальных, трудовых льгот. К тому же медицинская деятельность относится к числу «профессий общественного доверия», имеющей свое особое конституционное закрепление, предполагающее автономию и самоуправление [5].

Каждый медицинский работник должен состоять в медицинской палате. Создана иерархическая система организационной структуры, объединяющей всех врачей Польши. Статус определен Законом от 2 де-

¹ Ustawa z dnia 15 kwietnia 2011 r. o działalności leczniczej. URL: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/dzialalnosc-lecznicza-17709549> (dostęp 26.01.2025).

² Ustawa z dnia 8 września 2006 r. o Państwowym Ratownictwie Medycznym. URL: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/panstwowe-ratownictwo-medyczne-17307669> (dostęp 26.01.2025).

³ Ustawa z dnia 27 października 2017 r. o podstawowej opiece zdrowotnej. URL: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/podstawowa-opieka-zdrowotna-18655397> (dostęp 26.01.2025).

⁴ Ustawa z dnia 5 grudnia 1996 r. o zawodach lekarza i lekarza dentystry. URL: <https://lexlege.pl/ustawa-o-zawodach-lekarza-i-lekarza-dentystry/rozdzial-1-przepisy-ogolne/5719/> (dostęp 26.01.2025).

⁵ Ustawa z dnia 15 lipca 2011 r. o zawodach pielęgniarki i położnej. URL: <https://lexlege.pl/ustawa-o-zawodach-pielęgniarki-i-polożnej/> (dostęp 26.01.2025).

⁶ Ustawa z dnia 25 września 2015 r. o zawodzie fizjoterapeuty. URL: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/zawod-fizjoterapeuty-18244654> (dostęp 26.01.2025).

⁷ Ustawa z dnia 15 września 2022 r. o medycynie laboratoryjnej. URL: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/medycyna-laboratoryjna-21740423> (accessed 26.01.2025).

⁸ Ustawa z dnia 19 kwietnia 1991 r. o izbach aptekarskich. URL: <https://lexlege.pl/ustawa-o-izbach-aptekarskich/> (dostęp 26.01.2025).

кабря 2009 г. о медицинских палатах⁹, в рамках которого провозглашается самоуправление врачей. Врачебная корпорация уполномочена на формирование правил медицинской этики и обеспечение их соблюдения (статья 5 Закона). Основная задача медицинской палаты – допуск к профессии. Соответственно вопросы приостановления и лишения права заниматься профессиональной деятельностью и ограничения профессиональной практики – также прерогатива корпорации врачей. Одновременно палаты ответственны за ведение дел, связанных с профессиональной ответственностью. Деятельность врача подлежит страхованию. Создана система медицинских судов. Принят Кодекс медицинской этики¹⁰. Законодательство устанавливает обязанность следования Руководствам по лечебной практике, при этом в юридической науке есть различия в понимании их правовой природы (предлагается рассматривать их как аналог технических норм [6]).

Базовым нормативным актом, определяющим статус пациента, выступает Закон от 6 ноября 2008 г. о правах пациента и Уполномоченном по правам пациентов¹¹, который раскрывает содержание базовых прав пациента, закрепляет статус Уполномоченного по правам пациентов, регулирует порядок рассмотрения возможных конфликтов по жалобам пациентов, а также условия рассмотрения исков о защите коллективных прав пациентов. Содержание ряда прав (в частности, право на информирование, право на ознакомление с медицинской документацией) подробно раскрыто с указанием сроков их реализации (а в отношении копирования медицинских документов – с закреплением предельной стоимости услуг).

Правовой режим клеток, тканей, органов. Закон от 1 июля 2005 г. по сбору, хранению и трансплантации клеток, тканей

и органов¹² посвящен регулированию донорства, но не распространяется на эмбрионы, половые клетки, репродуктивные ткани и органы, и их части. В то же время объект регулирования охватывает гемопоэтические клетки костного мозга, клетки периферической крови и пуповинной крови, тканей и органов от живого донора или трупа. Закон определяет правовой статус банков клеток и тканей. Установлен базовый принцип – клетки, ткани, органы человека не могут быть объектами купли-продажи.

Польский законодатель при определении режима изъятия биологического материала у трупа исходит из презумпции согласия: «если умерший при жизни не выразил своего возражения». Предусматривается ведение центрального реестра возражений против сбора клеток, тканей и органов у человеческих трупов. Такое несогласие можно также выразить в письменном заявлении, которое заверяется собственноручной подписью; или в устном заявлении, сделанным в присутствии не менее двух свидетелей, которое подтверждено ими в письменной форме. Именно в Законе подробно описывается процедура забора органов, тканей, клеток у человека.

Допускается изъятие материала у живого донора в пользу лица, не являющегося его прямым родственником. Статья 11 Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» предусматривает: «Изъятие у живого донора органов допускается, если он находится с реципиентом в генетической связи, за исключением случаев пересадки костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток». Тем самым ограничивается круг доноров органов, тканей человека [7]. Польское законодательство пошло по пути судебного санкционирования неродственного донорства. Решение принимается окружным судом по месту жительства (или пребывания) донора и по его заявлению, в порядке неискового производства. Срок рассмотрения –

⁹ Ustawa z dnia 2 grudnia 2009 r. o izbach lekarskich URL: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/izby-lekarskie-17585259> (dostęp 26.01.2025).

¹⁰ Kodeks Etyki Lekarskiej. URL: <https://nil.org.pl/dokumenty/kodeks-etyki-lekarskiej> (dostęp 26.01.2025).

¹¹ Ustawa z dnia 6 listopada 2008 r. o prawach pacjenta i Rzeczniku Praw Pacjenta. URL: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/prawa-pacjenta-i-rzecznik-praw-pacjenta-17532755> (dostęp 26.01.2025).

¹² Ustawa z dnia 1 lipca 2005 r. o pobieraniu, przechowywaniu i przeszczepianiu komórek, tkanek i narządów URL: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/pobieranie-przechowywanie-i-przeszczepianie-komerek-tkanek-i-narzadow-17216810> (dostęp 26.01.2025).

7 дней. Обязательно заслушивается мнение Комитета по этике Национального совета по трансплантации.

В Польше ведется реестр трансплантаций, уполномоченная организация – Организационно-координационный центр трансплантологии «Полтрансплант» со штаб-квартирой в Варшаве (подчиняется министру здравоохранения). В задачи «Полтрансплант» входят, в частности:

- ведение центрального реестра возражений;
- ведение национального списка ожидания на трансплантацию;
- ведение реестра трансплантаций;
- ведение регистра живых доноров;
- ведение регистра костного мозга и пуповинной крови.

В Польше создан также Национальный совет по трансплантации – консультативный и совещательный орган при министерстве по вопросам здравоохранения. Совет формируется Министром на 4-летний срок, состав включает 31 члена из числа специалистов в различных областях науки. В него входит также представитель Высшей судебной палаты.

Закон по сбору, хранению и трансплантации клеток, тканей и органов разрешает ксенотрансплантацию (статья 20), но для этого требуется положительное заключение Национального совета по трансплантации. К таким манипуляциям применимы положения о медицинских экспериментах. Закон также определяет порядок экспорта-импорта биологических объектов человека, в котором определен субъекты, уполномоченные на выдачу разрешений для таких трансграничных перемещений. Информация о ввозе-вывозе регистрируется в соответствующих реестрах.

Особенностью указанного закона выступает также то, что в него включены меры уголовной ответственности (глава 10). Уголовно-наказуемыми обозначены следующие деяния:

- распространение объявлений о возмездной купле-продаже или посредничестве в возмездной купле-продаже клетки, ткани или органа (наказывается штрафом, ограничением свободы или лишением свободы на срок до одного года);

- приобретение, продажа клеток, тканей или органов, посредничество в их приобретении или продаже, участие в их приобретении с нарушением положений Закона (наказывается лишением свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет по части 1, но есть и квалифицированные составы);

- осуществление деятельности банка тканей и клеток без необходимого разрешения (наказывается штрафом, ограничением свободы или лишением свободы на срок до одного года);

- изъятие или трансплантация тканей, клеток или органов с нарушением положений Закона (наказывается штрафом, ограничением свободы или лишением свободы на срок до 3 лет);

- вывоз с территории Республики Польша или импорт на территорию Республики Польша клеток, тканей или органов без необходимого согласия (наказывается штрафом, ограничением свободы или лишением свободы на срок до 3 лет);

- невыполнение обязательств по сообщению о происшествиях в соответствующие регистры (наказывается штрафом или ограничением свободы).

Весной 2023 г. в Польше была обновлена правовая база, посвященная клиническим испытаниям лекарственных средств. Необходимость принятия новых правил была также обусловлена изменениями соответствующего европейского регламента. Закон от 9 марта 2023 г. о клинических исследованиях лекарственных средств для медицинского применения¹³ имеет также еще одну цель – создать правовую основу для инвестиционной привлекательности в сфере фармацевтической деятельности. Закон определил правовой режим некоммерческих клинических испытаний (для тех, которые не нацелены на маркетинг лекарственных препаратов), распространив его на те испытания, которые проводятся за счет государственных финансовых средств (при этом допустив их будущую коммерциализацию). Предусматривается создание Верховного комитета по био-

¹³ Ustawa z dnia 9 marca 2023 r. o badaniach klinicznych produktów leczniczych stosowanych u ludzi. URL: <https://lexlege.pl/ustawa-z-dnia-9-marca-2023-r-o-badaniach-klinicznych-produktow-leczniczych-stosowanych-u-ludzi/> (dostęp 26.01.2025).

этике, действующего при Агентстве медицинских исследований. Таким образом, установлена централизация различных иных комитетов по биоэтике, в отношении которых Верховный комитет фактически получил полномочия по руководству и координации деятельности. Для Польши характерно, что отдельные положения Закона посвящены уголовной ответственности за его нарушения.

Правовое регулирование искусственного прерывания беременности. В Польше заметно влияние религиозной этики [8], что актуализирует дискуссии вокруг допустимости искусственного прерывания беременности. Концепция репродуктивных прав человека в этой стране не находит своей поддержки. В ЕС две страны – Польша и Ирландия, где данный вопрос вызывает серьезную поляризацию общества. Закон от 7 января 1993 г. о планировании семьи и защите человеческого плода, и условиях допустимости прерывания беременности¹⁴ на протяжении всего срока действия подвергается изменениям и дополнениям в зависимости от политической партии, пришедшей к власти (а значит, отстаивающей собственное видение проблемы абортов). На протяжении всего времени высказываются пожелания ввести полный запрет на допуск женщины к операции по искусственному прерыванию беременности (предлагалось также ввести уголовную ответственность для женщин, идущих на аборт) [9]. В Гражданском кодексе Республики Польша есть статья 446-1 – «При условии живорождения ребенок может потребовать компенсацию за ущерб, причиненный ему до рождения». В соответствии с Конституцией в Польше с религиозными конфессиями (не только с Католической церковью) заключается публичный договор, что позволяет им оказывать влияние на формирование этических принципов в профессиональной деятельности медицинских работников и правотворческой деятельности парламентариев [10].

¹⁴ USTAWA z dnia 7 stycznia 1993 r. o planowaniu rodziny, ochronie płodu ludzkiego i warunkach dopuszczalności przerywania ciąży. URL: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/planowanie-rodziny-ochrona-plodu-ludzkiego-i-warunki-dopuszczalnosci-16795126> (dostęp 26.01.2025).

Обращает внимание, что ряд решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), связанных с оценкой правовых норм, регулирующих допуск женщины к искусственному прерыванию беременности, связан именно с Республикой Польша (Постановление ЕСПЧ от 20 марта 2007 г. по делу «Тысенц против Польши» (*Tysiac v. Poland*, жалоба № 5410/03)¹⁵, Постановление ЕСПЧ от 26 мая 2011 г. по делу «R.R. против Польши» (*R.R. v. Poland*, жалоба № 27617/04)¹⁶, Постановление ЕСПЧ от 30 октября 2012 г. по делу «П. и С. против Польши» (*P. and S. v. Poland*, жалоба № 57375/08)¹⁷ и др.).

В Постановлении по делу «Тысенц против Польши» (в разных источниках присутствует различная трактовка фамилии заявительницы – Тысяк, Тысянц) ЕСПЧ шестью голосами против одного признал Польшу виновной в нарушении статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), закрепляющей право на неприкосновенность частной жизни. Необходимо раскрыть фабулу дела. Анастасия Тысенц страдала близорукостью, двое ее детей родились при помощи кесарева сечения, но зрение ухудшалось. Врачи предупредили ее об опасностях третьей беременности, которая наступила незапланированно через шесть лет. Поскольку законодательство Польши разрешало искусственное прерывание беременности в случае возникновения угрозы жизни матери, Тысенц обратилась к своему окулисту за справкой об опасном заболевании. На протяжении трех месяцев свой врач ей отказывал в выдаче направления, мотивируя отсутствием прямой угрозы слепоты в результате беременности, другие врачи отказывали в осмотре. После долгих хождений она получила направление на аборт от терапевта, но заведующий отделением акушерства и гинекологии общественной больницы R.D., к кото-

¹⁵ Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2007. № 9.

¹⁶ The case of R.R. v. Poland. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre/#%7B%22itemid%22:%5B%2201-104911%22%7D> (accessed 26.01.2025).

¹⁷ The case of P. and S. v. Poland. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-114098%22%7D> (accessed 26.01.2025).

рому Тысенц пришла, не усмотрел медицинских оснований для аборта по медицинским показаниям. Таким образом, заявительница не смогла прервать беременность и родила с помощью кесарева сечения. Ее зрение еще больше ухудшилось в результате кровоизлияния в сетчатку. Суд отметил, что законодательство, регулирующее прерывание беременности, затрагивает сферу личной жизни, поскольку личная жизнь беременной женщины тесно связана с развивающимся плодом. Со своей стороны, государство-ответчик признало наличие недостатков в применении закона на практике. Судом были выявлены также нарушения процессуальных обязательств по соблюдению статьи 8 ЕКПЧ в данном деле, а именно вовлеченность заявителя в процесс принятия решений.

В деле «R.R. против Польши» суть жалобы заключалась в отказе женщине в разрешении на аборт, несмотря на подозрения в наличии у плода пороков развития (были выявлены с помощью УЗИ). В судебном решении описаны все перипетии, которые ей пришлось пройти (неоднократные исследования, приемы у врачей, направления в различные больницы, отказы по религиозным мотивам и т. д.). Далее следовала череда жалоб, которые не увенчались правовым результатом в пользу заявительницы. В результате родилась девочка с синдромом Тернера. После этого R.R. обращалась в прокуратуру и суд с жалобами как против врачей, так и против медицинских организаций. ЕСПЧ признал Польшу виновной в нарушении прав человека. В итоговом Постановлении отмечалось: «Европейский суд учитывает, что заявительница находилась в ситуации большой уязвимости... В результате вышеупомянутой задержки со стороны медицинских специалистов она была вынуждена претерпевать недели мучительной неопределенности относительно состояния здоровья плода, ее будущего и будущего семьи и перспективы воспитания ребенка, страдающего неизлечимым заболеванием... Ее озабоченность не была надлежащим образом признана и учтена медицинскими специалистами, рассматривавшими ее ситуацию». Суд признал нарушение статьи 3 (запрещение пыток) и статьи 8 (право на уважение частной и семейной жизни) ЕКПЧ,

указав на длительный срок предоставления необходимой информации, когда заявительница испытывала страдания от неизвестности. К Постановлению были написаны два особых мнения. В одном из них судья Братца посчитал неправильным применение статьи 3, во втором судья Де Гаэтано наоборот – статьи 8.

Постановление ЕСПЧ по делу «R. и S. против Польши» касалось создания максимальных трудностей для производства аборта 14-летней жертве изнасилования. Польша была признана виновной в нарушении статей 3, 5 и 8 ЕКПЧ. Представлено Особое мнение судьи Де Гаэтано, отчасти не согласившегося с расширительным подходом к трактовке частной жизни человека (относительно затрагивания прав матери).

Заключение

Польское законодательство, регулирующее отношения в сфере здравоохранения, не отличается системностью и состоит из значительного числа нормативных актов. Есть целый пласт законов, регулирующих медицинскую профессию: Закон о профессиях врача и стоматолога, Закон о профессиях медсестры и акушерки, Закон о профессии физиотерапевта и др. Несмотря на то, что в научной литературе поднимался вопрос о систематизации всех приведенных документов и принятии единого закона, считается, что такой разрозненностью обеспечивается оригинальность польского законодательства. К тому же необходимо учитывать, что Польша является членом Европейского союза, что распространяет на нее действие европейских документов медицинского права.

Обращает внимание Закон от 1 июля 2005 г. по сбору, хранению и трансплантации клеток, тканей и органов, который объединяет все указанные объекты в один предмет регулирования. Сам закон достаточно проработан, но при этом не перегружен административными барьерами, создающими препятствия в этой перспективной сфере биомедицинской деятельности. Некоторые его аспекты (как например, в части разрешения на ксенотрансплантацию) нацелены на перспективу, специально при этом оговаривая допустимость режима медицинского эксперимента.

Следует помнить, что в Республике Польша заметное влияние оказывает Католическая церковь, которая создает определенное общественное поле вокруг некоторых «чувствительных» аспектов биомедицины. Наиболее ярко влияние проявляется в вопросе разрешения искусственного прерывания беременности. Это обусловило принятие целого ряда постановлений Европейским судом по правам человека, в которых Польша признана в нарушении прав человека. В то же время наличие таких решений коренным образом не привело к смене правотворческой политики. Польша остается верной выбранной традиции максимального ограничения для женщин, желающих прервать свою беременность.

В 2023 г. была обновлена правовая база, посвященная клиническим испытаниям лекарственных средств. Принят Закон от 9 марта 2023 г. о клинических исследованиях лекарственных средств для медицинского применения. Предполагается, что это создаст новые возможности для привлечения иностранных инвестиций в столь перспективную сферу. При этом для испытаний, финансируемых государством, установлен особый правовой режим. Польша в этой части старается сохранить государственный контроль, закрепить льготы для собственных организаций, чтобы не утратить определенные позиции при экспансии гигантов фармацевтической индустрии.

Список источников

1. Романовский Г.Б., Романовская О.В. Право и современная медицина: проблемы и перспективы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 1 (69). С. 96-110. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2024-1-9>, <https://elibrary.ru/zmkgia>
2. Романовский Г.Б., Романовская О.В. Право и 3-D биопечать: проблемы, риски, перспективы // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 12. С. 108-121. <https://doi.org/10.61205/S160565900031844-2>, <https://elibrary.ru/ajcbik>
3. Александрова А.В., Берг Л.Н., Болков М.А., Буланов А.А. и др. Современное биомедицинское право. Москва: Проспект, 2023. 480 с. <https://www.elibrary.ru/uyhkxr>
4. Романовский Г.Б., Романовская Е.А., Дасаева А.И. Публично-правовое регулирование биомедицинских технологий: опыт Норвегии // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4 (32). С. 530-537. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-530-537>, <https://elibrary.ru/tiqkly>
5. Miaskowska-Daszkiewicz K. Medical professions in Poland – selected legal aspects // Polish Journal of Public Health. 2018. Vol. 128. № 2. P. 57-62. <https://doi.org/10.2478/pjph-2018-0010>
6. Śmietański M., Rączka P. The legal nature of guidelines of scientific societies in the light of the Polish legal system // Polish Journal of Surgery. 2023. Vol. 95. № 3. P. 1-7. <https://doi.org/10.5604/01.3001.0015.9579>
7. Романовская О.В. Законодательство в сфере трансплантологии: проблемы и перспективы развития // Судья. 2016. № 11 (71). С. 27-33. <https://elibrary.ru/xorfvb>
8. Hintz M. Protestantyzm i jego teologia wobec wyzwań ponowoczesności XXI wieku // Konteksty: Polska Sztuka Ludowa. 2018. № 3. P. 22-28
9. Szelewa D. Prawa reprodukcyjne w Europie i w Polsce: zakaz, kompromis czy wybór? Warszawa: ICRA Publ., 2017. 24 p.
10. Aleksiejuk A. Naukowo-badawcza eksploracja ludzkich zarodków w dyskursie bioetyczno-teologicznym wybranych Kościołów ewangelicko-reformowanych // Rocznik Teologiczny. 2023. № 61 (4). P. 675.

References

1. Romanovskii G.B., Romanovskaya O.V. (2024) Law and modern medicine: issues and prospects. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*, no. 1 (69), pp. 96-110. (In Russ.) <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2024-1-9>, <https://elibrary.ru/zmkgia>
2. Romanovskii G.B., Romanovskaya O.V. (2024) Law and 3d bioprinting: problems, risks, prospects. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, vol. 28, no. 12, pp. 108-121. (In Russ.) <https://doi.org/10.61205/S160565900031844-2>, <https://elibrary.ru/ajcbik>
3. Aleksandrova A.V., Berg L.N., Bolkov M.A., Bulanov A.A. et al. (2023) *Modern Biomedical Law*. Moscow, Prospekt Publ., 480 p. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/uyhkxr>

4. Romanovskii G.B., Romanovskaya E.A., Dasaeva A.I. (2024) Public law regulation of biomedical technologies: the Norwegian experience. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4 (32), pp. 530-537. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-530-537>, <https://elibrary.ru/tiqkly>
5. Miaskowska-Daszkiwicz K. (2018) Medical professions in Poland – selected legal aspects. *Polish Journal of Public Health*, vol. 128, no. 2, pp. 57-62. <https://doi.org/10.2478/pjph-2018-0010>
6. Śmietański M., Rączka P. (2023) The legal nature of guidelines of scientific societies in the light of the Polish legal system. *Polish Journal of Surgery*, vol. 95, no. 3, pp. 1-7. <https://doi.org/10.5604/01.3001.0015.9579>
7. Romanovskaya O.V. (2016) Legislation in the field of transplantology: problems and prospects for development. *Sud'ya = Judge*, no. 11 (71), pp. 27-33. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xorfvb>
8. Hintz M. (2018) Protestantyzm i jego teologia wobec wyzwań ponowoczesności XXI wieku. *Konteksty: Polska Sztuka Ludowa*, no. 3, pp. 22-28 (In Polish)
9. Szelewa D. (2017). *Prawa Reprodukcyjne w Europie i w Polsce: Zakaz, Kompromis czy Wybór?* Warszawa, ICRA Publ., 24 p. (In Polish)
10. Aleksiejuk A. (2023) Naukowo-badawcza eksploracja ludzkich zarodków w dyskursie bioetyczno-teologicznym wybranych Kościołów ewangelicko-reformowanych. *Rocznik Teologiczny*, no. 61 (4), pp. 675. (In Polish)

Поступила в редакцию / Received 27.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 16.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.61/.64

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-236-247>

Шифр научной специальности 5.1.3

Моделирование содержания и структуры концепта семейной политики Республики Беларусь

Андрияшко Марина Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент, главный советник отдела внутривнутриполитического анализа управления внутренней политики, Белорусский институт стратегических исследований, Республика Беларусь, 220004, г. Минск, проспект Победителей, 7, <https://orcid.org/0000-0003-2527-2224>, Scopus ID: 57222323133, Researcher ID: AAY-7168-2020, andryiashkomv@mail.ru

Аннотация

Исследование посвящено моделированию содержания и структуры концептуального государственного документа в сфере семейной политики Республики Беларусь. Цель – определить основные тренды, сущностно характеризующие актуальное состояние институтов брака и семьи, разделить меры семейной политики от мер демографической политики для формирования выполнимого, учитывающего существующие и потенциальные риски и угрозы документа, что особенно важно ввиду приближения нового пятилетнего цикла государственного планирования и государственного прогнозирования. Методологической основой исследования послужили такие принципы научного познания, как объективность, всесторонность, системность, комплексность. Использованы формально-юридический метод (способствовал выявлению и комплексному анализу трендов), методы структурного анализа и синтеза (применен для обнаружения противоречий и причинно-следственных связей), сравнительно-правовой метод (способствовал выявлению негативных тенденций разрабатываемой концепции), научно-прогностический (предоставил возможность предвидеть ожидаемые результаты). Определены: тренды в сфере функционирования институтов брака и семьи; факторы влияния на функционирование института семьи; внешний и внутренний контуры приоритетов семейной политики; карта сфер семейной политики; стратегические направления семейной политики, инструменты и резервы ее реализации. Обоснована и предложена форма концептуального документа в сфере семейной политики, а также утверждающий его орган. Предложена структура концепции семейной политики Республики Беларусь.

Ключевые слова

семейная политика, семья, тренды, концепция

Финансирование

Исследование выполнено в рамках проекта БРФФИ Г23ИП-003 «Традиции и новации института семьи как основы государственной семейной политики и устойчивого развития Республики Беларусь».

Вклад автора

М.В. Андрияшко – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Автор статьи является членом редакционной коллегии журнала «Актуальные проблемы государства и права», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования

Андрияшко М.В. Моделирование содержания и структуры концепта семейной политики Республики Беларусь // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 236-247. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-236-247>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-236-247>

OECD 5.05; ASJC 3308

Modeling of the content and structure of the family policy framework of the Republic of Belarus

Maryna V. Andryashka,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Chief Adviser of the Department of Internal Policy Analysis of the Department of Internal Policy, Belarusian Institute for Strategic Research, 7 Pobeditelei Ave., Minsk, 220004, Republic of Belarus, <https://orcid.org/0000-0003-2527-2224>, Scopus ID: 57222323133, Researcher ID: AAY-7168-2020, andryashkomv@mail.ru

Abstract

The research is devoted to modelling the content and structure of a conceptual state document in the field of family policy of the Republic of Belarus. The aim is to identify the main trends that essentially characterise the current state of marriage and family institutions, to separate family policy measures from demographic policy measures in order to form a feasible document that takes into account existing and potential risks and threats, which is especially important in view of the approaching new five-year cycle of state planning and state forecasting. The methodological basis of the study is based on such principles of scientific knowledge as objectivity, comprehensiveness, systematicity and comprehensiveness. The formal-legal method (contributed to the identification and comprehensive analysis of trends), methods of structural analysis and synthesis (used to detect contradictions and cause-and-effect relationships), comparative-legal method (contributed to the identification of negative trends of the concept under development), scientific-predictive method (provided an opportunity to anticipate the expected results) were used. Trends in the functioning of marriage and family institutions; factors of influence on the functioning of the family institution; external and internal contours of family policy priorities; a map of family policy spheres; strategic directions of family policy, tools and reserves of its implementation were defined. The form of a conceptual document in the sphere of family policy, as well as the body approving it, is substantiated and proposed. The structure of the concept of family policy of the Republic of Belarus is proposed.

Keywords

family policy, family, trends, concept

Funding

This study was carried out within the framework of the BRFFI project G23IP-003 “Traditions and Innovations of the Family Institution as a Basis for State Family Policy and Sustainable Development of the Republic of Belarus”.

Author’s contribution

M.V. Andryashka – research concept development, collection and processing of normative documents, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of interests

The author of the article is a member of the Editorial Board of the journal “Current Issues of the State and Law”, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has undergone the peer-review procedure adopted by the journal. The author declares no other conflicts of interest.

For citation

Andryashka, M.V. (2025). Modeling of the content and structure of the family policy framework of the Republic of Belarus. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 236-247. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-236-247>

Введение

Брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся в фокусе постоянного внимания белорусского государства (часть первая статьи 32 Конституции Республики Беларусь) и являются адресатами и главными бенефициарами семейной политики. При этом реализация мер семейной политики акцентируется на укреплении демографического потенциала страны, тем самым практически сближаются две области социальной политики государства – семейная политика и демографическая политика.

Семья – «лакмусовая бумажка» запросов и ожиданий общества. Ожидаемо, что современные тренды и актуальное состояние институтов брака и семьи выходят за рамки утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 21 января 1998 г. № 46 Основных направлений государственной семейной политики (далее – Основные направления, 1998), несомненно, успешно прошедших проверку временем.

Отметим, что за более чем двадцатипятилетний срок действия Основные направления (1998) существуют практически в неизменном виде. Лишь дважды в текст вносились изменения и дополнения (2007 г. и 2009 г.), при этом исключительно технического характера, а не по существу предмета регулирования. Более того, изменения 2009 г. впоследствии были отменены. Таким образом, действующая редакция Основных направлений (1998) – хороший пример стабильности законодательного акта и свидетельство качественной технико-правовой проработки сути и текста документа [1, с. 225].

Несмотря на неизменность подходов белорусского нормотворчества к проблематике институтов брака и семьи, традиционных семейных ценностей, прошедшие четверть века существенным образом отразились на общественных отношениях, обозначилась специфика трендов в брачно-семейной сфере, изменилась социально-демографическая конъюнктура, в жизнь семьи и ее членов

стремительно ворвались сервисы и технологии [1, с. 225], значительно обогатился ландшафт сферы услуг, в том числе оказываемых семьям, произошла переоценка семейных приоритетов и ценностей, в том числе как следствие пандемии коронавирусной инфекции, получило легальное закрепление и наращивает показатели сфера ReproTech (особенно активно в области экстракорпорального оплодотворения).

Методы исследования

В настоящем исследовании мы будем понимать под термином «демографическая политика» прогосударственную политику улучшения параметров воспроизводства населения¹, в то время как под термином «семейная политика» нами будет пониматься политика поддержки семьи с акцентами на интересах семьи.

При проведении исследования автор обращался к трудам специалистов в различных областях знания: юриспруденция и правоохранительная деятельность (В.А. Шуняева [2, с. 611], О.А. Колоткина и И.Д. Ягофарова [3, с. 450], Э.Ю. Кузьменко [4, с. 576], С.В. Воробьева, М.И. Кольцов и В.И. Абрамова [5, с. 240], Е.М. Каширская и М.А. Ментюкова [6, с. 558], А.А. Завгородняя [7, с. 270], М.В. Залоило [8, с. 587], Н.В. Летова [9, с. 103], Дж.Ф. Алиев [10, с. 17]); социология (Н.Ю. Егорова и А.Л. Янак [11, с. 32], В.В. Румянцев [12, с. 73], Е.Г. Максимук [13, с. 63], З.З. Абдулаева [14, с. 163], Т.М. Бормотова [15, с. 97]); экономика и демография (А.Л. Сеница [16, с. 50; 17, с. 4], В.М. Карпова, С.В. Ляликова и А.И. Антонов [18, с. 179], Е.С. Вакуленко, Д.И. Горский, В.П. Кондратьева и И.А. Трофименко [19, с. 138]); социальная защита (М.В. Андрияшко [1, с. 225; 20, с. 108; 21, с. 45], Е.В. Матросова и Н.П. Герасимова [22, с. 114]); пенсионное обеспечение (В.В. Чистяков и Е.В. Яст-

¹ О демографической безопасности Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-3; в ред. Закона Республики Беларусь от 9 января 2018 г. № 91-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 18.01.2018. 2/2529.

ребова [23, с. 109], В.Н. Бобков, А.Г. Пилюс и Е.А. Смирнова [24, с. 87], А.П. Колесник [25, с. 23], А.В. Лапаева [26, с. 126; 27, с. 41]).

Автор статьи при её написании использовал общенаучные и специальные (юридические) методы исследования.

Результаты исследования

Учет современных трендов и понимание ретроспективы их зарождения при подготовке новеллизированных концептуальных положений о государственной семейной политике представляется нам чрезвычайно важным.

В максимально обобщенном виде существующие тренды нами представлены ниже.

«Семья – рынок труда – образование». Квалифицированные белорусы рабочих профессий становятся «лакомым куском» для зарубежных нанимателей, стимулирующих привлечение рабочей силы конкурентной зарплатой, сопутствующим социальным пакетом, вариативными бонусами. Поэтому «вымывание» как наших работающих сограждан, так и одаренной молодежи, активных и мобильных молодых людей в ближайшее время будет нарастать.

Такие формы занятости, как фриланс, при всем их удобстве, влекут и иные последствия: способствуют снижению ценности собственной территории у молодого поколения и в последующем – ее защиты. «Свободная работа», непривязанная к родной земле, не дает возможности оседлого образа жизни, как следствие, нет уверенности в окружении, в партнере.

«Семья – демография». В тяжелые послевоенные времена середины прошлого века людей не останавливала неуверенность в будущем. Однако сейчас наблюдается изменение ценностной шкалы. «Ценность детей» у современной белорусской молодежи на седьмом месте из десяти (40,7 %) после здоровья (69,4 %), семьи (60,2 %), родных и близких (53,5 %), материального достатка (51,8 %), друзей и дружбы (43,6 %), любви (41,2 %)². Следствием такой трансформации является не только количественное сокращение популяции, но и качественные изме-

нения ее состава, когда новое поколение в своем бытовом поведении руководствуется иной ценностной шкалой и приоритетами.

Это хорошо видно на примере продолжительной реализации в КНР политики «одна семья – один ребенок» (1979–2015), где новые поколения стали именовать «потерянными» ввиду того, что концентрация внимания родителей и старшего поколения на одном ребенке породила поколение детей, замкнутых исключительно на собственных потребностях.

Впоследствии эта политика сменила вектор с учетом начавшегося в 2022 г. сокращения численности населения Китая. Так, *The Financial Times* приводит данные (декабрь, 2024) о том, что местные власти Китая обзванивают замужних женщин, интересуются их намерениями завести детей и в целях побуждения иметь больше одного ребенка предлагают пособия³.

Несмотря на это наметился иной тренд. Так, по прогнозу инвестиционного банка *Goldman Sachs* (июнь, 2024), к 2030 г. количество домашних животных в городских районах Китая удвоится и превысит количество маленьких детей во всей стране⁴. Отмечается также рост рынка товаров (питание, одежда, игрушки) и услуг для питомцев, опередивший рынок товаров и услуг для детей.

Таким образом, любое направление государственной политики (пронатализм или антинатализм) трансформирует ценность детей, что непосредственным образом влияет на социально-экономическое развитие государства.

«Семья – монетарная поддержка государства». Не менее 20 отраслей национального законодательства предусматривают нормы о гарантиях, компенсациях, льготах, преференциях для семей с детьми. Классификация видов социального обеспечения семей с детьми насчитывает не менее 30 критериев [21, с. 110]. Однако не всегда достаточный уровень мер материальной поддержки семьи является залогом ее благо-

³ China adviser pushes for lower marriage age to boost births // *Financial Times*. 03.03.2025. URL: <https://goo.su/EPIZQYU> (accessed: 9.03.2025).

⁴ China will have nearly twice as many pets as young children by 2030, Goldman Sachs says // *CNCB*. 09.08.2024. URL: <https://goo.su/5PAfpiw> (accessed: 19.02.2025).

² Социальный портрет современной молодежи Беларуси // Институт социологии НАН Беларуси. URL: <https://socio.bas-net.by/sotsialnyj-portret-sovremennoj-molodezhi-belarusi/> (дата обращения: 19.02.2025).

получия – есть прямая корреляция между степенью благополучия общества и деградацией функции деторождения, что в том числе влияет на уровень разводимости.

Так, по статистическим данным за 2023 г. в стране было зарегистрировано 56044 брака и 33962 развода⁵. При этом, по показателю «число общих детей в расторгнутом браке» приводятся следующие данные: без детей – 13963, с одним ребенком – 12545, с двумя и более детьми – 7454. К слову, обновленные статистические данные свидетельствуют о том, что в 2024 г. ситуация с разводимостью усугубилась. Так, в 2024 г. в Беларуси было зарегистрировано 46242 брака и 34866 разводов⁶.

Патерналистские подходы государства в некоторых случаях позволяют отдельным категориям граждан использовать институт семьи как инструмент решения их меркантильных запросов⁷: лица, реализовавшие свое право на возведение, реконструкцию и приобретение жилья с государственной поддержкой, расторгают брак и вновь становятся на очередь нуждающихся в улучшении жилищных условий, фактически проживая совместно «одной семьей»; манипулируют институтом семейного капитала⁸.

Таким образом, развитая система государственных гарантий и мер социальной поддержки не всегда достигает ожидаемых результатов по сохранению семьи.

⁵ Республика Беларусь: статистический ежегодник / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. 2024: стат. данные о соц.-эконом. положении Республики Беларусь в 2023 г.; редкол.: И.В. Медведева (председатель) и др. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_135040/ (дата обращения: 21.02.2025).

⁶ Брачность и разводимость в Республике Беларусь в 2024 году. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/pdf/oficial_statistika/2024/marriage-2024.pdf (дата обращения: 08.02.2025).

⁷ Факты злоупотребления социальными льготами выявлены Генпрокуратурой Беларуси. URL: <https://www.sb.by/articles/fakty-zloupotrebleniya-sotsialnymi-lgotami-vyavleny-genprokuraturoy-belarusi.html> (дата обращения: 21.02.2025).

⁸ Прокуратура Сморгонского района: решение о досрочном распоряжении средствами семейного капитала признано недействительным. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/prokuratura-smorgons1801/> (дата обращения: 21.02.2025).

«Семья – семейное (не)благополучие». Как отмечает Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь, численность населения Республики Беларусь на начало 2024 г. составляла 9155978 человек (– 44639 человек), из них детей в возрасте до 18 лет – 1801383 человека, или 19,67 % от численности населения страны (в 2023 г. – 19,86 %) ⁹.

Случаи детской смертности от внешних причин (ДТП, пожары, утопления, отравления, несчастные случаи, падения с подоконников) выявляют полярные тренды в сфере детско-родительских отношений (от детоцентричности, гиперопеки до игнорирования, инфантилизма). Например, по данным Верховного суда Республики Беларусь в 2023 г. лишены родительских прав 2312 родителей, в 2024 г. – 2558 ¹⁰.

Уменьшился с 1,43 % в 2013 г. до 0,76 % в 2022 г. в общей численности детского населения удельный вес детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Всего же на государственном учете в 2023 г. находилось 13756 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из которых 11718 человек (85,18 %) – на семейных формах воспитания ¹¹.

Положительно оцениваем снижение количества возвращений родителям отобранных у них детей из отделений детских социальных приютов, когда такое отобрание стало следствием ненадлежащего выполнения родителями своих обязанностей (в 2023 г. – 49,71 %; в

⁹ Проблемы социального сиротства в цифрах за период с 2000 по 2023 год // Сборники официальной статистической информации. Вып.26 / Главный информ.-аналит. центр М-ва образования Респ. Беларусь. Минск, 2024. URL: <https://elib.nlb.by:8070/viewer?markID=BY-NLB-br0001941474&fileID=10159011> (дата обращения: 21.02.2025).

¹⁰ Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2024 год / Верховный суд Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/a4825a525c5e431f.html (дата обращения: 21.02.2025).

¹¹ Проблемы социального сиротства в цифрах за период с 2000 по 2023 год // Сборники официальной статистической информации, Вып. 26 / Главный информ.-аналит. центр М-ва образования Респ. Беларусь. Минск, 2024. URL: <https://elib.nlb.by:8070/viewer?markID=BY-NLB-br0001941474&fileID=10159011> (дата обращения: 21.02.2025).

2013 г. – 59,5 %; в 2007 г. – 60,23 %) ¹², что демонстрирует результаты подхода по тщательной проверке реальных свидетельств «исправления» родителя.

Как негативное явление сохраняется возврат по различным (объективным и субъективным) причинам детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с семейных форм воспитания в детские интернатные учреждения: в 2023 г. – 61 человек (0,62 % от общего числа детей, находившихся на семейных формах воспитания) ¹³.

Отметим, что в целом по состоянию на 31 декабря 2023 г. 83,99 % от общего числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являлись социальными сиротами (живы оба или единственный родитель) ¹⁴.

Выявляются факты насилия в отношении детей, сопутствующим социальным эффектом которых является перспектива вхождения в общество людей, переживших серьезные психологическую и физическую травмы. Так, если десять лет назад ежегодно регистрировалось 38 преступлений против половой неприкосновенности детей, то по итогам 2022 г. таких преступлений зафиксировано 1089 – рост за десятилетие более чем в 28 раз ¹⁵.

Несмотря на то, что в целом детская преступность с 2015 г. снизилась в два раза, в 2024 г. отмечается рост уровня преступности несовершеннолетних в сферах незаконного оборота наркотиков (увеличение на 33 %) незаконного оборота банковских платежных карточек ¹⁶. Поводами для соверше-

ния таких преступлений выступают в том числе дисфункции в семейной сфере: негативный пример взрослых, внутренние проблемы в семье, в близком окружении, желание заработать «быстрые и легкие» деньги, возможность без согласия законных представителей открывать банковский счет с 14 лет.

Таким образом, меры экономического стимулирования повышения рождаемости не всегда гарантируют детям счастливое детство и ответственное родительство.

«Семья – пенсионная система». Функционирование семейно-демографической сферы и пенсионной системы взаимообусловлено. Увеличение пенсионного возраста и пропаганда активного трудового долголетия породили тренд на сокращение участия представителей старшего поколения в воспитании внуков. В свою очередь увеличение возраста рождения первого ребенка породило следующий тренд: если раньше бабушками становились в 50 лет, когда здоровье позволяло быть активной, то сейчас в 58 лет внуков можно и не дожидаться.

Таким образом, видится, при разработке стратегического документа по вопросам семейной политики целесообразно учесть:

– *факторы влияния на функционирование института семьи* (смена экономического уклада; массовая урбанизация; индивидуализация сознания людей, поведенческих моделей бытовых практик; тренд на снижение количества детей в семьях; вытеснение традиционных каналов общения интернет-коммуникацией; разность сельской и городской культур; смена ценностей молодежи и старшего поколения);

– *экспертные мнения и тренды института семьи по сферам* (внутренняя и внешняя миграция; выстраивание полярных подходов к детско-родительским отношениям; матримониальные отношения в аспекте подготовки к браку, состояния в браке, разводов и дисфункций; восприятие молодежью институтов брака и семьи; идеология и регуляторика);

– *внешний контур приоритетов семейной политики* (адресность мер социальной политики; здоровый прагматизм государ-

¹² Проблемы социального сиротства в цифрах за период с 2000 по 2023 год // Сборники официальной статистической информации, Вып. 26 / Главный информ.-аналит. центр М-ва образования Респ. Беларусь. Минск, 2024. URL: <https://elib.nlb.by:8070/viewer?markID=BY-NLB-br0001941474&fileID=10159011> (дата обращения: 21.02.2025).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Что сделать, чтобы дети не стали жертвами педофилов? Памятка для родителей. URL: <https://belta.by/society/view/chto-sdelat-chtoby-deti-ne-stali-zhertvami-pedofilov-pamjatka-dlja-roditelej-556059-2023/> (дата обращения: 21.02.2025).

¹⁶ МВД: всплеск детской преступности произошел в Беларуси в 2024 году. URL: <https://sputnik.by/20250317/mvd-v-belarusi-v-2024-godu-proizoshel-vsplesk->

<detskoy-prestupnosti-1094533418.html> (дата обращения: 21.02.2025).

ственной политики; децентрализация и концептуализация; гражданский брак, а не сожительство, как форма брачных отношений мужчины и женщины; подготовка молодежи к браку; семья – ценность для государства и общества; преемственность поколений);

– *внутренний контур приоритетов семейной политики* (материнство, отцовство, детство – ценность; ответственное родительство; благополучие семьи; благоприятный микроклимат в семье; понимание разности семей и, соответственно, не идентичности их запросов и ожиданий);

– *карту сфер* (поддержка семьи государством; подготовка к браку; гармоничное развитие ребенка в цифровой и физической средах; поколенческие связи; формирование и масштабирование позитивного образа семьи с детьми; межведомственное и междисциплинарное взаимодействие);

– *стратегические направления семейной политики, инструменты и резервы* (личность, семья, общество, государство; поддержка семей с детьми; саморегуляция брачно-семейных отношений; село и малые города; охрана, превентивные меры, защита; воспитание; образование; здравоохранение).

Важным представляется решение вопросов о форме стратегического документа по вопросам семейной политики и об утверждающем его органе.

Концептуальные, доктринальные, основные и иные положения в той или иной сфере утверждаются в Республике Беларусь Главой государства, органами законодательной и исполнительной ветвей власти, другими конституционными органами (Всебелорусским народным собранием, Советом Безопасности), которые уполномочены на принятие актов программного характера в форме концепций, доктрин, основных направлений.

Законодательством Республики Беларусь прямо предусмотрено, что Правительство «разрабатывает и осуществляет меры по улучшению социально-экономических условий жизнедеятельности *семей с детьми*»¹⁷. С учетом этого, полагаем, в качестве

утверждающего органа целесообразно рассматривать Совет Министров Республики Беларусь. Как показывает практика, Правительство принимает два вида актов программного характера – концепции (преимущественно) и основные направления.

Под термином «концепция» легально понимается документ, содержащий комплексное изложение основных целей, приоритетов, задач и направлений социально-экономического развития на определенный временной период, общие подходы к достижению поставленных целей и являющийся основой для разработки документов государственного прогнозирования, государственного планирования¹⁸. Видится целесообразным новый программный документ в сфере государственной семейной политики облечь в форму концепции, что будет соответствовать современной практике нормотворчества [1, с. 227].

С учетом результатов обращения к структуре действующих в настоящее время концептуальных актов программного характера и их обобщения предлагается следующая структура обновленных направлений государственной семейной политики в форме концепции:

1) *глава 1 – общие положения:*

– правовая основа концепции и ее связь с другими концептуальными, доктринальными, программными документами и документами стратегического планирования (Концепцией национальной безопасности, Концепцией информационной безопасности, Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на среднесрочную перспективу, Национальной стратегией устойчивого развития и пр.);

– понятийно-категориальный аппарат концепции (основные термины и определения);

– цель, задачи и принципы государственной семейной политики;

// Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 21.07.2023. 2/3002.

¹⁸ О государственном прогнозировании и государственном планировании: Закон Респ. Беларусь от 5 мая 1998 г. № 157-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 июля 2023 г. № 279-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 20.07.2023. 2/2999.

¹⁷ О Совете Министров Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 424-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 июля 2023 г. № 282-З

– субъекты и объекты государственной семейной политики;

2) глава 2 – современные мировые тренды в сфере семейной политики:

– глобальные и локальные тренды на постсоветском пространстве, в Китайской Народной Республике, странах Европейского союза, Соединенных Штатах Америки, а также в иных государствах, с которыми Беларусь в настоящее время развивает дипломатические отношения;

3) глава 3 – современное состояние институтов семьи и брака, мер семейной политики и ее инфраструктурных аспектов в Республике Беларусь:

– характеристика современного состояния института брака;

– характеристика современного состояния института семьи;

– характеристика реализуемых мер государственной семейной политики, их успехов, а также сфер, нуждающихся в корректировке;

– инфраструктурные аспекты реализации государственной семейной политики;

4) глава 4 – приоритетные направления государственной семейной политики:

– формирование осознанного вступления в брак;

– поддержка института семьи (медийная, монетарная, инфраструктурная);

– стимулирование и поддержка материнства;

– стимулирование и поддержка отцовства;

– всемерная охрана и защита детей и детства;

– проведение комплексных научных исследований институтов брака и семьи;

5) глава 5 – риски реализации семейной политики, угрозы реализации семейной политики и их источники, меры по минимизации рисков и угроз:

– риски реализации семейной политики;

– угрозы достижению целей государственной семейной политики и их источники;

– меры по минимизации (нейтрализации) рисков и угроз реализации государственной семейной политики;

6) глава 6 – механизм реализации государственной семейной политики:

– полномочия государственных органов в сфере реализации государственной семейной политики;

– финансовое обеспечение мероприятий по реализации государственной семейной политики;

– формирование республиканского бюджета с учетом необходимости решения задач государственной семейной политики;

– мониторинг порядка реализации мероприятий государственной семейной политики;

– информационно-аналитическое сопровождение реализации государственной семейной политики;

7) глава 7 – ожидаемые результаты реализации государственной семейной политики.

Заключение

Таким образом, в обобщенном виде концептуальные положения семейной политики Республики Беларусь будут отражать актуальное состояние, глобальные и региональные тренды, приоритетные направления, механизм реализации, существующие и прогнозируемые риски (угрозы) надлежущей реализации национальной семейной политики.

Список источников

1. Андрияшко М.В. Моделирование структуры концептуальных положений о направлениях семейной политики Республики Беларусь // Кутафинские чтения – Российская правовая система: в поисках национальной идентичности: сб. материалов XXVI Междунар. науч.-практ. конф. Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА) и XXV Междунар. науч.-практ. конф. юрид. ф-та Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, в рамках XIV Моск. юрид. недели. Москва: Ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 225-229. <https://elibrary.ru/ocoocf>
2. Шуняева В.А. Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 611-618. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-611-618>, <https://elibrary.ru/bmcqvq>

3. Колоткина О.А., Ягофарова И.Д. Комплексная безопасность детей – новый вид национальной безопасности в системе стратегического планирования // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 3. С. 450-457. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-450-457>, <https://elibrary.ru/xyohrt>
4. Кузьменко Э.Ю., Ментюкова М.А. К вопросу об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних и структуре преступности (региональный аспект) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 576-586. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-576-586>, <https://elibrary.ru/ybeiao>
5. Воробьева С.В., Кольцов М.И., Абрамова В.И. Теоретико-методологические основы деструктивного поведения несовершеннолетних: анализ динамики и профилактика // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 240-256. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-240-256>, <https://elibrary.ru/kyargw>
6. Абрамова В.И., Каширская Е.М., Ментюкова М.А. Преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и меры профилактики // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 558-568. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-558-568>, <https://elibrary.ru/mibdrq>
7. Завгородняя А.А. Роль правовых стимулов в обеспечении баланса правового регулирования семейных отношений // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 270-278. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-270-278>, <https://elibrary.ru/tudvcr>
8. Залоило М.В. Традиционные ценности, семья и общество в фокусе историко-правовой науки: обзор III Всероссийского форума историков права // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 587-597. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-587-597>, <https://elibrary.ru/pkeueu>
9. Летова Н.В. Традиционные семейные ценности: нравственная основа российского общества и объект защиты государства // Труды института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19. № 5. С. 103-120. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2024-19-5-letova>, <https://elibrary.ru/izfxcj>
10. Алиев Дж.Ф. Трансформация института семьи в России и на постсоветском пространстве: основные тенденции и коллизии // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 8. С. 17-21. <https://elibrary.ru/pwxuca>
11. Егорова Н.Ю., Янак А.Л. Семейная немодальность: понятие, структура, практики // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23. № 3 (152). С. 32-40. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-3-32-40>, <https://elibrary.ru/emhuuj>
12. Румянцев В.В. Семья в системе ценностей современной молодежи // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23. № 3 (152). С. 73-79. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-3-73-79>, <https://elibrary.ru/haibwa>
13. Максимук Е.Г. Механизмы формирования и сохранения семейной памяти // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. 2024. Т. 14. № 3. С. 63-70. <https://doi.org/10.52275/2221-5336-2024-14-3-63-70>, <https://elibrary.ru/htwrte>
14. Абдулаева З.З. Трансформация института семьи в регионах Юга России: факторы, тенденции и специфика // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 4. С. 163-178. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-163-178>, <https://elibrary.ru/grlsgf>
15. Бормотова Т.М. Алкогольная ситуация в молодежной среде: факторы, механизмы анализа и способы управления // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23. № 2 (151). С. 97-103. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-97-103>, <https://elibrary.ru/quixww>
16. Сеница А.Л. Демографическая и семейная политика в современной социальной политике: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка результативности (часть 1) // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 50-59. <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.1.4>, <https://elibrary.ru/tgcjfh>
17. Сеница А.Л. Методологические принципы проведения мониторинга реализации демографической и семейной политик // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 3. С. 4-16. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-3-4-16>, <https://elibrary.ru/svdzjh>
18. Карпова В.М., Ляликова С.В., Антонов А.И. Времени в обрест: факторы, влияющие на заботу о детях, сквозь призму бюджетов времени // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 4. С. 179-191. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-179-191>, <https://elibrary.ru/ftqveq>
19. Вакуленко Е.С., Горский Д.И., Кондратьева В.П., Трофименко И.А. Репродуктивные намерения россиян в 2022–2023 гг.: роль субъективных факторов // Вопросы экономики. 2024. № 9. С. 138-157. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-9-138-157>, <https://elibrary.ru/fxgzdi>

20. Андрияшко М.В. Меры государственной семейной политики по защите семьи в законодательстве Республики Беларусь // Вестник БарГУ. Серия: Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. 2023. № 1 (13). С. 108-114. <https://elibrary.ru/ujudeu>
21. Андрияшко М.В. Правовые средства заботы государства о семье в Республике Беларусь в формах защиты семьи и укрепления брака // Право: история и современность. 2021. № 1 (14). С. 45-53. <https://doi.org/10.17277/pravo.2021.01.pp.045-053>, <https://elibrary.ru/xgjosi>
22. Матросова Е.В., Герасимова Н.П. 2024 год – Год семьи. Новые меры поддержки рождаемости в России // Экономические стратегии. 2024. № 4 (196). С. 114-123. <https://doi.org/10.33917/es-4.196.2024.114-123>, <https://elibrary.ru/msfngf>
23. Чистяков В.В., Ястребова Е.В. Цифровая трансформация пенсионного обеспечения в России // Проблемы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 6. С. 109-115. <https://doi.org/10.33693/2072-3164-2024-17-6-109-115>, <https://elibrary.ru/fmpbjg>
24. Бобков В.Н., Пилюс А.Г., Смирнова Е.А. Базовый доход и пенсионные системы: обзор исследований и контуры преобразований // Российский экономический журнал. 2024. № 4. С. 87-113. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2024_4_87, <https://elibrary.ru/eclhce>
25. Колесник А.И. О некоторых вопросах развития пенсионной системы в современной экономической и социальной обстановке // Социальное и пенсионное право. 2024. № 3. С. 23-26. <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2024-3-23-26>, <https://elibrary.ru/dunnbd>
26. Лапаева А.В. Концептуальные основы пенсионного законодательства на этапе развития советского государства и права (октябрь 1917 – 1945 г.) // Вопросы истории. 2022. № 7-1. С. 126-139. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi16>, <https://elibrary.ru/mxxpea>
27. Лапаева А.В., Мусеева О.В. Законодательство в сфере пенсионного страхования в России до 1917 г.: исторический контекст и перспективы // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024. № 2. С. 41-48. <https://elibrary.ru/poevlu>

References

1. Andriyashka M.V. (2025). Modelling the structure of conceptual provisions on the directions of family policy of the Republic of Belarus. *Sbornik materialov XXVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) i XXV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii yuridicheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova v ramkakh XIV Moskovskoi yuridicheskoi nedeli "Kutafinskie cheniya – Rossiiskaya pravovaya sistema: v poiskakh natsional'noi identichnosti"* = *Proceedings of the 26th International Scientific and Practical Conference of the Kutafin Moscow State Law University and the 25th International Scientific and Practical Conference of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University, within the framework of the 14th Moscow Law Week "Kutafinsky Readings – The Russian Legal System: in Search of National Identity*. Moscow, Kutafin Moscow State Law University, pp. 225-229. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ocoocf>
2. Chunyaeva V.A. (2022). Protection of sexual integrity of minors on the Internet. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 4, pp. 611-618. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-611-618>, <https://elibrary.ru/bmcqvq>
3. Kolotkina O.A., Yagofarova I.D. (2023). Comprehensive child safety is a new type of national security in the strategic planning system. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 3, pp. 450-457. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-450-457>, <https://elibrary.ru/xyohrt>
4. Kuzmenko E.Yu., Mentiukova M.A. (2024). On the issue of peculiarities of juveniles criminal liability and the structure of crime (regional aspect). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 576-586. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-576-586>, <https://elibrary.ru/ybeiao>
5. Vorobyova S.V., Koltsov M.I., Abramova V.I. (2024). Theoretical and methodological foundations of destructive behavior of minors: dynamics analysis and prevention. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 240-256. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-240-256>, <https://elibrary.ru/kyargw>
6. Abramova V.I., Kashirskaya E.M., Mentiukova M.A. (2023). Juvenile delinquency: criminological characteristics and preventive measures. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no 4, pp. 558-568. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-558-568>, <https://elibrary.ru/mibdrq>

7. Zavgorodniaia A.A. (2024). The role of legal incentives in ensuring the balance of legal regulation of family relations. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 270-278. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-270-278>, <https://elibrary.ru/tudvcr>
8. Zaloilo M.V. (2024). Traditional values, family and society in focus of historical and legal science: review of the 3rd All-Russian forum of legal historians. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 587-597. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-587-597>, <https://elibrary.ru/pkeueu>
9. Letova N.V. (2024). Traditional family values: the moral basis of Russian society and the object of protection of the state. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, vol. 19, no. 5, pp. 103-120. (In Russ.) <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2024-19-5-letova>, <https://elibrary.ru/izfxcj>
10. Aliev D.F. (2024). Transformation of the family institution in Russia and the post-Soviet space: main trends and collisions. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, no. 8, pp. 17-21. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pwxuca>
11. Egorova N.Yu., Yanak A.L. (2024). Family non-modality: concept, structure, practices. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya = Social Network politics and sociology*, vol. 23, no. 3 (152), pp. 32-40. (In Russ.) <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-3-32-40>, <https://elibrary.ru/emhuyj>
12. Rummyantsev V.V. (2024). Family in the value system of modern youth. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya = Social Network politics and sociology*, vol. 23, no. 3 (152), pp. 73-79. (In Russ.) <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-3-73-79>, <https://elibrary.ru/haibwa>
13. Maksimuk E.G. (2024). Mechanisms of formation and preservation of family memory. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 5. Ekonomika. Sotsiologiya. Biologiya = Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5. Economics. Sociology. Biology*, vol. 14, no. 3, pp. 63-70. (In Russ.) <https://doi.org/10.52275/2221-5336-2024-14-3-63-70>, <https://elibrary.ru/htwrct>
14. Abdulaeva Z.Z. (2024). Transformation of the institution of family in the regions of the south of Russia: factors, trends and specifics. *Narodonaselenie = Population*, vol. 27, no. 4, pp. 163-178. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-163-178>, <https://elibrary.ru/grlsgf>
15. Bormotova T.M. (2024). Alcohol situation in the youth environment: factors, analysis mechanisms and management methods. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya = Social Network politics and sociology*, vol. 23, no. 2 (151), pp. 97-103. (In Russ.) <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-97-103>, <https://elibrary.ru/quixwv>
16. Sinitsa A.L. (2022). Demographic and family policies as a part of contemporary social policy: theoretical approaches, goals, implementation mechanisms and performance assessment (part 1). *Uroven' zhizni naseleleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, vol. 18, no. 1, pp. 50-59. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/Ispr.2022.18.1.4>, <https://elibrary.ru/tgcjfh>
17. Sinitsa A.L. (2024). Methodological guidelines for monitoring of the implementation of demographic and family policies. *Narodonaselenie = Population*, vol. 27, no. 3, pp. 4-16. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-3-4-16>, <https://elibrary.ru/svdzjh>
18. Karpova V.M., Lyalikova S.V., Antonov A.I. (2024). Pressed for time: factors influencing child care based on time budgets. *Narodonaselenie = Population*, vol. 27, no. 4, pp. 179-191. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-179-191>, <https://elibrary.ru/ftqveq>
19. Vakulenko E.S., Gorskii D.I., Kondrat'eva V.P., Trofimenko I.A. (2024). Reproductive intentions of Russians in 2022-2023: the role of subjective factors. *Voprosy Ekonomiki*, no. 9, pp. 138-157. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-9-138-157>, <https://elibrary.ru/fxgzdi>
20. Andryashka M.V. (2023). Measures of the state family policy for the protection of the family in the legislation of the Republic of Belarus. *Vestnik BarGU. Seriya: Istoricheskie nauki i arkhologiiya. Ekonomicheskie nauki. Yuridicheskie nauki = BARSU Herald. Series: Historical Sciences and Archaeology. Economics. Law*, no. 1 (13), pp. 108-114. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ujudeu>
21. Andryashka M.V. (2021). Legal measures of state care for the family in the Republic of Belarus in the forms of family protection and marriage strengthening. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: history and modernity*, no. 1 (14), pp. 45-53. (In Russ.) <https://doi.org/10.17277/pravo.2021.01.pp.045-053>, <https://elibrary.ru/xgjosi>
22. Matrosova E.V., Gerasimova N.P. (2024). 2024 – Year of the Family. New measures to support the birth rate in Russia. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*, no. 4 (196), pp. 114-123. (In Russ.) <https://doi.org/10.33917/es-4.196.2024.114-123>, <https://elibrary.ru/msfngh>

23. Chistyakov V.V., Yastrebova E.V. (2024). Digital transformation of pension provision in Russia. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, vol. 17, no. 6, pp. 109-115. (In Russ.) <https://doi.org/10.33693/2072-3164-2024-17-6-109-115>, <https://elibrary.ru/fmpbjg>
24. Bobkov V.N., Pilyus A.G., Smirnova E.A. (2024). Basic income and pension systems: research overview and transformation frameworks. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*, no. 4, pp. 87-113. (In Russ.) https://doi.org/10.52210/0130-9757_2024_4_87, <https://elibrary.ru/eclhce>
25. Kolesnik A.P. (2024). On development of the pension system in the contemporary economic and social environment. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, no. 3, pp. 23-26. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2024-3-23-26>, <https://elibrary.ru/dunnbd>
26. Lapaeva A.V. (2022). Conceptual foundations of pension legislation at the stage of development of the Soviet state and law (October 1917-1945). *Voprosy istorii = Questions of History*, no. 7-1, pp. 126-139. (In Russ.) <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi16>, <https://elibrary.ru/mxxpea>
27. Lapaeva A.V., Moiseeva O.V. (2024). Pension insurance legislation in Russia before 1917: historical background and prospects. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Journal of the Belarusian State University. History*, no. 2, pp. 41-48. (In Russ.) <https://elibrary.ru/poevlu>

Поступила в редакцию / Received 22.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 24.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 346.2

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-248-255>

Шифр научной специальности 5.1.3

Правовой статус учредителей (участников) в деле о банкротстве

Сунгатуллина Лилия Азатовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и энергетического права, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Российская Федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, <https://orcid.org/0000-0002-4262-9259>, lilia.sungatullina@mail.ru

Камалетдинова Айгуль Владимировна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры предпринимательского и энергетического права, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Российская Федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 1, vladi-mir-om@yandex.ru

Аннотация

Формирование целостного представления о правах, обязанностях и ответственности учредителей юридического лица в отношении несостоятельности (банкротства) необходимо для понимания правовой природы и особенностей механизма правового регулирования отношений в сфере банкротства, для определения направлений совершенствования соответствующего законодательства. Целью исследования является рассмотрение набора правомочий учредителей (участников) должника и сопоставление их с процедурами, применяемыми в деле о банкротстве. Осуществлен анализ правового положения учредителей (участников) должника при банкротстве, выявляются необходимые ограничения правового статуса, связанные с предупреждением недобросовестного поведения указанных лиц. Прослежена зависимость набора правомочий учредителей должника от целей конкретной процедуры, применяемой в деле о банкротстве. Затрагивается вопрос привлечения учредителей (участников) к субсидиарной ответственности как контролирующих лиц должника. В качестве методов исследования использованы методы анализа и синтеза, правового моделирования, юридико-технический метод, метод сравнительного правоведения. Сделан вывод о связи моделей корпоративного управления и правового статуса должника. Рассмотрены особенности дифференциации статуса учредителей при проведении отдельных процедур банкротства. Обоснована необходимость изменения законодательства о банкротстве в части ужесточения ответственности учредителей (участников) должника в связи с злоупотреблением ими своими правами.

Ключевые слова

дело о банкротстве, учредители (участники), правовой статус, правомочие, юридическая ответственность, злоупотребление правом

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

Л.А. Сунгатуллина – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы. А.В. Камалетдинова – сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Сунгатуллина Л.А., Камалетдинова А.В. Правовой статус учредителей (участников) в деле о банкротстве // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 248-255. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-248-255>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-248-255>

OECD 5.05; ASJC 3308

The legal status of the founders (participants) in the bankruptcy case

Lilia A. Sungatullina,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Business and Energy Law, Kazan Federal University, 18 Kremlyovskaya St., Kazan, 420008, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4262-9259>, lilia.sungatullina@mail.ru

Aigul V. Kamaletdinova,

Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer at the Department of Business and Energy Law, Kazan Federal University, 18 Kremlyovskaya St., Kazan, 420008, Russian Federation, vladi-mir-om@yandex.ru

Abstract

The formation of a holistic view of the rights, duties and responsibilities of the founders of a legal entity in insolvency (bankruptcy) relations is necessary to understand the legal nature and features of the mechanism of legal regulation of relations in the field of bankruptcy, to identify areas for improving relevant legislation. The purpose of the study is to examine the set of powers of the debtor's founders (participants) and compare them with the procedures used in bankruptcy proceedings. The analysis of the legal standing of the founders/members of the debtor company in bankruptcy proceedings is conducted. The necessary limitations on their legal standing in order to prevent unfair behavior are identified. The relationship between the set of powers of the founder/member and the goals of the particular bankruptcy process is explored. The issue of holding the founders/members liable for subsidiary liability as controlling parties of the debtor is addressed. The research methods employed include analysis, synthesis, legal modeling, legal-technical analysis, and comparative law. A conclusion is drawn regarding the connection between corporate governance models and the legal standing of a debtor entity. The peculiarities of differentiation of the status of founders during separate bankruptcy procedures are considered. The necessity of changing the bankruptcy legislation in terms of toughening the responsibility of the founders (participants) of the debtor in connection with their abuse of their rights is substantiated.

Keywords

bankruptcy case, founders (participants), legal status, legal power, legal liability, abuse of right

Funding

This research received no external funding.

Authors' contribution

L.A. Sungatullina – concept development, collection and processing of normative materials, selection of literature. A.V. Kamaletdinova – collection and processing of normative materials, selection of literature, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Sungatullina, L.A., & Kamaletdinova, A.V. (2025). The legal status of the founders (participants) in the bankruptcy case. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 248-255. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-248-255>

Введение

Учредители играют весомую роль в хозяйственной жизни любого юридического лица, начиная с момента создания и заканчивая ликвидацией. Решение о создании хозяйственного общества, одобрение крупных сделок, участие в собраниях, назначение руководителя общества – все эти решения относятся к компетенции учредителей (участников). Корпоративные права участников можно дифференцировать на две группы отношений: отношения между обществом и его участниками и между самими участниками общества. Содержание отношений между участниками общества состоит в осуществлении учредителями имущественных, неимущественных и преимущественных прав [1, с. 185].

Очевидно, что происходит взаимное влияние участников общества на него самого, и, наоборот, воздействие общества – на его участников. Причем налицо функциональная зависимость правового положения юридического лица от его экономических характеристик [2, с. 74-75]. Это естественное явление, несмотря на то, что смысл и значение правовой конструкции юридического лица состоит в отграничении имущества организации от его учредителей. Учредители принимают значимые для юридического лица решения, а юридическое лицо отдает прибыль учредителям. В целом это оправдывает цели создания юридического лица коммерческого типа и ведения бизнеса. Однако иная ситуация возникает при появлении признаков несостоятельности (банкротства) юридического лица и введении процедур, применяемых в деле о банкротстве. Правовой статус учредителей (участников) в банкротстве подвергается существенным изменениям и обладает рядом процессуальных и материально-правовых особенностей.

Результаты исследования

Начнем с рассмотрения процессуальных прав учредителя (участника) в деле о банкротстве. Учредители юридического лица не являются участниками дела о банкротстве и могут выступать только в качестве участников арбитражного процесса. Согласно пункту 1 статьи 35 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октяб-

ря 2002 г. №127-ФЗ¹ (далее – Закон о банкротстве), в деле о банкротстве участвует только представитель учредителей должника. Следовательно, учредители не наделяются процессуальными правами, а присутствует лишь представитель всех участников. Данная правовая позиция законодателя объясняется необходимостью внести единообразие в мнение учредителей и участников общества². Цель предотвратить несогласованность мнений значительного количества участников должника вполне оправдана, поскольку предоставление процессуальных прав каждому учредителю может привести к существенному затягиванию принятия решений собранием кредиторов.

Судя по всему, по логике законодателя, сама необходимость выбора представителя учредителей необходима лишь для предотвращения корпоративного конфликта между учредителями (участниками). Если организация-должник имеет единственного участника, то и ситуация складывается совершенно по-другому. В частности, единственный участник наделяется правомочием лица, участвующего в арбитражном процессе, и ему предоставляются права и обязанности представителя участников должника, что подтверждается материалами судебной практики³.

В пункте 4 статьи 35 Закона о банкротстве перечисляются права лиц, участвующих в процессе по делу о банкротстве. При этом набор правомочий учредителей (участников) должника может меняться в зависимости от процедуры, применяемой в деле о банкротстве. Например, при конкурсном производстве представитель учредителей (участников) должника наделяется правами лиц, уча-

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Российская газета. 2022. № 209-210.

² Постановление Президиума ВАС РФ от 18 февраля 2014 г. № 8457/13 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 8.

³ Определение Арбитражного суда Рязанской области от 24 мая 2019 г. по делу № А54-2812/2016 // Гарант: справ.-правовая система. URL: <https://aocs.garant.ru/#/document/364220365/paragraph/1:0> (дата обращения: 01.03.2025); Определение Арбитражного суда Забайкальского края от 17 июня 2020 г. по делу № А78-14626/2019 // Гарант: справ.-правовая система. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/98965543/paragraph/18/doclist/2662/1/0/0:1> (дата обращения: 01.03.2025).

ствующих в деле о банкротстве. В соответствии же со статьей 20.4 и 60 Закона о банкротстве указанные лица вправе обжаловать решения арбитражного управляющего, а также требовать его отстранения. Примерами реализации данного правомочия может служить обжалование бездействия конкурсного управляющего в случае, если он принял решение не увольнять сотрудников должника. Причем в ряде случаев суды принимали решение о правомерности сохранения рабочих мест⁴.

Следует отметить, что Закон о банкротстве предусматривает как право, так и обязанность должника подать заявление о признании себя банкротом. Согласно пункту 1 статьи 37 вышеназванного закона заявление должно быть подписано руководителем должника или лицом, уполномоченным на совершение данных действий. В связи с этим возникает вопрос: может ли данным лицом быть учредитель должника? И более того, учредители в соответствии со статьей 61.12 Закона о банкротстве могут быть привлечены к субсидиарной ответственности за неподачу заявления должника как контролирующие должника лица.

Получается, что объем правомочий учредителей (участников) должника зависит от процедуры, применяемой в деле о банкротстве. Например, анализ статьи 63 Закона о банкротстве свидетельствует о том, что объем правомочий учредителей (участников) может быть ограничен целью процедуры наблюдения – обеспечением сохранности имущества должника. В соответствии же с пунктом 3 статьи 64 Закона о банкротстве указанная цель выступает в качестве правового ограничения при принятии решений органов управления должника. Эти правовые ограничения выступают сдерживающим фактором и не позволяют учредителям (участникам) «покинуть тонущий корабль», присвоив себе долю в обществе. Кроме того,

⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 января 2020 г. № Ф07-13604/19 // Гарант: справ.-правовая система. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/41318755/paragraph/1:0> (дата обращения: 01.03.2025); Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27 декабря 2019 г. № Ф09-9165/19 // Гарант: справ.-правовая система. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/38818789/paragraph/1:0> (дата обращения: 01.03.2025).

недопустимо привилегированное положение перед кредиторами должника, которое создается бы при выплате дивидендов участникам общества. Вдобавок отсутствует единый стандарт добросовестности, осмотрительности и разумности участников оборота при совершении крупных сделок [3, с. 98].

В соответствии с пунктом 2 статьи 64 Закона о банкротстве, органы управления должника в процедуре наблюдения вправе совершать ряд сделок (например, крупные сделки – свыше 5 % балансовой стоимости активов должника, сделки, связанные с получением займов, выдачей поручительств, гарантий и т. д.), только с письменного согласия временного управляющего. Между тем общий порядок одобрения сделки, утвержденный законодательством или учредительными документами общества, предполагает согласие общего собрания участников. Поэтому вполне уместным является распространение данного правила и на процедуру наблюдения.

В то же время процедура наблюдения позволяет учредителям (участникам) должника получить права уполномоченного органа. В частности, статья 71.1 Закона о банкротстве предусматривает возможность для учредителей (участников) должника погасить задолженность по обязательным платежам, произвести замену кредитора в реестре (с аналогичным правовым статусом) и т. д. Однако стоит отметить, что указанная норма может привести к злоупотреблению правом со стороны недобросовестных учредителей (участников) общества. Причем, как справедливо отмечается в научной литературе, существенный инструментальный для злоупотребления правом имеется также у арбитражных управляющих [4, с. 384] и кредиторов [5, с. 77]. Приобретение же учредителями (участниками) правомочий уполномоченного органа в деле о банкротстве предоставляет им право голоса на собраниях кредиторов, право выбора применяемой процедуры, что, по нашему мнению, противоречит здравому смыслу, учитывая аффилированное положение участников (учредителей) должника.

Особый интерес вызывает решение о созыве первого собрания кредиторов должника, в котором учредители (участники) долж-

ника вправе принять участие через своего представителя без права голоса. Причем руководитель должника обязан предложить учредителям (участникам) должника провести общее собрание в десятидневный срок с момента вынесения определения о введении наблюдения. Важно понимать, что, если эта обязанность не выполнена, руководителя можно отстранить от должности в процедуре наблюдения. Соответственно, учредители (участники) могут заявить ходатайство перед первым собранием кредиторов о введении финансового оздоровления должника.

Вместе с тем пункт 3 статьи 77 Закона о банкротстве позволяет учредителям (участникам) должника предоставить обеспечение исполнения должником обязательств согласно графику погашения задолженности в установленном порядке и в размере, или организовать предоставление такого обеспечения. В данном случае график погашения задолженности и план финансового оздоровления передается собранию кредиторов непосредственно учредителями (участниками) должника. Поэтому считаем, что введение финансового оздоровления целесообразно только при необходимом обеспечении, гарантиях исполнения обязательств и надлежащей оценке стоимости имущества должника [6, с. 44]. В качестве указанных гарантий могут выступать залог (ипотека), независимая гарантия, поручительство и т. д.

Между тем приходится признать, что у учредителя имеется и материальный интерес в деле о банкротстве. Чаще всего к указанным интересам относятся прекращение производства по делу и сохранение имущественного комплекса должника. Кроме того, возможным интересом может быть недопущение оспаривания сделок, совершенных должником в преддверии банкротства, привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности [7, с. 127]. Однако для учредителей (участников) должника указанные ситуации предполагают риск, риск потери собственного имущества, составляющего обеспечение. Поэтому нежелание идти на подобные риски и объясняет (наряду с иными факторами) крайне редкое введение процедуры финансового оздоровления.

Одним из существенных правовых последствий введения внешнего управления как процедуры банкротства считается то, что прекращаются полномочия органов управления должника, переходя к внешнему управляющему. При этом часть полномочий за органами управления (а значит за общим собранием участников общества в том числе) все же остается. Так, например, за органами управления должника остаются правомочия по принятию решений об обращении с ходатайством о продаже предприятия должника, о замещении активов должника, об избрании представителя учредителей (участников) должника и ряд других.

Защита прав кредиторов в деле о банкротстве может осуществляться посредством ограничения прав учредителей (участников) должника на получение имущества должника. Кредиторы должника получают приоритет в распределении имущества, что представляется вполне логичным. Несмотря на это, законодатель не исключает возможности для учредителей (участников) должника получить часть имущества. Например, данное право возникает на непроданное имущество должника в случае отказа от его принятия кредиторами, а также на то имущество, которое осталось после завершения расчетов с кредиторами.

В то же время достаточно большое количество особых правомочий учредителей (участников) должника содержится в положениях о заключении мирового соглашения, которое позволяет не только разрешить конфликт с правовой точки зрения, но и способствует становлению и развитию партнерских связей между сторонами спора [8, с. 415]. Так, в процедурах наблюдения и финансового оздоровления решение о заключении мирового соглашения, как правило, принимает непосредственно руководитель должника, а в процедурах внешнего управления и конкурсного производства – внешний и конкурсный управляющий. Причем в любом мировом соглашении независимо от стадии банкротства имеется требование о принятии соответствующего решения органами управления должника или, наоборот, органы управления должника согласовывают данное решение. Получается, что заключить мировое соглашение, а равно получить

согласие на его заключение от органов должника без принятия соответствующего решения невозможно.

Следовательно, если в соответствии с законодательством или учредительными документами мировое соглашение для должника является сделкой, требующей решения или одобрения органов управления (например, общим собранием участников), то учредители (участники) данное право сохраняют даже в таких процедурах, как внешнее управление и конкурсное производство.

В целом, несмотря на достаточно серьезные ограничения правомочий учредителей (участников) должника, закон о банкротстве предоставляет им значительные правомочия, часть из которых при недобросовестном поведении может привести к злоупотреблению правом, а в ряде случаев – иметь ключевое значение для юридической судьбы должника. Поэтому в целях баланса прав и законных интересов представляется закономерным установить ответственность учредителей (участников) при банкротстве должника. Указанное обстоятельство представляется необходимым условием с позиции учения о методах правового регулирования [9].

В частности, речь идет о привлечении учредителей (участников) должника к субсидиарной ответственности как контролирующих должника лиц. Во многих случаях учредители (участники) имеют право давать обязательные для организации указания и иным образом определять действия должника. Например, при принятии решений такие лица могут не учитывать принцип добросовестности и разумности, могут одобрить сделки на невыгодных для должника усло-

виях, или одобрить сделку с неподобающим субъектом, дать указание на совершение убыточной операции, назначить на руководящие должности лиц без необходимой квалификации и навыков и т. д. Следовательно, указанные лица должны нести субсидиарную ответственность по обязательствам должника в случае невозможности полного погашения требований кредиторов. Кроме того, как было сказано ранее, в определенных случаях возможно привлечение к субсидиарной ответственности за неподачу заявления о банкротстве.

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить попытку законодателя сбалансировать интересы добросовестных учредителей (участников) должника и защиту прав кредиторов в деле о банкротстве. В целом, набор правомочий учредителей (участников) видоизменяется в зависимости от стадии и целей процедур, применяемых в деле о банкротстве. При этом для недобросовестных учредителей (участников), несмотря на введение ряда законодательных ограничений, остается немало возможностей для злоупотребления своими правами. Это может влиять на эффективность экономического правосудия – в последнее время эта тема все чаще поднимается специалистами [10]. Следовательно, необходимо подробнее исследовать вопросы привлечения к ответственности учредителей (участников) должника при банкротстве. Можно и нужно говорить о целесообразности корректировки законодательства о банкротстве в части введения более эффективной модели привлечения к ответственности учредителей (участников) должника.

Список источников

1. *Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В.* Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практическое пособие с судебным комментарием. Москва: Юстицинформ, 2021. 356 с. <https://elibrary.ru/hxxapi>
2. *Ефимов А.В.* Экономическая деятельность и правовое положение юридических лиц // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 72-95. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.3.72.95>, <https://elibrary.ru/lvglek>
3. *Сасыкин К.Ю.* Спорные вопросы оспаривания сделок должника по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 94-105. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-94-106>, <https://elibrary.ru/bgnyxi>

4. Сасыкин К.Ю. Проблематика заинтересованности арбитражных управляющих в делах о банкротстве. Взгляд кредитора // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3. С. 381-393. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-381-393>, <https://elibrary.ru/iljsob>
5. Ерошкина С.А. Динамика и асимметрия информационных прав кредиторов в предпринимательской сфере // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 1. С. 77-90. <https://doi.org/10.24412/2072-4098-2025-1280-77-90>, <https://elibrary.ru/hzlrif>
6. Федосов Ю.В., Коляденко Т.С. Практические аспекты оценки в рамках дел о банкротстве // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 2. С. 44-53. <https://elibrary.ru/ijusnx>
7. Петров Д.А. Проблемы исполнения обязательств должника-банкрота третьим лицом или учредителем // Арбитражные споры. 2018. № 4. С. 126-136. <https://elibrary.ru/ywhxxn>
8. Гасанова Д.П. Участие и роль суда в применении сторон в арбитражном процессе // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3. С. 413-422. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-413-422>, <https://elibrary.ru/zrgtvo>
9. Михайлов А.В. Особенности методов правового регулирования в предпринимательском праве // Предпринимательское право. 2023. № 4. С. 2-9. <https://doi.org/10.18572/1999-4788-2023-4-2-9>, <https://elibrary.ru/gxjoqo>
10. Кочетков А.В. Эффективность экономического правосудия и критерии ее оценки // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 435-442. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-435-442>, <https://elibrary.ru/ggdyeu>

References

1. Abramov V.Yu., Abramov Yu.V. (2021). *Corporate Law: Rights and Obligations of Participants in Business Companies: a Practical Guide with Judicial Commentary*. Moscow, LLC Yustitsinform, 356 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hxxapi>
2. Efimov A.V. (2022). Economic activities and status of legal entities. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 3, pp. 72-95. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.3.72.95>, <https://elibrary.ru/lvglek>
3. Sasykin K.Yu. (2024). Disputable issues of challenging the debtor's transactions under paragraph 2 of Article 61.2 of the bankruptcy law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 94-105. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-94-106>, <https://elibrary.ru/bgnyxi>
4. Sasykin K.Yu. (2022). The problem of the interest of arbitration managers in bankruptcy cases. Lender's view. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 3, pp. 381-393. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-381-393>, <https://elibrary.ru/iljsob>
5. Eroshkina S.A. (2025). Dynamics and asymmetry of information rights of creditors in the business sphere. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*, no. 1, pp. 77-90. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2072-4098-2025-1280-77-90>, <https://elibrary.ru/hzlrif>
6. Fedosov Yu.V., Kolyadenko T.S. (2025). Practical aspects of assessment in bankruptcy cases. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*, no. 2, pp. 44-53. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ijusnx>
7. Petrov D.A. (2018). Problems of fulfillment of obligations of a bankrupt debtor by a third party or founder. *Arbitrazhnye spory = Arbitration Disputes*, no. 4, pp. 126-136. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ywhxxn>
8. Gasanova D.P. (2022). Participation and role of the court in conciliation of the parties in arbitration proceedings. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 3, pp. 413-422. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-413-422>, <https://elibrary.ru/zrgtvo>
9. Mikhaylov A.V. (2023). Special features of legal regulation methods in entrepreneurial law. *Predprinimatel'skoe pravo = Business Law*, no. 4, pp. 2-9. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1999-4788-2023-4-2-9>, <https://elibrary.ru/gxjoqo>
10. Kochetkov A.V. (2024). The effectiveness of economic justice and its evaluation criteria. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 435-442. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-435-442>, <https://elibrary.ru/ggdyeu>

Для контактов:

Сунгатуллина Лилия Азатовна, e-mail: lilia.sungatullina@mail.ru

Corresponding author:

Sungatullina L.A., e-mail: lilia.sungatullina@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 05.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 15.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.91

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-256-264>

Шифр научной специальности 5.1.3

Вопросы подведомственности споров в сфере инвестиционного арбитража

Гавриленко Владимир Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Российская Федерация, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 149; доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического факультета, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого», Российская Федерация, 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, <https://orcid.org/0000-0002-7357-3526>, gv22@mail.ru

Гавкалюк Анна Богдановна,

исследователь научно-учебной лаборатории международного правосудия, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 109028, г. Москва, Покровский б-р, 11, <https://orcid.org/0009-0005-6908-020X>, annetjnn@gmail.com

Аннотация

Инвестиционный арбитраж является отдельной отраслью коммерческого арбитража, предназначенной для урегулирования споров по правоотношениям в области инвестиций и инвестирования. Как правило, стороны указанных споров принадлежат различным государствам и разным правовым системам. Следовательно, инвестиционные споры, в большинстве случаев, являются предметом разбирательства в рамках международного, а не национального коммерческого арбитража. Цель исследования – проанализировать вопросы подведомственности споров субъектов экономического оборота третейским судам в сфере инвестиционного арбитража и компетенции арбитражных учреждений на рассмотрение указанных типов споров. Третейское разбирательство вышеуказанных споров имеет свои оригинальные особенности, позволяющие утверждать об отраслевом характере инвестиционного арбитража. Институт коммерческого арбитража, как средство урегулирования инвестиционных споров также достаточно развит и востребован в мировой юридической и экономической системах. Инвестиционная деятельность субъектов предпринимательской деятельности распространена в современной экономике и требует наличия разных способов урегулирования возможных споров и конфликтов. В настоящей публикации исследуются юридические вопросы арбитрабельности споров, в общем, и определенных видов споров в сфере инвестиционных правоотношений, в частности. Сделаны выводы об основных достоинствах и недостатках правового регулирования института инвестиционного арбитража в современном праве.

Ключевые слова

коммерческий арбитраж, инвестиционный арбитраж, арбитражное разбирательство споров, третейский суд, подведомственность, арбитрабельность споров, компетенция

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

В.А. Гавриленко – поиск и анализ научной литературы, анализ нормативных документов, написание черновика рукописи, оформление рукописи статьи в соответствии с требованиями редакции. А.Б. Гавкалюк – идея исследования, разработка методологии, анализ нормативно-правовой литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Гавриленко В.А., Гавкалюк А.Б. Вопросы подведомственности споров в сфере инвестиционного арбитража // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 256-264. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-256-264>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-256-264>

OECD 5.05; ASJC 3308

Matters of jurisdiction of disputes in the sphere of investment arbitration

Vladimir A. Gavrilenko,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, Saint-Petersburg University State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, 149 Moskovsky Ave., St. Petersburg, 196105, Russian Federation; Associate Professor of Civil Law and Process Department, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7357-3526>, gv22@mail.ru

Anna B. Gavkalyuk,

Researcher at the Scientific and Educational Laboratory of International Justice, National Research University Higher School of Economics, 11 Pokrovsky Blvd St., Moscow, 109028, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0005-6908-020X>, annetjnn@gmail.com

Abstract

Investment arbitration is a separate branch of commercial arbitration designed to settle disputes on legal relations in the field of investment and investment. As a rule, the parties to these disputes belong to different states and different legal systems. Consequently, investment disputes, in most cases, are subject to international rather than national commercial arbitration. The purpose of the study is to analyze the matters of jurisdiction of disputes of economic turnover subjects to arbitration courts in the sphere of investment arbitration and the competence of arbitration institutions to consider these types of disputes. Arbitration of the aforementioned disputes has its original peculiarities that allow to assert the sectoral nature of investment arbitration. The institute of commercial arbitration as a means of settlement of investment disputes is also quite developed and demanded in the world legal and economic systems. Investment activity of business entities is widespread in the modern economy and requires different ways of settling possible disputes and conflicts. This publication studies legal issues of arbitrability of disputes, in general, and certain types of disputes in the sphere of investment legal relations, in particular. Conclusions are made about the main advantages and disadvantages of legal regulation of the institute of investment arbitration in modern law.

Keywords

commercial arbitration, investment arbitration, arbitration of disputes, arbitral tribunal, jurisdiction, arbitrability of disputes, competence

Funding

This research received no external funding.

Authors' contribution

V.A. Gavrilenko – scientific literature research and analysis, normative documents analysis, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements. A.B. Gavkalyuk –

research idea, methodology development, regulatory and legal literature analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Gavrilenko, V.A., & Gavkalyuk, A.B. (2025). Matters of jurisdiction of disputes in the sphere of investment arbitration. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 256-264. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-256-264>

Введение

Настоящая статья продолжает серию публикаций, исследующих институт коммерческого арбитража. Основные постулаты в сфере коммерческого арбитража, такие как определение арбитража и термины [1, с. 119], содержание подведомственности и арбитрабельности споров [2, с. 630, 631], сходство и различие указанных понятий [3, с. 304, 305], вопросы исключительной подведомственности государственной юстиции [4, с. 129] и арбитрабельности публично-правовых отношений [5, с. 19] были подробно изучены и проанализированы в предыдущих номерах настоящего журнала.

Авторы планируют рассмотреть область инвестиционного арбитража, который является в своей сущности отраслевым арбитражем в сфере инвестиционных правоотношений. Указанный вид арбитража представляет собой урегулирование различных споров между государствами и иностранными инвесторами. Государство, принимающее иностранные инвестиции, представляет собой специфического ответчика в указанных правоотношениях.

Возможно разбирательство всей совокупности арбитрабельных споров, в том числе и достаточно редких, связанных с экспроприацией иностранных инвестиций государствами. «Поскольку речь идет об ответственности государства, то здесь проявляется общая характерная черта участия государства в определенной деятельности, когда в результате действий или бездействия конкретного государственного органа обязанности и ответственность возникают у государства в целом, в том числе обращение в итоге взыскания на имущество государства» [6, с. 10].

Отметим, что система инвестиционного арбитража защищает права иностранных ин-

весторов. Общепринятые принципы независимости и беспристрастности, а также нейтральность арбитражных учреждений обусловливает доверие процедуре арбитражного разбирательства спора со стороны всех сторон спора как инвестора, так и государства.

Напомним, что «арбитражное разбирательство споров можно разделить на международный коммерческий арбитраж, разбирающий споры между субъектами, принадлежащими к разным правовым системам, и «внутренний» арбитраж, разбирающий споры субъектов внутри государства» [7, с. 34]. Инвестиционный арбитраж возможно считать одним из видов международного коммерческого арбитража, стороны которого в лице уполномоченных органов априори принадлежат к различным правовым системам.

Результаты исследования

Международное законодательство и правоприменение. В настоящее время инвестиционный арбитраж регулируется многосторонними (МІТ) и двусторонними (ВІТ) соглашениями о защите иностранных инвестиций и инвесторов. Распространенная практика, когда государства заключают двусторонний договор о защите инвестиций. Вышеуказанные договоры, как правило, предусматривают использование арбитражных соглашений или оговорок. «Россия – сторона ряда двусторонних договоров о поощрении и взаимной защите инвестиций, содержащих положения об арбитражном порядке рассмотрения споров» [8, с. 171].

Основным международно-правовым документом, регулирующим вопросы инвестиционного арбитража, является *Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств (Convention on the Settlement of Investment Disputes Between States and Na-*

tionals of Other States), разработанная и принятая в Вашингтоне 18 марта 1965 г., вступившая в силу 14 октября 1966 г.¹ (далее – Вашингтонская конвенция).

Подписали настоящую Конвенцию 165 государств, из них 158 ратифицировали². В 1992 г. Российская Федерация подписала Вашингтонскую конвенцию. Но до настоящего времени она не была ратифицирована в установленном порядке.

Венесуэла и Боливия ранее подписали Конвенцию, но в 2012 г. вышли из нее³. Эквадор вышел из Конвенции в 2009 г., но вернулся в нее в 2021 г.⁴

Настоящая Конвенция подробно рассматривалась в отечественной правовой публицистике [9].

Вашингтонская конвенция учредила Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (*International Centre for Settlement of Investment Disputes*), штаб-квартира которого находится в Вашингтоне (далее – ICSID)⁵.

ICSID – это ведущий международный третейский суд, рассматривающий инвестиционные споры между государствами и субъектами экономического оборота (как физическими, так и юридическими лицами).

ICSID приравнивается к статусу международной организации и обладает соответствующими международными иммунитетами [9, с. 168].

Подведомственность споров определяется статьей 25 Вашингтонской конвенции. Данные споры касаются инвестиционных экономических отношений между государ-

ствами – участниками Конвенции и субъектами экономических отношений (физическими или юридическими лицами), принадлежащими к правовой системе другого государства, участвующего в Конвенции. Также прописано общепринятое правило о заключении арбитражного соглашения, которое обязательно должно иметь письменную форму. Отказ от заключенного арбитражного соглашения в одностороннем порядке не допускается.

Следует указать, что страны, не участвующие в Вашингтонской конвенции, могут использовать механизмы урегулирования споров в рамках ICSID, если инвестор принадлежит к государству, подписавшему конвенцию.

В указанном случае применяются дополнительные регламенты ICSID (*Additional Facility Rules*)⁶.

«Конвенция исключает обращение за разрешением споров в национальные суды сторон и ссылки на государственный иммунитет. Решение, вынесенное в рамках ICSID, является окончательным и подлежит признанию и приведению в исполнение компетентным органом государства – участника Вашингтонской конвенции» [10, с. 49].

Отметим, что статья 27 (1) Вашингтонской конвенции приравнивает юридическую силу третейского решения ICSID к окончательному решению судов государств-участников. Исполнительная система обязана подчиниться решению ICSID.

Представляют интерес мнения представителей научного сообщества об инвестиционном арбитраже и целесообразности для Российской Федерации ратификации Вашингтонской конвенции.

Начнем с критических оценок. Может показаться, что Вашингтонская конвенция предусматривает привилегии инвесторам в отношении с государствами реципиентами.

«Такое положение дел приводит к кризису легитимности системы инвестиционного арбитража» [11].

«Российской Федерации следует отказаться от ратификации, подписанной в 1994 г.

¹ ICSID Convention. Regulations and rules. URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/ICSID_Convention_EN.pdf (accessed: 05.12.2024).

² ICSID Convention. Regulations and rules. URL: <https://icsid.worldbank.org/rules-regulations/convention> (accessed: 05.12.2024).

³ Venezuela denounces the ICSID Convention. URL: <https://web.archive.org/web/20120606073513/http://www.nortonrose.com/knowledge/publications/62427/venezuela-denounces-the-icsid-convention> (accessed: 05.12.2024).

⁴ Ecuador Re-Ratifies The ICSID Convention: Impact Of The Ratification In Ecuador And In The Region. URL: <https://www.clearygartlieb.com/-/media/files/alert-memos-2021/ecuador-re-ratifies-the-icsid-convention.pdf> (accessed: 05.12.2024).

⁵ Официальный сайт ICSID. URL: <https://icsid.worldbank.org> (дата обращения: 05.12.2024).

⁶ ICSID Additional Facility. URL: <https://icsid.worldbank.org/rules-regulations/additional-facility> (accessed: 05.12.2024).

Вашингтонской конвенции 1965 г., поскольку Россия выступает преимущественно в качестве государства, принимающего иностранные инвестиции, в то время как положения Вашингтонской конвенции направлены на защиту интересов государств – экспортеров капитала» [12].

«Их заседания секретны. Как правило, их имена неизвестны. Решения, которые они принимают, не подлежат обязательной публикации. Способ же, которым группа международных трибуналов разрешает споры между инвесторами и государствами, приводит к отмене национальных законов, оспариванию решений национальных судов и изменению норм по охране окружающей среды» [13].

Имеются и более комплиментарные оценки института.

«На сегодняшний день, несмотря на наличие существенных недостатков инвестиционного арбитража, у него нет реальной альтернативы. Возможно, поэтому Российская Федерация в рамках своей работы в ЮНСИТРАЛ последовательно выступает за сохранение инвестарбитража в его современном виде» [14].

В настоящее время действует рабочая группа UNCITRAL (Комиссия ООН по праву международной торговли), призванная усовершенствовать процедуру урегулирования инвестиционных споров, которой в ноябре 2018 г. был сформирован и принят подробный отчет об основных проблемах и возможных способах их решения (A/CN.9/WG.III/ WP.149)⁷.

Согласимся, что нет необходимости разрушать сформировавшуюся, проверенную временем систему международного инвестиционного арбитража, но имеет смысл ее реформировать для устранения недостатков. Представителям Российской Федерации целесообразно участвовать в данном процессе. Что касается ратификации Вашингтонской конвенции нашей страной, то, на наш взгляд, данная ратификация возможна, если при вышеуказанном реформировании

⁷ Возможная работа по реформированию системы урегулирования споров между инвесторами и государствами (УСИГ). URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/v18/064/98/pdf/v1806498.pdf> (дата обращения: 05.12.2024).

будут учтены права и интересы Российской Федерации.

Национальное законодательство и правоприменение. Отметим, что специализированный инвестиционный арбитраж «во многом строился в соответствии с моделью коммерческого арбитража» [15, с. 372]. Следовательно, основные принципы институтов инвестиционного и международного коммерческого арбитража во многом тождественны. Разбирательство инвестиционных споров возможно в международных постоянно действующих арбитражных учреждениях (например, МКАС, LCIA, SCC), практикующих в соответствии с международным и национальным законодательством.

Далее кратко рассмотрим вопросы локализации и делокализации.

Делокализация арбитража, в том числе инвестиционного играет важную роль в защите прав и интересов инвесторов, особенно против государства и государственных органов, с которыми может быть сложным урегулирование спора в рамках правовой системы того же государства.

Локализация инвестиционного арбитража так или иначе привязывает стороны спора к определенной правовой системе. С другой стороны, позволяет достигнуть эффективного арбитража и государственной юстиции, что будет способствовать доверию иностранных инвесторов к правовой системе государства.

С другой стороны, имеется проблема касательно решений инвестиционных арбитражей, вынесенных не по правилам Вашингтонской конвенции. Представляется, что «государственный суд по месту арбитража (англ.: legal seat of arbitration) может отменить это решение по основаниям, содержащимся в национальном законодательстве данного государства об арбитраже» [16, с. 108].

В соответствии с принципом диспозитивности стороны спора могут использовать как специализированный международный инвестиционный арбитраж (в отношении государств ратифицировавших Вашингтонскую конвенцию), так и обычный международный коммерческий арбитраж (в соответствии с национальным и международным законодательством).

В нашей стране международный коммерческий арбитраж Законом Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»⁸, разработанном на основе Типового закона UNCITRAL «О международном коммерческом арбитраже» 1985 г.

Согласно параграфу 3 статьи 1 настоящего Закона споры в рамках международных экономических отношений, когда стороны принадлежат к разным юрисдикциям, относятся к международному коммерческому арбитражу.

Как видим, подведомственность инвестиционных споров прямо и четко прописана.

В РФ действует Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате РФ (далее – МКАС).

Документом, регламентирующим деятельность МКАС при ТПП РФ, помимо действующего законодательства, является его Регламент⁹.

Согласимся, что «МКАС при ТПП РФ по профессиональному уровню своей работы не уступает ведущим международным арбитражным организациям» [16, с. 57].

Мы видим, что МКАС является классическим международным арбитражем, рассматривающим споры субъектов экономической деятельности, принадлежащим к различным правовым системам, в том числе и инвестиционные.

Далее обратим внимание на законодательство зарубежных стран. Согласимся, что «зарубежное законодательство изобилует правилами, выработанными многовековой практикой судов» [17, с. 43], потому важно изучать данный опыт.

В России имеет место дуализм правового регулирования, когда международный коммерческий арбитраж и «внутренний» арбитраж регулируется различными правовыми актами. Более распространенная практика, когда все виды арбитража регулируются единым правовым актом. Кроме того, воз-

можен «смешанный» вариант, когда действует единый правовой акт, но вопросы международного арбитража регулируются отдельными положениями.

Рассмотрим право Италии, где «внутренний» и международный арбитраж регулируется единым правовым актом – Гражданский процессуальный кодекс Италии, Книга 4, Раздел 8 Арбитраж, утвержденный Декретом № 1443 от 28 октября 1940 г. В документ вносились изменения Декретом № 40 от 2 февраля 2006 г.¹⁰ В статье 806 настоящего кодекса имеется очень общая формулировка об арбитрабельности споров. Предметом арбитражного разбирательства могут быть любые споры, кроме запрещенных законом к третейскому разбирательству. Отсутствует запрет на арбитражное рассмотрение инвестиционных споров. Но существует запрет «возможности арбитража в рассмотрении споров относительно правоотношений, возникающих из договора концессии» [18, р. 8].

В Швеции законодательно определено отличие международного и «внутреннего» арбитража, но принят один закон «Об арбитраже» № SFS 1999:116, вступивший в силу 1 апреля 1999 г.¹¹ (небольшие изменения вступили в силу 1 марта 2019 г.), который является единым правовым актом для всех видов арбитража. Но вопросы международного арбитража (статьи 46-51), а также признания исполнения международных арбитражных решений (статьи 52-60) прописаны в отдельном блоке в окончании настоящего Закона.

Вопросы подведомственности споров арбитражному разбирательству в настоящем Законе не указаны, что следует толковать как вышеупомянутый принцип, что разрешено все, что не запрещается. Также предусмотрено (статья 47), что международное арбитражное разбирательство в Швеции возможно по арбитражному соглашению сторон, определению арбитров (не противоречащему арбитражному соглашению), при-

⁸ О международном коммерческом арбитраже: Федеральный закон от 07 июля 1993 г. № 5338-1 (ред. 30.12.2021) // Российская газета. 1993. № 156.

⁹ Регламент МКАС при ТПП РФ, утвержденный приказом ТПП РФ от 11 января 2017 г. № 6. URL: <https://mkas.tpprf.ru/en/documents/> (дата обращения: 05.12.2024).

¹⁰ Официальный текст Кодекса. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/home> (дата обращения: 05.12.2024).

¹¹ Официальный текст Закона. URL: <https://www.riksdagen.se/sv/> (дата обращения: 05.12.2024).

надлежность одной из сторон к шведской юрисдикции (в некоторых случаях).

В правовой доктрине Швеции считается, что «спор является арбитрабельным, если стороны вправе заключать по такому спору мировое соглашение» [19, с. 59]. Соответственно, нет препятствий на разбирательство международных инвестиционных споров, о чем свидетельствует обширная практика Арбитражного института при Стокгольмской торговой палате (SCC)¹².

Заключение

Следует указать, что перспективы развития института коммерческого арбитража высоко оцениваются в мировой юридической науке [20, р. 2]. Вышеуказанное утверждение относится и к институту инвестиционного арбитража, в рамках которого разрешаются споры между государствами и иностранными субъектами экономического оборота. Отметим определенные трудности урегулирования данных споров. «Обращение в суды государства, как правило, является малоэффективным, а попытка инициирования судебного разбирательства в иных органах может натолкнуться на возражения со ссылкой на наличие у суверена иммунитета» [14].

В целях избежать указанных опасений используется институт инвестиционного арбитража как механизм защиты прав инвестора, который может инициировать арбитражное разбирательство в независимом ар-

битражном учреждении. В случае благоприятного третейского решения инвестор может его исполнить в рамках устоявшейся процедуры, регламентированной международно-правовыми актами.

Имеются недостатки вышеуказанного института, рассмотренные выше, но возможно их преодоление путем разумного реформирования, что предлагается со стороны UNCITRAL и научного юридического сообщества.

Субъекты экономической деятельности могут разбирать споры как с помощью специализированного инвестиционного арбитража ICSID, так и иных международных арбитражных учреждений, включая МКАС при ТПП РФ.

Соответственно, соблюдается принцип диспозитивности, когда стороны спора, в том числе и государственные органы, имеют возможность использовать, как полностью делокализованный ICSID, так и более локализованные постоянно действующие международные арбитражные учреждения (МКАС, SCC).

Деятельность различных арбитражных институтов по урегулированию инвестиционных споров обуславливает эффективность указанной деятельности. Отметим, что, оценивая эффективность «правовой системы института, подразумевается, что эффективными должны быть как отдельно взятая правовая норма, так и правоприменительная деятельность» [21, с. 42].

¹² SCC Arbitration Institute. URL: <http://www.sccinstitute.com> (accessed: 05.12.2024).

Список источников

1. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства Балтийских государств (Латвийской Республики и Эстонской Республики) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 117-129. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-117-129>, <https://elibrary.ru/darqbc>
2. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства Литовской Республики // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 629-636. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-629-636>, <https://elibrary.ru/dacdqk>
3. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств Арктического региона // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 303-318. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318>, <https://elibrary.ru/mezpuu>
4. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств БРИКС // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 120-131. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-120-131>, <https://elibrary.ru/qvngxj>

5. Гавриленко В.А. Особенности третейского разбирательства споров в современной России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2018. № 2 (39). С. 18-25. <https://elibrary.ru/yajrsf>
6. Зыкин И.С. Инвестиционный арбитраж: проблемы и перспективы (Интервью с И.С. Зыкиным) // Третейский суд. 2010. № 6. С. 10-13. <https://elibrary.ru/mwlrwp>
7. Авдеев Ю.А., Гавриленко В.А., Доильницын А.Б. Институт альтернативного разрешения правовых споров. Санкт-Петербург, 2022. 64 с. <https://elibrary.ru/ilrrau>
8. Богуславский М.М. Правовое положение иностранных инвестиций. Москва, 1993. 176 с.
9. Шапошникова О.С. Вашингтонская конвенция 1965 г. о разрешении инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами // Московский журнал международного права. 2012. № 3. С. 166-176. <https://elibrary.ru/twbhcn>
10. Брунцева Е.В. Международный коммерческий арбитраж. Санкт-Петербург, 2001. 368 с.
11. Kelsey J. The crisis of legitimacy in international investment agreements and investor-state dispute settlement // Judicial Power and the Left. London: Policy Exchange, 2017. P. 97-105.
12. Данельян А.А. Международный инвестиционный арбитраж: новые вызовы, проблемы и пути их преодоления // Международный правовой курьер. 2014. № 6. С. 6-10. <https://elibrary.ru/tmhglt>
13. Depalma A. NAFTA's Powerful Little Secret; Obscure Tribunals Settle Disputes, but Go Too Far, Critics Say // The New York Times. 2001. March 11. Section 3. P. 1.
14. Гребельский А. Изменить нельзя оставить: инвестиционный арбитраж между крупным бизнесом и национальными интересами // Legal Academy. 2021. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/izmenit-nelzya-ostavit-investicionnyi-arbitrazh-mezhdu-krupnym-biznesom-i-nacionalnymi-interesami>
15. Лобзов Г.П. Международный инвестиционный арбитраж: проблемы и подходы к их решению // Matters of Russian and International Law. 2021. Vol. 11. P. 371-378. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.54.60.047>, <https://elibrary.ru/zgkjzp>
16. Гавриленко В.А. Основные постоянно действующие арбитражные организации, разбирающие споры в сфере международного коммерческого арбитража // Экономика глазами молодых: материалы 13 Междунар. эконо. форума молодых ученых. Минск: БГАТУ, 2020.
17. Ковалева Н.В., Кузнецов Е.Е. Назначение экспертизы в гражданском процессе по законодательству Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 1 (58). С. 42-49. <https://elibrary.ru/lzyfjg>
18. Verde G. Lineamenti di diritto dell'arbitrato. Torino: Giappichelli, 2015. 266 p.
19. Арбитраж в Швеции / под ред. Дж. Херре. Москва, 2014. 304 с.
20. Schinazi M. The Three Ages of International Commercial Arbitration. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 386 p. <https://doi.org/10.1017/9781108891837>
21. Морковская К.С. Гражданские процессуальные средства повышения эффективности исполнительного производства. Саратов: Изд-во СГЮА., 2021. 224 с. <https://elibrary.ru/qwlrvf>

References

1. Gavrilenko, V.A. (2024). Issues of jurisdiction of disputes for arbitration proceedings. Comparative analysis of legislation of Baltic States (Latvian Republic and Estonian Republic). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 117-129. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-117-129>, <https://elibrary.ru/darqbc>
2. Gavrilenko, V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes for arbitration proceedings. Lithuanian Republic's legislation analysis. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 629-636 (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-629-636>, <https://elibrary.ru/dacdqk>
3. Gavrilenko, V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of the states of Arctic region. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 303-318. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318>, <https://elibrary.ru/mezpyu>
4. Gavrilenko, V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of BRICS states. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 120-131. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-120-131>, <https://elibrary.ru/qvgxsj>

5. Gavrilenko V.A. (2018). Peculiarities of dispute arbitration in modern Russia. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii = Government. Security. Emergencies*, no. 2 (39), pp. 18-25. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yajsrfr>
6. Zykin I.S. (2010). Investment Arbitration: Problems and Prospects (Interview with I.S. Zykin). *Treteiskii sud = Arbitration Court*, no. 6, pp. 10-13. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mwlrwrp>
7. Avdeev YU.A., Gavrilenko V.A., Doil'nitsyn A.B. (2022). *The institution of alternative dispute resolution*. St. Petersburg, 64 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ilrrau>
8. Boguslavskii M.M. (1993). *Legal Status of Foreign Investments*. Moscow, 176 p. (In Russ.)
9. Shaposhnikova O.S. (2012). Convention on the Settlement of Investment Disputes Between States and Nationals of Other States (the ICSID Convention, 1965). *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, no. 3, pp. 166-176. (In Russ.) <https://elibrary.ru/twbhcn>
10. Bruntseva E.V. (2001). *International Commercial Arbitration*. St. Petersburg, 368 p. (In Russ.)
11. Kelsey J. (2017). The crisis of legitimacy in international investment agreements and investor-state dispute settlement. *Judicial Power and the Left*. London, Policy Exchange, pp. 97-105.
12. Danel'yan A.A. (2014). International investment arbitration: new challenges, problems and ways to overcome them. *Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er = International Legal Courier*, no. 6, pp. 6-10. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tmhglt>
13. Depalma A. (2001). NAFTA's Powerful Little Secret; Obscure Tribunals Settle Disputes, but Go Too Far, Critics Say. *The New York Times*. March 11, Section 3, Page 1.
14. Grebel'skii A. (2021). Change can't be left behind: investment arbitration between big business and national interests. *Legal Academy*. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/izmenit-nelzya-ostavit-investicionnyi-arbitrazh-mezhdu-krupnym-biznesom-i-nacionalnymi-interesami> (In Russ.)
15. Lobzov G.P. (2021). International investment arbitration: problems and approaches to their solution. *Matters of Russian and International Law*, vol. 11, pp. 371-378. (In Russ.) <https://doi.org/10.34670/AR.2021.54.60.047>, <https://elibrary.ru/zgkjzpj>
16. Gavrilenko V.A. (2020). The main permanent arbitration organizations dealing with disputes in the field of international commercial arbitration. *Materialy 13 Mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma molodykh uchenykh: Ekonomika glazami molodykh = Materials of the 13th International Economic Forum of Young Scientists: Economics through the Eyes of the Young*. Minsk, Belarusian State Agrarian Technical University Publ. (In Russ.)
17. Kovaleva N.V., Kuznetsov E.E. (2023). Appointment of examination in civil proceedings under the legislation of the Russian Federation. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii = Law. Security. Emergencies*, no. 1 (58), pp. 42-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lzyfjg>
18. Verde G. (2015). *Lineamenti di Diritto Dell'arbitrato*. Torino, Giappichelli, 266 p. (In Italian)
19. Harry J. (ed.) (2014). *Arbitration in Sweden*. Moscow, 304 p. (In Russ.)
20. Schinazi M. (2021). *The Three Ages of International Commercial Arbitration*. Cambridge: Cambridge University Press, 386 p. <https://doi.org/10.1017/9781108891837>
21. Morkovskaya K.S. (2021). *Civil Procedural Means of Increasing the Effectiveness of Enforcement Proceedings*. Saratov, Saratov State Academy of Law Publ., 224 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwlrvf>

Поступила в редакцию / Received 10.01.2025

Поступила после рецензирования / Revised 23.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.211

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-265-272>

Шифр научной специальности 5.1.4

О перспективах развития криминологии, месте теории и понимании модели криминализации в контексте концепции моделирования уголовного закона

Маркунцов Сергей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор департамента международного права факультета права, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., 3, <https://orcid.org/0000-0001-8473-7314>, smarkuntsov@hse.ru

Маркунцова Ирина Александровна,

старший преподаватель кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность» юридического института, ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)», Российская Федерация, 127055, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 4, <https://orcid.org/0009-0009-5519-5785>, markuntsova.ia@edu.rut-miit.ru

Аннотация

В контексте обсуждения проблемы кризиса криминологии обосновывается вывод о необходимости разработки теории криминализации/декриминализации, являющейся составной частью концепции моделирования уголовного закона, входящей в предмет уголовного права (такой его составной части, как социология уголовного права), и выработки подхода к пониманию модели криминализации с позиции результата этого процесса. Обосновывается гипотеза, что понятие модель криминализации, в сущности – модель уголовно-правового запрета, потенциально должна стать одним из базовых понятий в рамках концепции моделирования уголовного закона и предлагается ее понимание, как определенного макета, схемы построения такого запрета (с позиции его внутреннего строения и(или) внешней формы выражения), отражающей особенности нормативно-правового закрепления и юридико-технического оформления, характеризующей границы действия (распространения) такого запрета сквозь призму объективных и в ряде случаев – субъективных признаков состава(ов) преступления(й), а также оценки благ и ценностей в контексте приоритетов уголовно-правовой охраны.

Ключевые слова

криминология, криминализация, модель криминализации, уголовно-правовой запрет, моделирование уголовного закона

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

С.А. Маркунцов – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции. И.А. Маркунцова – сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Маркунцов С.А., Маркунцова И.А. О перспективах развития криминологии, месте теории и понимании модели криминализации в контексте концепции моделирования уголовного закона // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 265-272. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-265-272>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-265-272>

OECD 5.05; ASJC 3308

**On the prospects for the development of criminology,
the place of the theory and understanding
of the criminalization model in the context of the concept
of criminal law modeling**

Sergei A. Markuntsov,

Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of International Law Department of the Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics", 3, Bolshoi Trekhsvyatitsky Ln., Moscow, 109028, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-8473-7314>, smarkuntsov@hse.ru

Irina A. Markuntsova,

Senior Lecturer at the "Criminal Law, Criminal Procedure and Law Enforcement Department", of the Law Institute at the Russian University of Transport (MIIT), Bldg 4, 9, Obraztsova St., Moscow, 127055, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0009-5519-5785>, markuntsova.ia@edu.rut-miit.ru

Abstract

In the context of discussing the problem of the crisis of criminology, the conclusions about the need to develop a theory of criminalization/decriminalization, which is an integral part of the concept of modeling criminal law, included in the subject of criminal law (such a part of it as the sociology of criminal law), and to develop an approach to understanding the criminalization model from the position of the result of this process are substantiated. The hypothesis that the concept of criminalization model, in essence – the model of criminal prohibition, should potentially become one of the basic concepts within the concept of modeling of criminal law is substantiated and its understanding as a certain layout, scheme of construction of such prohibition (from the position of its internal structure and (or) external form of expression), reflecting the peculiarities of normative-legal consolidation and legal-technical design, characterizing the boundaries of the action (spread) of such prohibition through the prism of objective and in some cases, subjective features of the composition(s) of the crime(s), as well as the assessment of benefits and values in the context of priorities of criminal law protection.

Keywords

criminology, criminalization, criminalization model, criminal law prohibition, criminal law modeling

Funding

This research received no external funding.

Authors' contribution

S.A. Markuntsov – concept development, normative documents research and analysis, scientific literature analysis, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements. I.A. Markuntsova – normative documents research and analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Markuntsov, S.A., & Markuntsova, I.A. (2025). On the prospects for the development of criminology, the place of the theory and understanding of the criminalization model in the context of the concept of criminal law

Введение

Теория криминализации/декриминализации, являясь уголовно-правовой концепцией в рамках социологии уголовного права [1, с. 51, 60-61], тесно связанной с вопросом эффективности уголовного законодательства, в последнее время с подачи ряда ученых-криминологов стала активно включаться в предмет криминологической науки в контексте рассмотрения вопроса о перспективах ее развития.

Результаты исследования

О перспективах развития криминологии. Примерно в начале XXI века ученые стали обсуждать проблему кризиса криминологии. Так, В.А. Туляков указывал на то, что «в современной литературе и на научных форумах достаточно активно обсуждается проблема кризиса мировой и отечественной криминологии... содержание современного понимания криминологии не учитывает специфику реализации и взаимодействия правовых и социальных явлений, в силу чего выглядит крайне расплывчатым» [2, с. 5-6]. А.Э. Жалинский стал одним из первых ученых, который в своей статье «Обновление криминологии», опубликованной уже после смерти ученого, не только отметил кризисное состояние этой науки, обозначив ее базовые проблемы, но и описал предпосылки ее обновления, детально проанализировав содержание предложенного, по сути, плана ее обновления, в том числе применительно к отдельным проблемам, входящим в предмет исследования данной науки, предложил методику инструментализации криминологии, обозначил стандарты этой науки [3]. Впоследствии его примеру последовали и некоторые ученые-криминологи, озвучив, на первый взгляд, вполне реалистичные предложения по дальнейшему развитию данной науки. Так, например, Г.Н. Горшенков в монографии «Криминология – научная дисциплина противопреступного цикла» отмечает, что «во множестве высказанных креативных идей «реформирования» современной (отечественной) криминологии вырисовываются

следующие направления: 1) аналитическое осмысление *отраслевых* взаимосвязей, в частности криминологии с уголовным правом, криминологии с уголовным судопроизводством, криминологии с уголовно-исполнительным правом; 2) анализ «теоретической криминологии» и «криминологии практической»; 3) анализ особенностей криминологии как *научной* и как учебной дисциплины; 4) обсуждение идеи «системного креатива» *общетеоретической* криминологии, то есть общих для отраслевых теорий или дисциплин антикриминального цикла» [4, с. 25-26]. Д.А. Шестаков, в целом разделяя позицию Г.Н. Горшенкова, называет «стоящие перед ней особо злободневные задачи: – разработка научных основ единого законодательства о противодействии преступности, соответствующего права этого противодействия; – проблема преступности законодательства и, в частности, его криминогенности; – *пересмотр предназначения («функций») уголовной ответственности; – научные основы введения уголовно-правовых запретов («криминализации») (курсив авторов. – С. М., И. М.), уголовно-процессуальных принципов и положений; – защита от разрушительного зарубежного вмешательства в законотворчество»* [4, с. 10]. Ряд ученых-криминологов видел выход из сложившейся ситуации с развитием криминологии постмодерна. Однако сравнительно недавно разгорелась дискуссия уже о кризисе неокриминологии, или криминологии постмодерна [5; 6].

М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, анализируя вопрос о настоящем и будущем криминологической науки, приходят к выводу о том, что «*в действительности у «второй криминологии» (в понимании ученых – это этап советской и российской криминологии, начинающийся в 60-е гг. XX века. – С. М., И. М.) заканчивается ресурс. Уже вряд ли возможно на прежней основе восстановить ее потенциал, способность помогать государству и обществу решать актуальные проблемы преступности... опасаемся, что «вторая криминология» находится в зоне*

невозврата... Время «второй криминологии» постепенно проходит. Мы сегодня свидетели ее заката... И это означает, что приходит время новой, «третьей криминологии» [7, с. 266]. Далее ученые поясняют, что «мир вступил в эпоху тотальной неопределенности и тотального риска. Больших чисел и искусственного интеллекта, беспрецедентного по качеству и темпам развития высоких технологий, определяющих жизнь социума. Процессы преступности протекают под мощным воздействием этих и иных подобных явлений... Многие старые «лекала» здесь бессильны. Требуется выход на новые рубежи научного знания, освоение новых методологий, познание новых объектов, разработка новых стратегий и т. д. ...«третья криминология» должна стать уже другой наукой по ключевым идеям, задачам и целям, по критериям оценки ценности научной продукции, по характеру организации исследовательской работы, взаимодействию с органами власти и управления, сотрудничеству с представителями других наук и т. д.» [7, с. 266]. Таким образом, М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин справедливо отмечают, что предмет криминологии претерпит существенные изменения уже в силу значительной трансформации общественных отношений и, по их мнению, появится множество новых возможностей для криминологических исследований на качественно ином уровне [7]. Как представляется, именно такой подход, не требующий передела «сферы влияния» между криминологией и уголовным правом, может способствовать продуктивному взаимодействию наук.

По всей видимости, осознавая реальность кризиса криминологии, некоторые ученые-криминологи как раз предлагают в мягком варианте – «аналитическое осмысление отраслевых взаимосвязей», в более «остром» – «пересмотр предназначения («функций») уголовной ответственности; – научные основы ведения уголовно-правовых запретов («криминализации»)». Одно дело, если в результате будут введены очередные операционные (для нужд криминологии) понятия и термины, другое – если речь идет о попытке новой «демаркации» предметных границ между уголовным правом и криминологией.

Теория криминализации/декриминализации как уголовно-правовая концепция. В этом смысле, ни в какой мере не умоляя вклад ученых-криминологов в разработку теории криминализации/декриминализации, ее базовых, концептуальных основ¹ (в ее разработке, действительно, самое активное участие принимали в том числе такие выдающиеся ученые, как, например, В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев и др.) и в этом смысле признавая в определенной степени ее междисциплинарную сущность, вместе с тем подчеркнем, что органически она является составной частью концепции моделирования уголовного закона², тесно связанной с вопросами его эффективности, а следовательно, входит в предмет уголовного права, точнее – в состав такой его части, как социология уголовного права. Дело в том, что в реальной жизни при разрешении вопросов криминализации кроме общепризнанных ее «научных предпосылок» в настоящее время невозможно обойтись без ретроспективного (посредством применения историко-правового метода) и компаративистского (сравнительно-правового) исследования, тонкого понимания юридико-технических особенностей собственно текстологии действующего уголовного закона. Но, по справедливому замечанию И.М. Мацкевича, «одной из серьезных проблем не только криминологии, но и криминологов является их оторванность от уголовного права... многие криминологи современного уголовного права не знают и не хотят знать (курсив авторов. – С. М., И. М.). Интереснейшие проблемы науки уголовного права... для них безразличны...» [11, с. 79-80]. В целом со-

¹ Так, до половины выделенных и проанализированных А.Д. Нечаевым (стадийных) моделей или алгоритмов криминализации предложено криминологами, в том числе авторство двух принадлежит В.Н. Кудрявцеву, еще одной – А.М. Яковлеву. Подробнее см.: [8, с. 109-119]. Справедливости ради отметим, что В.Н. Кудрявцев был признанным авторитетом не только в области криминологии, но и уголовного права (он стал в нашей стране основоположником теории квалификации преступлений) и ряда других направлений юриспруденции. Подробнее об этом, например, см.: [9, с. 6-28].

² Концепция моделирования должна стать основой для создания теоретической модели уголовного закона и потенциального совершенствования отечественного уголовного законодательства в целом.

глашаясь с обозначенным тезисом, отметим, что такое положение обусловлено во многом тем, что некоторые криминологи ставят во главу угла сугубо узкие интересы развития криминологической науки, ставя их превыше всего и сознательно идя на разрыв с уголовным правом, для этих целей создавая собственно криминологические понятия преступления, наказания и т. д.

Необходимо отметить, что в уголовном праве в последнее время стали появляться весьма интересные работы, в которых раскрываются концептуальные основы криминализации (декриминализации) деяний³, в то же время представляется, что назрела необходимость более детальной проработки отдельных проблемных аспектов данной теории, например, более четкого определения понятия «модель криминализации».

О понимании модели криминализации в контексте концепции моделирования уголовного закона. А.Д. Нечаев, обосновывая использование понятия «теоретическая модель (де)криминализации», утверждает, что она «содержит два этапа: этап определения необходимости в уголовно-правовом запрете (дейнджеризация деяния, то есть процесс и результат признания общественной опасности деяния) и этап определения его достаточности (адекватизация запрета, то есть процесс и результат признания уголовно-правового запрета в отношении такого деяния адекватным существующей системе общественных отношений)» [14, с. 12]. При этом ученый справедливо указывает, что «теоретическое моделирование (де)криминализации деяний – это *метод познания* (де)криминализации деяния, основанный на их изучении путем построения соответствующей модели» [14, с. 12]. Выходит, что данное понятие используется в силу применяемого им метода для изучения соответствующего явления. Исходя из понимания того, что словом «криминализация» можно на-

зывать не только сам процесс придания уголовно-правового окраса тому или иному деянию, но и результат такого процесса [12, с. 30], и, в целом не ставя под сомнение возможность применения в данном случае такого наименования, отметим, что, на наш взгляд, оно не вполне удачно, ведь речь в данном случае идет о характеристике алгоритма (стадийного механизма) криминализации/декриминализации, что, впрочем, не отрицает и сам автор. Не совсем удачным использование этого понятие представляется и в силу того, что в последнее время в публикациях по уголовно-правовой проблематике понятие «модель криминализации» используется в ином смысле (в предложенном Д.А. Нечаевым понимании данное понятие, по всей видимости, не устоялось в среде научного сообщества): для описания не процесса (алгоритма), а скорее – ее перспективного результата.

В последнее время в уголовно-правовых публикациях понятие «модель криминализации», или реже – «уголовно-правовая модель криминализации», используется все чаще [15; 16]. При этом исходя из анализа содержания публикаций различные авторы, судя по всему, вкладывают несколько отличный смысл в обозначенные понятия. Так, М.В. Арзамасцев в контексте раскрытия модели криминализации конкретных преступных деяний, не предлагая собственно определения соответствующего понятия, рассуждает скорее о законодательных решениях по вопросам криминализации определенного противоправного поведения, определенных подходах применения соответствующих запретов (уголовно-правовых запретов. – С. М., И. М.), о конкретизации законодательной терминологии и т. д. [15, с. 134-139]. Тогда как В.В. Шавловская, обосновывая, что «уголовно-правовую модель криминализации рассматриваемых ей преступных деяний «можно представить в виде двух групп преступных посягательств», отмечает, что «в отечественном уголовном праве в «чистом» виде содержится только первая группа преступлений, представленная одним деянием». Далее, используя понятие «конструкция уголовно-правовой модели криминализации», сводит ее к описанию элементов и

³ Речь идет о ранее упомянутой работе А.Д. Нечаева «Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний», труде И.Я. Козаченко, Д.Н. Сергеева «Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного». Подробнее см.: [8; 12]. Есть менее удачные примеры, например, коллективная работа «Криминализация и как формы преобразования уголовного законодательства». См.: [13].

отдельно некоторых признаков (предмет, потерпевший) состава преступления [16, с. 6].

На наш взгляд, при самом общем приближении модель криминализации – это в сущности модель уголовно-правового запрета⁴, определенный макет, схема построения такого запрета (с позиции его внутреннего строения и(или) внешней формы выражения), отражающая особенности нормативно-правового закрепления и юридико-технического оформления, характеризующей границы действия (распространения) такого запрета сквозь призму объективных и в ряде случаев – субъективных признаков состава(ов) преступления(й), а также оценки благ и ценностей в контексте приоритетов уголовно-правовой охраны. Как представляется, изменение модели криминализации подтверждается изменениями направлений (тенденций) уголовно-правовой политики государства в контексте борьбы с соответствующим преступлением(ями) и(или) изменениями правоприменительной практики в этой сфере.

Не ставя перед собой задачу детальной характеристики содержания соответствующего понятия, полагая, что его рассмотрению может быть посвящена самостоятельная публикация, считаем возможным поднять вопрос о необходимости его более четкой разработки, а также отметить, что понятие модель криминализации или модель уголовно-правового запрета потенциально должна стать одним из базовых понятий в рамках упоминаемой ранее концепции моделирования уголовного закона.

Концепция моделирования уголовного закона представляет систему взглядов, представлений о моделировании уголовного закона, связанных с разработкой теоретической модели уголовного закона, научно обоснованной и социально обусловленной, для целей совершенствования законодательства. Под моделированием уголовного закона предлагаем понимать определение его модели, внутреннего строения (структуры)

⁴ Как представляется, в данном случае речь идет не о формально-юридическом, а о фактическом запрете, который включает в себя как все формальные (первичные и вторичные) запреты, так и запреты неоконченных преступлений. Подробнее об этом см.: [1, с. 128].

посредством наполнения базовыми уголовно-правовыми институтами и структурирование его Особенной части уголовно-правовыми запретами с позиции криминализации и декриминализации с учетом тенденций социально-экономического развития государства и общества, концепции развития уголовной политики, анализа правоприменительной практики. Исходя из обозначенного понимания моделирования уголовного закона, целесообразным представляется выделение следующих его уровней: концептуально-политический, то есть формирование научно обоснованных концептуальных основ уголовного закона (определение основных целей, задач, формирование базовых институтов), а также единой не противоречивой уголовно-правовой политики, отражающей социально-политические и экономические устои общества и государства; догматический (юридико-технический), то есть формулирование основных уголовно-правовых запретов и построение санкций как базовых уголовно-правовых предписаний [10, с. 103, 105-106]. В контексте уголовного закона, прежде всего, моделируются явления и процессы «преступности» и «наказуемости». В целях оптимизации процесса моделирования «преступного» как раз и необходимо формирование подхода к пониманию модели криминализации через результат этого процесса. Представляется, что указанная категория потенциально должна стать одной из базовых в рамках концепции моделирования уголовного закона, а внедрение соответствующей ей конструкции на практике будет способствовать совершенствованию этого процесса.

Заключение

Таким образом, в контексте обсуждения проблемы кризиса криминологии и перспектив ее развития некоторые ученые относят разработку научных основ введения уголовно-правовых запретов (теорию криминализации) к «особо злободневным задачам» этой науки, по сути, призывая к новой «демаркации» предметных границ между уголовным правом и криминологией. Вместе с тем представляется, что теория криминализации/декриминализации, являющаяся составной частью концепции моделирования уголовного закона, тесно связанной с вопро-

сом его эффективности, входит в предмет уголовного права в рамках такой его составной части, как социология уголовного права. В настоящее время назрела объективная необходимость выработки в рамках теории криминализации/декриминализации и соответственно концепции моделирования уголовного закона подхода к пониманию модели криминализации с позиции результата этого процесса. В общем виде под моделью криминализации, в сущности – моделью уголовно-правового запрета, понимается оп-

ределенный макет, схема построения такого запрета (с позиции его внутреннего строения и(или) внешней формы выражения), отражающая особенности нормативно-правового закрепления и юридико-технического оформления, характеризующей границы действия (распространения) такого запрета сквозь призму объективных и в ряде случаев – субъективных признаков состава(ов) преступления(й), а также оценки благ и ценностей в контексте приоритетов уголовно-правовой охраны.

Список источников

1. Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета. Москва: Юриспруденция, 2015. 560 с. <https://elibrary.ru/vutfiv>
2. Туляков В.А. Тенденции развития современной криминологии и уголовно-правовая доктрина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 2. С. 5-12. <https://elibrary.ru/mcqptf>
3. Жалинский А.Э. Обновление криминологии // Жалинский А.Э. Избранные труды. Т. 1. Криминология / отв. ред. О.Л. Дубовик. Москва: НИУ «Высшая школа экономики», 2014. С. 44-67. <https://elibrary.ru/wjqhrd>
4. Горшеников Г.Н. Криминология – научная дисциплина противопреступного цикла. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2020. 304 с. <https://elibrary.ru/jcsxfu>
5. Босхолов С.С., Номоконов В.А. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 2. С. 128-136. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(2\).128-136](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(2).128-136), <https://elibrary.ru/wcbstd>
6. Гилинский Я.И. В тупике ли криминология постмодерна? // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 3. С. 227-231. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(3\).227-231](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(3).227-231), <https://elibrary.ru/gknovz>
7. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Историческая криминология. Москва: Юрлитинформ, 2024. 304 с. <https://elibrary.ru/syvzsl>
8. Нечаев А.Д. Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний / под ред. Н.А. Лопашенко. Москва: Юрлитинформ, 2018. 320 с. <https://elibrary.ru/ytrtik>
9. Маркунцов С.А., Полубинская С.В. Научные взгляды В.Н. Кудрявцева: вчера, сегодня и завтра // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 3. С. 4-33. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.3.4.33>, <https://elibrary.ru/tcaara>
10. Маркунцова И.А. Механизм и уровни моделирования уголовного закона // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1 (30). С. 103-106. <https://elibrary.ru/scsguz>
11. Мацкевич И.М. Развитие криминологии – развитие законодательства // 20 лет независимости Республики Казахстан: достижения и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д.Т. Кенжетаяев, И.Ш. Борчашвили: в 2 т. Караганда: КА МВД РК им. Б. Бейсенова, 2011. Т. 1. С. 77-83. <https://elibrary.ru/rezfm>
12. Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. 256 с. <https://elibrary.ru/taudvj>
13. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства / отв. ред. В.П. Кашепов. Москва: Юрид. фирма КОНТРАКТ, 2018. 280 с. <https://elibrary.ru/xqsaux>
14. Нечаев А.Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 331 с. <https://elibrary.ru/ecthqd>
15. Арзамасцев М.В. Сравнительно-правовой обзор зарубежных моделей криминализации отклоняющихся форм сексуального поведения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6. С. 134-141. <https://doi.org/10.12737/art.2018.6.15>, <https://elibrary.ru/ytoyed>
16. Шавловская В.В. Уголовно-правовая модель криминализации незаконных действий в отношении органов и (или) тканей // Юридические исследования. 2024. № 5. С. 1-7. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2024.5.70769>, <https://elibrary.ru/ulbryn>

References

1. Markuntsov S.A. (2015). *Theory of Criminal Prohibition*. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 560 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vutfiv>
2. Tulyakov V.A. (2010). Contemporary criminology development trends and the criminal law doctrine. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminological Journal of Baikal State University of Economics and Law*, no. 2, pp. 5-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mcqpft>
3. Zhalinskii A.E. (2014). *Renewal of criminology*. In: Zhalinskii A.E. Selected Works. Vol. 1. Criminology. Moscow, National Research University "Higher School of Economics" Publ., pp. 44-67. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wjqhrd>
4. Gorshenkov G.N. (2020). *Criminology – scientific discipline of the anti-crime cycle*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Publ., 304 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jcsxfu>
5. Boskholov S.S., Nomokonov V.A. (2024). Ontological and metaphysical foundations of the social danger of crimes: on the dead end in neocriminology. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, vol. 18, no. 2, pp. 128-136. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(2\).128-136](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(2).128-136), <https://elibrary.ru/wcbds>
6. Gilinskii Ya.I. (2024). Is the criminology of postmodernity at a dead end? *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, vol. 18, no. 3, pp. 227-231. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(3\).227-231](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(3).227-231), <https://elibrary.ru/gknovz>
7. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. (2024). *Historical Criminology*. Moscow, Yurlitinform Publ., 304 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/syvzsl>
8. Nechaev A.D. (2018). *Conceptual Bases of Criminalization and Decriminalization of Acts*. Moscow, Yurlitinform Publ., 320 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ytrtik>
9. Markuntsov S.A., Polubinskaya S.V. (2023). Academic views of V.N. Kudryavtsev: yesterday, today and tomorrow (on occasion of centenary anniversary). *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 3, pp. 4-33. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.3.4.33>, <https://elibrary.ru/tcaara>
10. Markuntsova I.A. (2014). The mechanism and modeling levels of criminal law. *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, no. 1 (30), pp. 103-106. (In Russ.) <https://elibrary.ru/scsguz>
11. Matskevich I.M. (2011). Development of criminology – development of legislation. *Materialy mezhdunarod. nauch.-prakt. konf.: 20 let nezavisimosti Respubliki Kazakhstan: dostizheniya i perspektivy razvitiya = Proceedings of the International Scientific-Practical Conference: 20 Years of Independence of the Republic of Kazakhstan: Achievements and Prospects of Development: in 2 vol.* Karaganda, Beisenov Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan Publ., vol. 1, pp. 77-83. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rezfm>
12. Kozachenko I.Ya., Sergeev D.N. (2020). *New Criminalization: Philosophical and Legal Guide to the World of Criminal and Non-Criminal*. Ekaterinburg, SAPIENTIA Publ., 256 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/taudvj>
13. Kashpov V.P. (executive ed.) (2018). *Criminalization and Decriminalization as Forms of Transformation of Criminal Legislation*. Moscow, KONTRAKT Law Firm Publ., 280 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xqsaux>
14. Nechaev A.D. (2017). *Conceptual Foundations and Theoretical Modeling of Criminalization and Decriminalization: Diss. ... Cand. Sci. (Law)*. Saratov, 331 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ecthqd>
15. Arzamastsev M.V. (2018). The comparative review of foreign legal models of criminalization of the deviating sexual behavior. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, no. 6, pp. 134-141. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/art.2018.6.15>, <https://elibrary.ru/ytoyocd>
16. Shavlovskaya V.V. (2024). Criminal legal model of criminalization of illegal actions in relation to organs and (or) tissues. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*, no. 5, pp. 1-7. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2024.5.70769>, <https://elibrary.ru/ulbryn>

Поступила в редакцию / Received 03.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 23.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.2/.7

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-273-280>

Шифр научной специальности 5.1.4

Правовой запрет в механизме уголовной политики государства

Микаутадзе Сергей Романович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, Российская Федерация, 389050, г. Липецк, ул. Интернациональная, 3, <https://orcid.org/0009-0007-0198-5947>, mikautadze.s@yandex.ru

Аннотация

В статье проведен научный анализ функциональной роли правового запрета в качестве инструмента упорядочения наиболее значимых в условиях современных тенденций уголовной политики государства общественных отношений. Исследована социальная сущность правового запрета как метода правового регулирования, а также важного и неотъемлемого инструмента механизма уголовной политики государства. Обоснован вывод о том, что правовой запрет, являясь выражением части позитивных общественных отношений, обеспечивает их охрану от недопустимого, категорически порицаемого обществом преступного поведения и, следовательно, существует объективно и независимо от действия механизма уголовно-правового регулирования. Отдельное внимание уделено исследованию социально-правовой роли правового запрета в механизме уголовной политики противодействия преступности. Озвучен тезис о том, что правовой запрет, как и дозволение и предписание, являются общеправовыми инструментами упорядочения общественных отношений и не имеют отраслевой принадлежности. Аргументирован вывод о двух взаимосвязанных концепциях современной отечественной уголовной политики: социально-правового воздействия и уголовно-правового регулирования, а также о центральном месте в содержании указанных концепций функциональной роли правового запрета и института уголовного наказания. Сделан вывод, что применение правового запрета в процессе криминализации противоправных актов не должно противоречить социально-правовой сути данного явления и доктрине уголовного права, на которых основано конструирование уголовного закона и сформирована правоприменительная практика. Конфликт соответствия, желаемого и возможного в контексте современных тенденций уголовной политики, стал предметом настоящего исследования, а предложенные выводы подчеркнули его актуальность и обосновали его практическую значимость. Цель исследования заключается в том, чтобы на основе аргументированного представления о социальной сущности правового запрета научно обосновать концептуальный подход к пониманию механизма уголовно-правового регулирования и практическому его применению в контексте современных тенденций уголовной политики государства. Методической основой исследования послужили как общенаучные методы познания (диалектический метод, анализ и синтез, индукция и дедукция), так и частноправовые методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, конкретно-социологический и др. Использование данных методов позволило обеспечить комплексное исследование правового запрета как социально-правового и юридического явления, дать правовую характеристику и оценку его функционального значения в механизме отечественной уголовной политики. Практическая значимость исследования заключена в его ориентированности на анализе функциональной роли правового запрета в механизме уголовно-правового регулирования, обосновывающей научную концепцию конструирования и применения уголовно-правовой норм в отечественной правоприменительной практике.

Ключевые слова

правовой запрет, уголовная политика государства, механизм правового регулирования, уголовно-правовое воздействие

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

С.Р. Микаутадзе – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Микаутадзе С.Р. Правовой запрет в механизме уголовной политики государства // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 273-280. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-273-280>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-273-280>

OECD 5.05; ASJC 3308

Legal prohibition in the mechanism of the State's criminal policy

Sergey R. Mikautadze,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor of Criminal Law, Process and Criminalistics Department, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk Branch, 3 Internatsionalnaya St., Lipetsk, 389050, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0007-0198-5947>, mikautadze.s@yandex.ru

Abstract

The article scientifically analyses the functional role of legal prohibition as an instrument of ordering the most significant social relations in the conditions of modern tendencies of criminal policy of the state. The social essence of legal prohibition as a method of legal regulation, as well as an important and integral tool of the mechanism of criminal policy of the state is investigated. The conclusion that the legal prohibition, being an expression of a part of positive social relations, provides their protection from inadmissible, categorically condemned by society criminal behavior and, therefore, exists objectively and independently of the mechanism of criminal-legal regulation is substantiated. Special attention is paid to the study of the socio-legal role of legal prohibition in the mechanism of criminal policy to counteract crime. The thesis that the legal prohibition, as well as permissions and prescriptions, are general legal tools of ordering social relations and have no branch affiliation is voiced. The conclusion about two interrelated concepts of modern domestic criminal policy: social and legal impact and criminal law regulation, as well as about the central place in the content of these concepts of the functional role of the legal prohibition and the institute of criminal punishment. It is concluded that the application of legal prohibition in the process of criminalization of unlawful acts should not contradict the socio-legal essence of this phenomenon and the doctrine of criminal law, on which the construction of criminal law and law enforcement practice are based. The conflict of conformity, desirable and possible in the context of modern trends in criminal policy has become the subject of this study, and the proposed conclusions emphasized its relevance and substantiated its practical significance. The purpose of the study is to scientifically substantiate a conceptual approach to understanding the mechanism of criminal law regulation and its practical application in the context of modern trends in criminal policy of the state on the basis of a reasoned idea of the social essence of legal prohibition. The methodological basis of the study was provided by both general scientific methods of cognition (dialectical method, analysis and synthesis, induction and deduction) and private legal methods: comparative-legal, formal-legal, concrete-sociological and others. The use of these methods allowed to provide a comprehensive study of legal prohibition as a socio-legal and legal phenomenon, to give a legal characterization and assessment of its functional significance in the mechanism of domestic criminal policy. The practical significance of the study lies in its focus on the analysis of the functional role of legal prohibition in the mechanism of crimi-

nal law regulation, substantiating the scientific concept of the construction and application of criminal law norms in domestic law enforcement practice.

Keywords

legal prohibition, criminal policy of the state, mechanism of legal regulation, criminal legal impact

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

S.R. Mikautadze – concept development, collection and processing of normative materials, selection of literature, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Mikautadze, S.R. (2025). Legal prohibition in the mechanism of the State's criminal policy. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 273-280. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-273-280>

Введение

В арсенале мер государственного принуждения выраженный в уголовном законе правовой запрет всегда выступал не просто в качестве средства наказания, а в качестве орудия укрепления основ политической системы, правопорядка и придания стабильности общественным отношениям. Как пишет А.В. Малько: «...история права, правового развития того или иного общества – это во многом история запретов, их установления, изменения и отмены» [1, с. 3].

Исследование функциональной роли правового запрета в качестве инструмента упорядочения наиболее значимых общественных отношений, нуждающихся в уголовно-правовой защите, в условиях современного значения уголовной политики государства, представляется особенно актуальным. Такие вызовы национальной безопасности, как геополитическая напряженность, военное противостояние, высокая степень опасности последствий террористических и экстремистских проявлений, структурная трансформация преступности, вызванная естественными процессами цифровизации общественных отношений, вынуждает обратить особое внимание на эффективность воздействия инструментов, прежде всего, уголовно-правового характера. Государство сегодня желает максимально продуктивно использовать арсенал такого воздействия в механизме целенаправленной уголовной по-

литики государства, направленной на противодействие данным угрозам. Однако желание добиться любого результата должно сопровождаться возможностями его достижения. Применение правового запрета в процессе криминализации противоправных актов не должно противоречить социально-правовой сути данного явления и доктрине уголовного права, на которых основано конструирование уголовного закона и относительно сформирована правоприменительная практика. Конфликт соответствия желаемого и возможного в контексте современных тенденций и мер уголовной политики стал предметом настоящего исследования. Его цель заключается в том, чтобы на основе аргументированного представления о социальной сущности правового запрета научно обосновать концептуальный подход к пониманию механизма уголовно-правового регулирования и практическому его применению в отечественной правоприменительной практике.

Методы исследования

Методической основой исследования послужили как общенаучные методы познания (диалектический метод, анализ и синтез, индукция и дедукция), так и частноправовые методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, конкретно-социологический и другие. Использование данных методов позволило обеспечить комплексное исследование правового запрета как социально-

правового и юридического явления, дать правовую характеристику и оценку его функционального значения в механизме отечественной уголовной политики государства. Выявить тенденции современной уголовной политики России и обосновать социально-правовую роль правового запрета и института наказания в их формировании и обосновании соответствия.

Обсуждение

Одной из центральных тем теории права вообще и теории любого отраслевого права в частности является вопрос общественных отношений как того объекта, на который направлено воздействие механизм правового регулирования. Несомненно, общественные отношения – это то, по поводу чего и ради чего существует право.

Для теории уголовного права этот вопрос является принципиальным, поскольку из-за специфики правового регулирования данная отрасль права многими специалистами относится к правовому механизму, обеспечивающему исключительно охрану общественных отношений от противоправных поведенческих актов, предусмотренных в законе в качестве преступлений, а предметом правового регулирования видят правоотношения, возникающие в связи с совершением преступления.

Выполняя свою регулятивную и предупредительную функции, уголовное право обеспечивает воздействие на сознание потенциального преступника, но никак не широкого круга законопослушных граждан, поведение которых не связано с действием уголовно-правовых норм. Как отмечает Ю.И. Ляпунов, такие «...действия законопослушных граждан в самых разнообразных сферах их жизнедеятельности абсолютно индифферентны для уголовного права, далеко лежат за пределами регулятивного воздействия его норм» [2, с. 49].

Поддерживаемое большинством отечественных ученых-криминалистов мнение об отстраненности предмета уголовно-правового регулирования от сферы позитивного регулирования общественных отношений, позволяет прийти к выводу о том, что именно факт совершенного преступления порождает правовое регулирование. Правовой запрет, являясь выражением части пози-

тивных общественных отношений, обеспечивает их охрану от недопустимого, категорически порицаемого обществом преступного поведения и, следовательно, они существуют объективно и независимо от действия механизма уголовно-правового регулирования.

Для ряда других ученых такое ограничение регулятивного потенциала уголовного права является не совсем верным. Так, например, по мнению М.П. Карпушина и В.И. Курляндского уголовное право «регулирует отношения, не только связанные с совершением преступления, но и всю систему охраняемых в целом правом общественных отношений» [3, с. 117].

Сторонники данной точки зрения настаивают на том, что «механизм уголовно-правового регулирования значительно шире и не ограничен общественными отношениями, возникающими в связи с совершением конкретного преступления» [4, с. 59]. В воздействии на сознание через ограничение свободы выбора поведения участников общественных отношений проявляется способность правового запрета регулировать, хотя и косвенно, такое поведение, определять его вектор для конкретного человека и неопределенного числа людей в целом. Осознание запрета определенного поведенческого акта удерживает человека от возможности его совершения, регулируя поведение данного человека. «Способность воздействия правового запрета на общественные отношения, как на определенную системную совокупность социально-правовых связей между людьми по поводу наиболее значимых, естественных прав, свобод и интересов, выражает регулятивную функцию уголовно-правовых норм. Таким образом, общественные отношения, находящиеся под охраной уголовного права, существуют объективно и независимо от последнего» [5, с. 90].

Комплексное исследование социальной сущности общественных отношений как социальных связей, обусловленных объективными потребностями людей, общества и государства во взаимоотношениях по поводу наиболее важных вопросов жизнеобеспечения, функционирования, позволяет прийти к выводу о том, что преступление как юридический факт не способно трансформировать

данные отношения в самостоятельные уголовно-правовые. Естественная потребность в существовании общего порядка обуславливает становление и упорядочение данных социальных связей и порождает новые институциональные формы их закрепления, стабилизации, развития. Право, как совокупность правил, определяющих порядок в естественных взаимосвязях между субъектами фактических общественных отношений, формализует последние, которые закрепляют в нормативной форме свободу дозволенного, обязывают и запрещают недозволенное поведение. Право становится социально-политическим институтом, вызванным к жизни общественными отношениями, потребностями их развития и регулирования. Не хаотичные, а упорядоченные общественные связи между людьми – это социально-необходимое состояние общественных отношений в социуме. Таким образом, право – это не что-то внешнее для общественных отношений, право – это естественная форма общественных отношений. Более того, думается, что, в определенном смысле, право – это и есть общественные отношения.

Используя правовой запрет в качестве одного (наряду с дозволением и предписанием) из социально-правовых инструментов регулирования, право обеспечивает упорядочение всех социальных связей от возможного, но недопустимого, категорически порицаемого обществом преступного злоупотребления правом свободы дозволенного поведения, причиняющего существенный вред позитивным общественным отношениям, нарушающего, повреждающего и разрушающего отдельные их составляющие социальные связи. Таким образом, правовой запрет, как и дозволение и предписание, являются общеправовыми инструментами упорядочения общественных отношений и не имеют отраслевой принадлежности.

Думается, что распределение права на отрасли является результатом потребности юридического конструирования механизма правового регулирования фактических общественных отношений. Здесь данные социально-правовые инструменты задействуются в процессе законотворческой деятельности государства в качестве методов правового

регулирования и, условно, критериев для разграничения различных отраслей права.

Таким образом, правовые запреты вплетаются в ткань правового содержания правил поведения, регулирующих позитивные общественные отношения, становясь их органичной частью. Выражаясь в виде социально-правового явления, правовые запреты берутся законодателем на вооружение в конструировании одной или нескольких уголовно-правовых норм, формирующих конкретные правила поведения, выраженные в статьях уголовного закона. Так, правило поведения, выражающее категоричный запрет на их существование в рамках позитивного общественного отношения, приобретает форму уголовно-правовой нормы, которая запускает механизм уголовно-правового регулирования при условии совершения преступления, то есть нарушении данного запрета.

Важно отметить, что данные общественные отношения «становятся уголовно-правовыми исключительно в связи с совершенным преступлением, и говорить о возникновении, существовании, функционировании самостоятельных уголовно-правовых отношений вне преступления, на наш взгляд, можно только условно» [5, с. 90]. В связи с этим представляется сомнительной корректность употребления формулировки «уголовно-правовой запрет», так часто употребляемый в текстах статей современных исследователей.

Получая выражение в уголовно-правовой норме, правовой запрет наделяется нормативно-правовой формой, что позволяет ему эффективно выполнять роль действенного социально-правового регулятора общественных отношений. Думается, что «общественные отношения, как совокупность социальных взаимосвязей, могут стабильно функционировать, только если они закреплены в нормативной форме. При всем разнообразии нормативных форм только правовая из них в наибольшей степени отвечает социальной сущности общественных отношений» [6, с. 260].

Таким образом, правовой запрет не просто имеет отношение к уголовному праву, а уголовное право через правовые запреты обеспечивает свою общую регулятивную функцию. Как пишет Я.М. Брагинин: «само-

стоятельный характер уголовного права определяется той ролью, которую оно выполняет по охране всей системы общественных отношений и всего правопорядка от преступных посягательств» [7, с. 21].

Страх уголовной ответственности перед запретом всегда обеспечивал власти тот уровень контроля, упорядоченности отношений, который позволял ей выполнять свою функцию организатора порядка, блюстителя безопасности, управителя поведением людей.

Следует сказать, что в условиях современной уголовной политики государство широко и эффективно использует охранительный и регулятивный потенциал норм уголовного права как инструментов противодействия преступности, контроля над ее уровнем. В отдельных случаях это вступает в противоречие с логикой законодательного конструирования уголовно-правовых норм, поскольку наделяет правовые запреты условным характером, создавая конкуренцию приоритета признаков общественной опасности и противоправности преступления. Анализ криминализации противоправных актов, вызванной обострением ситуации с проявлениями террористического характера, экстремистской направленности, обусловленной событиями, связанными со специальной военной операцией, позволяет заключить, что такой приоритет в условиях социально-правовой необходимости охраны данных общественных отношений отдается законодателем признаку противоправности.

Однако реакция государства при таких значимых обстоятельствах не может быть другой. Необходимо понимать, что уголовный закон – это один из важнейших инструментов государственного механизма противодействия данным угрозам. В этом смысле правильнее говорить не о тенденциях ужесточения уголовной политики, а о принципах ее функционирования, существования и развития на всех этапах развития государства и права, а не только сегодня.

В рамках данного направления уголовной политики нашего государства проявляется концепция социально-правового воздействия уголовного закона на общественные отношения. Благодаря данному воздействию «правовой запрет обеспечивает при-

знание границ свободы дозволенного и запрещенного поведения, наделяя субъектов данных общественных отношений свободой ограниченного выбора» [5, с. 91].

Как отмечает В.Я. Таций, «тем самым уголовный закон участвует в регулировании общественных отношений» [8, с. 13]. По мнению ученого, «сконструированный в рамках данной правовой идеологии уголовный закон воздействует на поведение человека и его отношения с другими людьми, а также обществом и государством, осуществляя при этом общепредупредительную, фиксирующую функцию» [8, с. 14].

Однако следует выделить и констатировать существование еще одной тенденции, явно проявляющейся в правоприменительной практике. Данная тенденция выражает концепцию либерализации применения уголовного наказания за совершение отдельных видов преступлений. Исследование позволяет констатировать проявление данной тенденции в либерализации правил применения института уголовной ответственности и назначения наказания, а также в размерах назначаемых наказаний за преступления не только экономической направленности, но и многих других видов преступлений, в том числе в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и т. д.

В этой политике государство через свою правоприменительную систему органов обеспечивает реализацию принципа индивидуализации уголовного наказания в каждом конкретном случае нарушения уголовно-наказуемого правового запрета. В ее рамках проявляется концепция непосредственного правового регулирования уголовного права. Данная концепция имеет общеправовые начала, о которых писал еще С.С. Алексеев. В одной из своих фундаментальных работ ученый отмечает, что «в качестве непосредственного предмета правового регулирования выступает волевое поведение участников общественных отношений, через которое только и можно осуществлять стимулирование или принуждение» [9, с. 376].

Могут ли данные тенденции одновременно характеризовать современную уголовную политику государства? Думается, что они не просто могут, а должны существовать едино и взаимодействовать в рамках

единой концепции политико-правового регулирования общественных отношений.

Как отмечают М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, «наказание как главный инструмент уголовной репрессии является основным акцентом содержания концепций социально-правового воздействия и уголовно-правового регулирования» [10, с. 420].

В рамках концепции социально-правового воздействия правовой запрет как бы «заряжается» наказанием, причем в такой степени, когда он начинает проявляться в нем, не может существовать отдельно от него. При этом правовой запрет продолжает оставаться выражением части позитивных общественных отношений, обеспечивает их охрану от недопустимого, категорически порицаемого обществом преступного поведения и, следовательно, существуют объективно и независимо от действия механизма уголовно-правового регулирования.

В то же время при непосредственном уголовно-правовом регулировании через наказание происходит реализация гуманистических принципов правовой системы государства, в основе которых личность человека, целесообразность наказания, его гуманизм в одном из своих проявлений (ст. 7 Уголовного кодекса РФ), а вслед за этим и требование справедливости. Нарушение правового запрета запускает механизм уголовно-правового регулирования, а сам запрет приобретает форму уголовно-правовой нормы.

Таким образом, обе данные концепции не только не противоречат, но являются вы-

ражением единого, сущностного понимания значения и тенденций современной уголовной политики государства. В основе данных концепций лежат представления о социальной сущности правового запрета.

Заключение

Таким образом, современную уголовную политику можно охарактеризовать с точки зрения двух взаимосвязанных концепций: социально-правового воздействия и уголовно-правового регулирования. Актуальным выражением данных концепций являются тенденции ужесточения уголовно-правовых средств противодействия преступности и либерализация практики применения уголовного закона при совершении преступлений.

Центральное место содержания указанных концепций отводится правовому запрету и институту уголовного наказания. Воплощаясь в правовом запрете, наказание как форма реализации уголовной ответственности задает тон эффективности мерам уголовно-правового воздействия и предупреждения угрозам национальной безопасности. В рамках уголовно-правового регулирования процесс применения наказания является выражением потенциала уголовного закона для восстановления социальной справедливости и исправления осужденного. В данном значении проблема уголовного наказания всегда являлась одной из важных и сложных задач философской, правовой и общественной мысли.

Список источников

1. *Малько А.В.* Запреты как средства правовой политики // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1 (11). С. 3-11. <https://elibrary.ru/pgcwft>
2. *Ляпунов Ю.И.* Уголовное право: предмет и метод регулирования и охраны // Уголовное право. 2005. № 1. С. 48-52.
3. *Карпушин М.П., Курляндский В.Н.* Уголовная ответственность и состав преступления. Москва: Юридическая литература, 1974. 232 с.
4. *Бавсун М.В.* Соотношение уголовно-правового воздействия и уголовно-правового регулирования // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2 (26). С. 56-63. <https://elibrary.ru/qbdqcb>
5. *Микаутадзе С.Р.* Общественные отношения как предмет уголовно-правового регулирования и объект социально-правового воздействия // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1 (29). С. 85-93. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-85-93>, <https://elibrary.ru/spcxti>
6. *Шматкова Е.М.* Государственно-правовое воздействие на экономику в РФ // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 5-6 (27-28). С. 260-264. <https://elibrary.ru/ojllhbh>
7. *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. Москва: Юридическая литература, 1963. 275 с.
8. *Тацый В.Я.* Объект и предмет преступления. Москва: Госиздат, 1986. 212 с.

9. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. Москва: Статут, 1999. 712 с. <https://elibrary.ru/rmlyff>
10. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3. С. 419-430. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).419-430](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).419-430), <https://elibrary.ru/wzytlx>

References

1. Malko A.V. (2012). Prohibitions as a means of legal policy. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya «Pravo» = Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Law Series*, no. 1 (11), pp. 3-11. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pgcwft>
2. Lyapunov Yu.I. (2005). Criminal law: subject matter and method of regulation and protection. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, no. 1, pp. 48-52. (In Russ.)
3. Karpushin M.P., Kurl'yandskii V.N. (1974). *Criminal Liability and the Offence*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 232 p. (In Russ.)
4. Bavsun M.V. (2013). Ratio criminal law and criminal law regulation. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Law Herald*, no. 2 (26), pp. 56-63. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qbdqcb>
5. Mikautadze S.R. (2024). Public relations as a subject of criminal law regulation and an object of social and legal impact. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1 (29), pp. 85-93. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-85-93>, <https://elibrary.ru/spexti>
6. Shmatkova E.M. (2011). State-legal influence on economy in the Russian Federation. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social-Economic Phenomena and Processes*, no. 5-6 (27-28), pp. 260-264. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ojlbhb>
7. Brainin Ya.M. (1963). *Criminal Liability and Its Basis in Soviet Criminal Law*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 275 p. (In Russ.)
8. Tatsiy V.Ya. (1986). *Object and Subject of the Crime*. Moscow, Gosizdat Publ., 212 p. (In Russ.)
9. Alekseev S.S. (1999). *Law: ABC – Theory – Philosophy: Experience of Comprehensive Research*. Moscow, Statut Publ., 712 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rmlyff>
10. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. (2016). The repressive approach to addressing social issues: causes and consequences. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, vol. 10, no. 3, pp. 419-430. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).419-430](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).419-430), <https://elibrary.ru/wzytlx>

Поступила в редакцию / Received 15.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 23.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.9

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-281-290>

Шифр научной специальности 5.1.4

Правовые особенности деятельности органов прокуратуры по ранней профилактике преступности

Каширина Ольга Николаевна,

старший советник юстиции, Прокуратура Липецкой области, Российская Федерация, 398000, г. Липецк, ул. Зегеля, 25, <https://orcid.org/0009-0001-8640-5425>, demchukolga@rambler.ru

Аннотация

Важное место в современных условиях занимает ранняя профилактика преступности, которая приобретает особую социальную эффективность в борьбе с противоправными деяниями. До конца 80-х гг. XX века данному направлению научных изысканий уделялось особое внимание, поскольку на практике доказало свою целесообразность и эффективность. В 1990-е гг., с изменением приоритетов в научных исследованиях, изучение ранней профилактики преступности стало менее актуальным, и основное внимание было уделено организации борьбы с уже существующей преступностью. Принятие в 2016 г. Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» не решило всех проблем. Правоприменители столкнулись с рядом проблем, связанных с реализацией положений указанного законодательного акта. Следует отметить, что на момент принятия ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» уровень преступности в Российской Федерации был достаточно высоким. Особое место в ранней профилактике преступности отведено органам прокуратуры Российской Федерации. Цель настоящей научной статьи – определить особенности реализации органами прокуратуры своих полномочий в части ранней профилактики преступности. В результате исследования сделаны выводы о важности деятельности органов прокуратуры по ранней профилактике преступности.

Ключевые слова

органы прокуратуры, ранняя профилактика преступности, правовое обеспечение, контроль за исполнением законодательства, анализ законодательных норм, законодательная основа, государственно-правовая политика

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

О.Н. Каширина – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Каширина О.Н. Правовые особенности деятельности органов прокуратуры по ранней профилактике преступности // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 281-290. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-281-290>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-281-290>

OECD 5.05; ASJC 3308

Legal features of the activities of prosecutor's office in the early crime prevention process

Olga N. Kashirina

Senior Justice Advisor, Lipetsk Region Prosecutor's Office, 25 Zegelya St., Lipetsk, 398000, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0001-8640-5425>, demchukolga@rambler.ru

Abstract

Until the end of the 80s of the 20th century, this direction of scientific research has received special attention, because in practice it proved its feasibility and effectiveness. In the 1990s, with the change of priorities in scientific research, the study of early crime prevention became less relevant, and the focus was on the organization of the fight against already existing crime. The adoption in 2016 of the Federal Law "On the Fundamentals of the System of Prevention of Offenses in the Russian Federation" did not solve all the problems. Law enforcers faced a number of problems related to the implementation of the provisions of said legislative act. It should be noted that at the time of the adoption of the Federal Law "On the Fundamentals of the System of Prevention of Offenses in the Russian Federation" the level of crime in the Russian Federation was quite high. A special place in the early prevention of crime is assigned to the prosecutor's office of the Russian Federation. The purpose of this scientific article is to determine the peculiarities of the realization by the procuratorial bodies of their powers in terms of early prevention of crime. As a result of the study, conclusions are drawn about the importance of the activities of the prosecutor's office in the early prevention of crime.

Keywords

prosecution services, early crime prevention, legal support, legislation enforcement, legislative analysis, legislative framework, state legal policy

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

O.N. Kashirina – concept development, normative documents collection and processing, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Kashirina, O.N. (2025). Legal features of the activities of prosecutor's office in the early crime prevention process. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 281-290. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-281-290>

Введение. Постановка проблемы.

Актуальность темы настоящей статьи определяется тем, что за последнее время преступность в Российской Федерации приобретает новые виды и формы. Это является результатом тех социально-экономических преобразований, которые происходят в на-

шей стране. Кроме того, развитие компьютерных и цифровых технологий привело к появлению нового вида преступности – киберпреступления.

По данным МВД России в 2024 г. наблюдается тенденция к общему снижению

числа совершенных преступлений¹. В частности, на 7,7 % сократились преступления против личности; убийств и покушений на убийство стало меньше на 9,8 %; на 8,1 % уменьшилось количество преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью.

Такая ситуация, прежде всего, связана с организацией мероприятий по ранней профилактике преступности в Российской Федерации.

Бесспорно, что ранняя профилактика преступлений является весьма действенным и эффективным способом, направленным на поддержание правопорядка в нашей стране, важная роль в обеспечении которого отводится органам прокуратуры.

В соответствии со статьей 129 Конституции Российской Федерации прокуратура Российской Федерации – это единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются федеральным законом².

В силу положений статьи 5 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» органы прокуратуры относятся к субъектам профилактики, что определяется их местом в государственной системе по предупреждению преступности в нашей стране. Прокуратура РФ – это надзирающий орган, который контролирует исполнение в стране положений действующего законодательства. Не стоит забывать, что органы прокуратуры представляют собой единое государственное властное образование, задача которого за-

ключается в надзоре за исполнением действующих законов в Российской Федерации [1, с. 359].

Органы прокуратуры характеризуются двумя особенностями, во-первых, они реализуют свои полномочия в условиях определенной самостоятельности; во-вторых, они не входят ни в одну из ветвей государственной власти.

В этой связи многие правоведы рассматривают прокуратуру как четвертую ветвь власти, которую относят к категории контрольной власти [2, с. 314]. При этом, исходя из положений Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» субъекты профилактики, к которым принадлежит прокуратура, реализуют свои полномочия в пределах компетенции, установленной Федеральным законом. Таким образом, через контрольную и надзорную функцию прокуратура реализует полномочия по ранней профилактике преступности.

Обсуждение. Результаты исследования

Важной особенностью правового регулирования деятельности субъектов профилактики правонарушений является то, что их перечень, приведенный в статье 5 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», является исчерпывающим и не может быть расширен в рамках указанного закона.

В статье 9 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» указывается на то, что органы прокуратуры Российской Федерации осуществляют профилактику правонарушений, обеспечивая надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и их должностными лицами в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». Диспозиция этой нормы пересекается с концепцией того, что органы прокуратуры наделены ведущей и руководящей ролью в деле противодействия преступности.

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 11.02.2025).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.02.2025).

Исходя из системного анализа положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» основная особенность деятельности органов прокуратуры в рамках реализации ранней профилактики преступности состоит в том, что с помощью надзорных мероприятий осуществляется контроль за исполнением законодательства о профилактике преступлений. Кроме того, именно органы прокуратуры обеспечивают координацию деятельности всей системы правоохранительных органов в мероприятиях по борьбе с преступностью.

Таким образом, как отмечает Ю.Е. Винокуров и А.Ю. Винокуров, с помощью прокурорского надзора, как особого вида государственной деятельности, происходит проверка соблюдения поднадзорными органами, которые выступают субъектами ранней профилактики преступности, соблюдения Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [3, с. 17]. Прежде всего, речь идет о прокурорских правовых средствах надзора.

Деятельности органов прокуратуры в части ранней профилактики преступлений является не новой. В период действия Закона СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР» эта деятельность являлась самостоятельной и квалифицировалась как внешне функциональная [4, с. 3].

В современных условиях профилактика ранней преступности стала новой функцией органов прокуратуры, которая не была определена на законодательном уровне. Подтверждением данной точки зрения являются положения Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», где отсутствует прямое указание на данную функцию. Вместе с тем, исходя из положений статьи 129 Конституции РФ эти полномочия были определены в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и таким образом через конституционные нормы были расширены полномочия органов прокуратуры как надзирающего органа.

В системной взаимосвязи статей 5, 6 и 9 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» следует определить, что органы прокуратуры РФ наделены полномочиями по реализации специальных мер проведения ранней профилактики преступности. При этом все действия происходят в пределах компетенции и полномочий. Однако основной правовой проблемой, требующей разрешения в рамках положений норм действующего законодательства, будет определение более конкретных полномочий, которые должны соотноситься с Федеральным законом «О прокуратуре РФ». Конечно, можно сослаться на положения статьи 17 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», где определены пять видов форм профилактического воздействия. По мнению А.Ю. Винокурова, в современных условиях реализация ранней профилактики преступлений со стороны органов прокуратуры состоит в проведении профилактической беседы [5, с. 622].

Данная точка зрения является весьма спорной и это связано с законодательным регулированием профилактики преступлений.

Во-первых, список субъектов, которые наделены полномочиями проведения профилактических мероприятий (ст. 5 Федерального закона № 182-ФЗ).

Во-вторых, в статье 17 Федерального закона № 182-ФЗ представлен список мер профилактического воздействия потенциальных нарушителей закона.

В-третьих, не все из указанных в статье 5 Федерального закона № 182-ФЗ субъекты на законодательном уровне наделены полномочиями, представленными в статье 17 Федерального закона № 182-ФЗ, например, исходя из положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» этот субъект не наделен таким видом профилактического воздействия, как «профилактический учет».

Таким образом, возникает определенная правовая неопределенность, связанная с тем, что в части правового регулирования деятельности субъектов профилактического воздействия не получила должного правового

го наполнения на уровне законодательных актов, регламентирующих их деятельность.

Следует отметить, что полномочия органов прокуратуры являются более расширенными, чем федеральных органов исполнительной власти; следственных органов Следственного комитета РФ; органов государственной власти субъектов РФ; органов местного самоуправления. Это связано с полномочиями по проведению надзорных мероприятий за соблюдением действующего законодательства. Это определено положениями действующего Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», которые реализуются через обеспечение единства и укрепления законности. Кроме того, по мнению Е.В. Ступаченко, еще одна особенность деятельности органов прокуратуры, которая накладывает определенный отпечаток на раннюю профилактику преступности, – это обеспечение координации деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью [6, с. 155]. Это реализуется благодаря проведению координационных совещаний, по итогам которых прокуратура контролирует принятые решения.

Исходя из анализа правовых норм, органы прокуратуры наделены большим объемом полномочий по сравнению с другими субъектами ранней профилактики преступности.

Важная особенность правового регулирования ранней профилактики преступности органами прокуратуры состоит в том, что положения Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в соотношении с положениями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» определяют то, что прокурорский надзор отличается от прокурорской деятельности по предупреждению преступности. Таким образом, имеет место реализация двух полномочий – предупреждение преступности и надзорные полномочия в рамках исполнения законодательства о предупреждении преступности. Говоря иначе, деятельность прокуратуры по профилактике правонарушений может осуществляться как в процессе осуществления прокурорского надзора, так и в процессе

реализации ненадзорных функций органами прокуратуры [7, с. 55].

Органы прокуратуры имеют определенный превентивный потенциал, который реализуется путем проведения надзора, который включает в себя порядка 30 поднаправлений. Следовательно, именно прокурорский надзор занимает важное место в системе ранней профилактики преступности. В качестве правовой основы выступает не только Федеральный закон «О прокуратуре РФ», но и приказ Генерального прокурора № 195 от 07 декабря 2007 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» (далее – Приказ № 195)³. Конечно, в них нет прямого указания на проведение профилактических мероприятий в рамках предупреждения преступности, но исходя из положений статьи 1 Федерального закона «О прокуратуре РФ» и пункта 2; пунктом 14 Приказа № 195 в основу надзора положено проведение именно профилактических мероприятий.

Таким образом, в рамках реализации полномочий по ранней профилактике преступности органы прокуратуры используют два вида полномочий, во-первых, проведение надзорных мероприятий, во-вторых, организационное взаимодействие с органами государственной власти, местными органами власти, а также с надзорными и контрольными органами в различных областях.

Еще одно направление деятельности прокуратуры по ранней профилактике преступности – это их участие в рассмотрении уголовных дел.

В уголовном процессе сотрудник прокуратуры действует как процессуальное, так должностное лицо. Его полномочия определены УПК РФ и Законом «О прокуратуре РФ».

Участие прокурора в уголовном процессе, как государственного обвинителя, связано с изучением и анализом материалов уголовного дела. При этом он должен тщательно

³ Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генпрокуратуры России от 7 декабря 2007 г. № 195. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75181?ysclid=m8iffprkqc438499939 (дата обращения: 11.02.2025).

но исследовать материалы уголовного дела, дать им правовую оценку. Отдельное внимание прокурор должен обратить на показания подсудимого, особенно на те обстоятельства, которые стали причиной совершения уголовно наказуемого деяния, на то, что способствовало осуществлению виновным преступного умысла и почему он встал на путь нарушения закона. Фактически, исходя из полномочий прокурора, как государственного обвинителя, речь идет об анализе, направленном на выявление причин и условий.

Кроме участия в уголовном процессе, в силу положений статьи 45 Гражданского процессуального кодекса РФ прокурор может участвовать и в гражданском судопроизводстве⁴. В рамках своих полномочий он также изучает и анализирует те причины, которые привели к возникновению спорных правоотношений.

Анализируя полномочия органов прокуратуры по раннему предупреждению преступности, можно констатировать, что они будут реализовываться по двум направлениям:

- несудебное;
- судебное.

В первом случае, все действия органов прокуратуры не связаны с теми полномочиями, которые определены процессуальным законодательством (ст. 37 УПК РФ и ст. 45 ГПК РФ).

Второе направление – судебное, основано на исследовании доказательств, которые имеют важное процессуальное значение при вынесении приговора. В рамках уголовного судопроизводства реализуются такие полномочия, как выявление причин и условий совершения преступлений. Можно сказать, что это первая и основная часть ранней профилактики преступности.

Итак, рассмотрим основные направления деятельности органов прокуратуры по ранней профилактике преступности.

1. Выявление причин и условий, способствовавших совершению преступного

деяния, которое основано на обобщении и анализе тех причин, которые сделали возможным совершение противоправного деяния. Органы прокуратуры анализируют материалы уголовного дела с целью установить два момента, первый из которых – определить так называемый «крест преступления», то есть объект, субъект, объективную и субъективную стороны преступления. Второй – установить причинно-следственную связь. В системной взаимосвязи эти две составляющие будут способствовать установлению причин совершения преступления и помогут определить, какие меры профилактики лучше всего использовать в той или иной ситуации.

2. Анализ статистики преступлений. О необходимости анализа говорилось выше при изучении такого направления, как выявление причин и условий, способствовавших совершению преступного деяния. Конечно, можно сказать, что анализ статистики преступлений является составной частью любого направления ранней профилактики преступности, но это не совсем так. В данном случае органы прокуратуры анализируют те преступления, которые чаще всего совершаются в конкретный промежуток времени. Например, в начале XXI века информационно-телекоммуникационная сеть Интернет стала доступнее для граждан Российской Федерации, что повлияло на развитие киберпреступности. В 2011 г. интернет-технологии стали развиваться очень бурно, что дало новый виток киберпреступлений. Пандемия COVID-19 заставила практически всех граждан РФ более активно использовать цифровые технологии, например, переход работодателей и работников на дистанционную работу. Все это послужило дополнительным фактором, способствовавшим росту киберпреступности. Чаще всего жертвами киберпреступников становились лица, которые ранее не понимали предназначение цифровых и информационных технологий, то есть лица старше 50 лет. Все эти обстоятельства стали причиной такого направления ранней профилактики преступности, как повышение информационной грамотности населения. В этой связи сформировался положительный опыт, который был предложен прокуратурой Липецкой области. На базе

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ: принят Государственной Думой 23 октября 2002 г., одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ab1b43b3b04b35c25fc009154811e9ac2852e36a/?ysclid=m8jtn4w9rx486384124 (дата обращения: 12.02.2025).

высших учебных заведений для лиц пенсионного и предпенсионного возраста проводились занятия по финансовой и информационной грамотности. Проведение таких профилактических мероприятий по ранней профилактике киберпреступности дало свои положительные результаты. В регионе в 2024 г. раскрываемость киберпреступлений увеличилась в 1,6 раза. В том числе это произошло благодаря проведению мер по ранней профилактике этого вида преступности⁵.

3. Просветительская и иная образовательная программа. Основная цель этого направления ранней профилактики преступности органами прокуратуры заключается в повышении правовой грамотности населения Российской Федерации, а также развитие правосознания. Максимальная эффективность реализации просветительской и иных образовательных программ достигается путем их комплексного использования. Основная цель этого направления – устранение правового нигилизма. Все действия регламентированы приказом Генерального прокурора РФ от 2 августа 2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию»⁶. Органы прокуратуры большое внимание уделяют проведению просветительской работы среди несовершеннолетних. Это главное значимое направление ранней профилактики преступности, поскольку именно эта категория граждан больше всего подвержена воздействию с целью вовлечения в преступную деятельность. После начала специальной военной операции (СВО) участились случаи привлечения несовершеннолетних через социальные сети к преступлениям террористической направленности. Самым эффективным в данной ситуации будет проведение просветительской работы, разъяснение им всей тяжести последствий совершения данного вида преступного дея-

⁵ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года.

⁶ Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию: Приказ Генерального прокурора РФ от 2 августа 2018 г. № 471 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304447/?ysclid=m8jx5nhbvq490536096 (дата обращения: 11.02.2025).

ния. В качестве примера следует привести опыт Прокуратуры Липецкой области, сотрудники которой совместно с педагогическими работниками общеобразовательных и высших учебных заведений проводят семинарские занятия по теме профилактики преступлений террористической направленности. Это дало положительный результат. По состоянию на 31 декабря 2024 г. количество преступлений среди несовершеннолетних снизилось на четверть⁷. Кроме того, «важным аспектом, способствующим снижению преступности среди несовершеннолетних, является улучшение условий для их социализации. В последние годы наблюдается рост числа программ, направленных на вовлечение молодежи в активные формы досуга и развитие их навыков. Такие инициативы помогают подросткам найти конструктивные способы самовыражения и снижают вероятность совершения правонарушений» [8, с. 581].

4. Изучение личности подростка. Это направление ранней профилактики преступности органами прокуратуры заслуживает особого внимания. В связи со сложной социально-экономической ситуацией в нашей стране преступность имеет тенденцию к омоложению, а участники организованных преступных групп все чаще привлекают для совершения преступных деяний подростков. Их убеждают в том, что уголовная ответственность будет незначительной, ведь они совершают деяние в первый раз. Многие из молодых людей соглашаются на совершение преступлений, чтобы быть независимыми и скорее войти в самостоятельную жизнь. Основная трудность ранней профилактики по этому направлению состоит в том, что работу с молодежью проводят не только сотрудники правоохранительных органов, но и представители преступных сообществ. Происходит «романтизация преступности», все чаще в повседневной речи употребляется «блатной жаргон», наносятся татуировки явно тюремного характера. Преступная субкультура проникает во все сферы жизнедеятельности. В этой связи необходимо активизировать получение информации органами

⁷ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года.

прокуратуры о противоправных деяниях среди подростков. Анализ и обобщение таких сведений будет служить хорошим подспорьем в установлении причин совершения преступлений для последующего их предотвращения. Предлагается использовать опыт, который был распространен в СССР. Была выстроена следующая модель ранней профилактики преступности.

Во-первых, активное участие в профилактике принимали люди с большим жизненным опытом и пользующиеся доверием в подростковой среде.

Во-вторых, использование форм и методов исправительно-профилактической работы среди подростков.

В-третьих, при рассмотрении дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, судам рекомендовалось отдавать предпочтение наказаниям, не связанным с лишением свободы.

В-четвертых, широкое распространение получили принудительные меры воспитательного характера.

5. Объявление предостережения. Данное направление ранней профилактики непосредственно вытекает из полномочий органов прокуратуры при осуществлении надзора. В случае получения достоверных данных о готовящихся преступлениях, органам прокуратуры необходимо объявить предостережение с целью ранней профилактики совершения преступного деяния.

6. Вынесение представления – это акт прокурорского реагирования в части выявления нарушений уголовно-процессуального законодательства, которое носит систематический характер. Основная цель этого направления ранней профилактики состоит в устранении причин, которые способствовали совершению преступных деяний. Все это определено положениями статьи 24 Закона «О прокуратуре РФ» [9, с. 40].

Таким образом, анализ основных направлений ранней профилактики преступности органами прокуратуры показал, что они используются в системной взаимосвязи между собой. Конечно, они требуют определенной правовой корректировки в связи с изменениями в социально-криминальной обстановке в стране, обусловивших появление новых составов преступлений, которые

требуют нового подхода в реализации полномочий органов прокуратуры по ранней профилактике преступлений. Своевременное использование направлений ранней профилактики преступлений должно быть основано на эффективной государственной правовой политике, которая требует законодательного регулирования.

Важным моментом в деятельности органов прокуратуры в части ранней профилактики преступности является их надзорная деятельность. Это вытекает из положений Закона «О прокуратуре РФ» и ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [10, с. 73]. В основу профилактики положено получение сведений о нарушениях закона. Именно это позволит выбрать и определить основные направления профилактических мероприятий.

Заключение

Таким образом, основной первостепенной правовой особенностью деятельности органов прокуратуры по ранней профилактике преступлений является использование трех основных направлений деятельности: надзорной, контрольной и координирующей. Важная правовая особенность деятельности органов прокуратуры по ранней профилактике преступности состоит в наличии причинно-следственной связи между расследованием преступления и профилактикой. Это значит, что расследование совершенного преступного деяния не может быть завершено без определения и реализации мер по профилактике преступности. В свою очередь, ранняя профилактика не может быть эффективной без полного и всестороннего расследования уголовного дела. Можно сказать, что расследование преступления и его профилактика являются взаимно обусловленными, и одно не может существовать без другого.

Максимальный эффект направлений по ранней профилактике преступности будет достигнут благодаря использованию полномочий органов прокуратуры по координации деятельности всех субъектов по предупреждению преступлений, которые перечислены в статье 5 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Не следует забы-

вать и о других полномочиях, с помощью которых может быть достигнут максимальный эффект от мер по ранней профилактике, а именно, правовое просвещение и правовое информирование с целью устранения право-

вого нигилизма и правовой безграмотности. Осознание гражданами негативных последствий противоправных действий может стать сдерживающим фактором, предотвращающим их совершение.

Список источников

1. *Насипов Д.Д.* Органы прокуратуры и функция предупреждения преступности // Молодой ученый. 2023. № 23 (470). С. 359-361. <https://elibrary.ru/frsuzk>
2. Правоохранительные органы России / под ред. В.П. Божьева. Москва: Высшее образование, 2008. 336 с. <https://elibrary.ru/qqodfp>
3. *Винокуров Ю.Е., Винокуров А.Ю.* Прокурорский надзор. Москва: Юрайт, 2015. 472 с. <https://elibrary.ru/typbzf>
4. *Бобреньев В.А.* О соотношении функций и направлений прокурорской деятельности в Российской Федерации // Полицейская и следственная деятельность. 2017. № 4. С. 1-8. <https://doi.org/10.25136/2409-7810.2017.4.24381>, <https://elibrary.ru/ymyqlv>
5. *Винокуров А.Ю.* К вопросу об участии органов прокуратуры в профилактике правонарушений в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 620-626. <https://doi.org/10.7256/1999-2807.2016.7.19590>, <https://elibrary.ru/wkbukl>
6. *Ступаченко Е.В.* Взаимодействие органов прокуратуры с постоянно действующими координационными совещаниями по обеспечению правопорядка в субъектах Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 245 с. <https://elibrary.ru/jiagex>
7. *Петров А.И.* Деятельность прокуратуры по правовому просвещению как средство профилактики правонарушений и преступлений // OECONOMIA ET IUS. 2018. № 3. С. 48-62. <https://elibrary.ru/ybcbjbj>
8. *Кузьменко Э.Ю., Ментюкова М.А.* К вопросу об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних и структуре преступности (региональный аспект) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4 (32). С. 576-586. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-576-586>, <https://elibrary.ru/ybeiao>
9. *Ерғашев Е.Р., Габышева Е.А.* Правовые средства прокурора: проблемы осмысления, применения и правового регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 5. С. 38-44. <https://elibrary.ru/mkjekt>
10. *Артамонов А.Н.* Полномочия прокурора при надзоре за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия // Законодательство и практика. 2016. № 1. С. 73-80. <https://elibrary.ru/whamfd>

References

1. Nasipov D.D. (2023). Procuratorial bodies and the function of crime prevention. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, no. 23 (470), pp. 359-361. (In Russ.) <https://elibrary.ru/frsuzk>
2. Bozh'eva V.P. (ed.) (2008). *Law Enforcement Agencies of Russia*. Moscow, Higher Education Publ., 336 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qqodfp>
3. Vinokurov Yu.E., Vinokurov A.Yu. (2015). *Procuratorial Supervision*. Moscow, Yurait Publ., 472 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/typbzf>
4. Bobrennev V.A. (2017). On the correlation of functions and directions of prosecutorial activity in the Russian Federation. *Politseiskaya i sledstvennaya deyatel'nost' = Police and Investigative Activity*, no. 4, pp. 1-8. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-7810.2017.4.24381>, <https://elibrary.ru/ymyqlv>
5. Vinokurov A.Yu. (2016). On the issue of participation of prosecutor's offices in the prevention of offenses in the Russian Federation. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and Municipal Law*, no. 7, pp. 620-626. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/1999-2807.2016.7.19590>, <https://elibrary.ru/wkbukl>
6. Stupachenko E.V. (2019). *Interaction of Prosecutor's Offices with Permanent Coordination Meetings to Ensure Law and Order in the Subjects of the Russian Federation*. Cand. Sci. (Law) diss. Moscow, 245 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jiagex>
7. Petrov A.I. (2018). Activity of prosecutor's office on legal education as a means for preventing offenses against the laws and crimes. *OECONOMIA ET IUS*, no. 3, pp. 48-62. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ybcbjbj>

8. Kuz'menko E.Yu., Mentyukova M.A. (2024). On the issue of peculiarities of juveniles criminal liability and the structure of crime (regional aspect). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4 (32), pp. 576-586. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-576-586>, <https://elibrary.ru/ybeiao>
9. Ergashev E.R., Gabysheva E.A. (2018). Legal means of the prosecutor: problems of understanding, application, and legal regulation. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Research*, no. 5, pp. 38-44. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mkjekt>
10. Artamonov A.N. (2016). Prosecutor's powers in supervising application of laws by interrogation and preliminary examination agencies. *Zakonodatel'stvo i praktika = Legislation and Practice*, no. 1, pp. 73-80. (In Russ.) <https://elibrary.ru/whamfd>

Поступила в редакцию / Received 13.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 24.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Правила для авторов составлены на основе «Белой книги Совета научных редакторов о соблюдении принципов целостности публикаций в научных журналах, обновленная версия 2012 г.» (CSE's White Paper on Promotion Integrity in Scientific Journal Publications, 2012 Update) и «Рекомендаций по проведению, описанию, редактированию и публикации результатов научной работы в медицинских журналах, 2025» (ICMJE Recommendations for the Conduct, Reporting, Editing and Publication of Scholarly Work in Medical Journals, 2025).

Основные рубрики журнала:

- Общая теория и история права и государства
- Проблемы частного и публичного права
- Актуальные проблемы уголовно-правовых наук
- Обзоры, рецензии, аналитика

РЕКОМЕНДАЦИИ АВТОРУ ДО ПОДАЧИ СТАТЬИ

Представление статьи в журнал «Актуальные проблемы государства и права» подразумевает, что:

- статья не была опубликована ранее в другом журнале;
- статья не находится на рассмотрении в другом журнале;
- все соавторы согласны с публикацией текущей версии статьи;
- получено согласие – неявное или явное организации, в которой исследование было проведено.

Перед отправкой статьи на рассмотрение убедитесь, что в файле (файлах) содержится вся необходимая информация на русском и английском языках, указаны источники информации, размещенной на рисунках и таблицах, все цитаты оформлены корректно.

На титульном листе статьи размещаются (на русском и английском языках):

В верхнем левом углу обязательно проставляется код тематической направленности статьи согласно таблицам Универсальной десятичной классификации (УДК).

На следующей строке необходимо указать код специальности согласно номенклатуре научных специальностей ВАК.

i. Имя автора (авторов)

Авторы – это люди, которых научная группа определила как основных участников изложенной работы и которые согласились взять на себя ответственность за свою работу. Кроме ответственности за свою часть работы, автор должен быть в состоянии указать, кто из его соавторов ответственен за другие части работы. Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу либо указывается в алфавитном порядке, если вклад авторов равный.

Журнал «Актуальные проблемы государства и права» принимает следующие критерии авторства:

1. Существенный вклад в замысел и дизайн исследования, сбор данных или анализ и интерпретацию данных.
2. Подготовка статьи или ее критический пересмотр в части значимого интеллектуального содержания.
3. Окончательное одобрение варианта статьи для опубликования.

В список авторов не включаются люди, не являющиеся авторами статьи. Имена людей, которые не являются авторами, но оказали иную поддержку, указывают в разделе «Благодарности».

На русском языке при указании авторов статьи следует указывать полностью фамилию, имя и отчество (Иванов Петр Сергеевич, Петрова Мария Николаевна).

На английском языке при указании авторов статьи используется формат «Имя, инициал отчества, фамилия» (Ivan I. Ivanov). Фамилии на английском языке необходимо указывать в соответствии с заграничным паспортом или так, как она была указана в ранее опубликованных статьях. Если автор не имеет заграничного паспорта и/или публикаций, для транслитерации фамилии и имени необходимо использовать стандарт BSI.

ii. Информация об авторе (авторах)

Перечисляются ученая степень, ученое звание, почетные звания (при наличии), должность, электронный адрес автора, контактные телефоны, ORCID, другие постоянные идентификаторы автора (обязательная регистрация в eLibrary, если это не первая работа автора).

Здесь также указывается e-mail автора, ответственного за переписку.

Для аспирантов необходима рекомендация научного руководителя.

iii. Аффiliation автора (авторов)

Аффiliation включает в себя следующие данные: полное официальное название организации, полный почтовый адрес (включая индекс, город и страну). Авторам необходимо указывать все места работы, имеющие отношение к проведению исследования.

Если в подготовке статьи принимали участие авторы из разных учреждений, необходимо указать принадлежность каждого автора к конкретному учреждению с помощью надстрочного индекса.

Необходимо официальное англоязычное название учреждения для блока информации на английском языке (согласно Уставу научной организации).

iv. Название статьи

Название статьи на русском языке должно соответствовать содержанию статьи.

Англоязычное название должно быть грамотно с точки зрения английского языка, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

v. Аннотация (Abstract)

Аннотация (объем 150–200 слов) в обязательном порядке должна включать: введение (постановка проблемы), цель исследования (в виде подтверждения или опровержения научной гипотезы), описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах, область применения результатов, выводы о достижении цели исследования (например, Рассмотрено... Цель исследования... Обосновано... Доказано... Проанализировано... Сформировано... Сделан вывод...).

В аннотацию не следует включать впервые введенные термины, аббревиатуры, ссылки на другие работы. Текст аннотации должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, лишних вводных слов, общих и незначащих формулировок. Текст должен быть связным. Текст не должен быть разделен на абзацы, выделяться курсивом, подчеркиванием.

Аннотация должна быть:

- информативного характера и давать возможность установить основное содержание документа, его актуальность, цель, значимость для науки и практики, методологию и т. д.;
- содержательной (отражать основную суть статьи и полученные результаты исследования);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- оформлена в качестве англоязычной версии, представляющей собой качественный перевод на английский язык русскоязычной авторской аннотации;
- компактной и, вместе с тем, формирующей общее представление о научно-исследовательских характеристиках работы.

vi. Ключевые слова (Keywords)

Ключевые слова на русском и английском языках (не более 10 ключевых слов или словосочетаний, отражающих специфику темы, объект, результаты исследования и служащих ключом при поиске соответствующей информации) дополняют аннотацию и название статьи. Использование аббревиатур, заключение в кавычки нежелательно.

vii. Благодарности (Acknowledgements)

Указываются благодарности организациям, людям, которые участвовали в работе над статьей, но не являются ее авторами. Участие в работе над статьей подразумевает: рекоменда-

ции по совершенствованию исследования, предоставление пространства и материалов для исследования, сбор данных, критический анализ данных, техническую редакцию текста, научную редакцию текста, вычитку.

viii. Финансирование (Funding)

Сведения о грантах, финансировании научного исследования, подготовки и публикации статьи.

ix. Вклад авторов (Author's contribution)

Необходимо пользоваться таксономией научных ролей CRediT (Contributor Roles Taxonomy, <http://www.casrai.org/credit.html>), чтобы фиксировать, какой именно вклад сделал тот или иной ученый в публикуемое исследование. Все члены группы авторов должны отвечать всем четырём критериям авторства:

- 1) разработка концепции и дизайна или анализ и интерпретация данных;
- 2) обоснование рукописи или проверка критически важного интеллектуального содержания;
- 3) окончательное утверждение для публикации рукописи;
- 4) согласие быть ответственным за все аспекты работы.

x. Конфликт интересов (Conflict of interests)

Конфликт интересов – это условия, при которых у людей возникают вступающие в конфликт или конкурирующие интересы, способные повлиять на принятие редакторского решения. Конфликты интересов могут быть потенциальными или осознанными, а также реально существующими (финансовые отношения, служба или работа в учреждениях, имеющих финансовый или политический интерес к публикуемым материалам, должностные обязанности, личные или религиозные факторы и др.).

Автор обязан уведомить редактора о реальном или потенциальном конфликте интересов в процессе подачи рукописи. Автор, ответственный за переписку, обязан предоставить заявление от имени всех авторов, используя один из стандартных вариантов:

- «Авторы заявляют о наличии следующих конфликтов интересов: ...».
- «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.»
- «Авторы заявляют, что связаны соглашениями о конфиденциальности, которые не позволяют раскрывать их конфликт интересов по данной работе.»

При наличии конфликта интересов автор может попросить главного редактора исключить из рассмотрения присланной им статьи какого-либо конкретного рецензента.

xi. Текст статьи

Объем рукописи от 0,5 до 1,0 п.л. (20–40 тыс. знаков). Опубликование материалов меньшего или большего объема должно согласовываться с главным редактором журнала.

При подготовке рукописи автору следует ориентироваться на профиль и рубрики журнала. При проверке в системе «Антиплагиат» оригинальность текста должна составлять не менее 70 %. Редакция оставляет за собой право не публиковать статьи с уникальностью текста менее 70 %, в остальные 30 % могут входить следующие корректные заимствования: ссылки на научные источники, нормативно-правовые акты, а также совпадение терминов и устойчивых словосочетаний, принятых в данной сфере науки, а также наименование публикаций, конференций, нормативно-правовых актов, ГОСТов, физических и юридических лиц и т. д., компактные группы высказываний и отдельные высказывания с соответствующими сносками на них.

В журнале принят формат IMRAD (Introduction, Methods, Results, Discussion).

Статья в ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ должна быть структурирована, каждый раздел статьи – ПОИМЕНОВАН.

– В обязательном **введении** должна быть отражена постановка проблемы в общем виде и ее связь с исследованиями в данной области и публикациями с обязательными ссылками в тексте на используемую литературу (также все заимствования в статье должны быть корректно оформлены); анализ последних публикаций, на которые опирается автор при решении заявленной проблемы; выделение ранее не разработанных аспектов проблемы, которым посвящена данная статья; формулировка целей исследования;

- **методы**, позволяющие воспроизвести результаты исследования;

– **результаты исследования:** изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов; основная часть может быть разбита на подразделы, имеющие свои названия;

– **выводы** о разрешении поставленной научной проблемы, научная новизна, теоретическое или практическое значение исследования, а также перспективы дальнейших научных разработок в данном направлении.

xii. Рисунки

Авторы гарантируют, что иллюстративный материал не нарушает интеллектуальные и авторские права других лиц.

Рисунки выполняются в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из приложений MS Office в сгруппированном виде. Графики, рисунки и фотографии монтируются в текст после первого упоминания о них, причем их нужно вставлять как объект или как метафайл. Рисунки должны быть хорошего качества, пригодные для печати (в разрешении 300 dpi).

Все рисунки должны иметь подрисуночные подписи на русском и английском языке. Подпись к рисунку не надо группировать с рисунком.

Рисунки нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Отсылки на рисунки оформляются следующим образом: «На рис. 3 указано, что ...» или «Указано, что ... (рис. 3)».

Подрисуночная подпись включает порядковый номер рисунка и его название. Выравнивается по центру: «**Рис. 2.** Описание жизненно важных процессов».

Точка после подрисуночной подписи не ставится.

При заимствовании рисунков обязательно помечается источник.

За оформление имеющихся в статье графических материалов ответственность несет автор. При верстке журнала они не редактируются. Все рисунки публикуются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации будут доступны только в электронной версии статьи.

xiii. Таблицы

Таблицы располагаются после первого упоминания о них в тексте. Таблицы должны быть хорошего качества, пригодные для печати. Не принимаются отсканированные таблицы или в виде рисунков.

Все таблицы должны иметь заголовки на русском и английском языках без точки в конце. Перевод заголовка таблицы следует располагать после заголовка таблицы на русском языке.

Таблицы нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Отсылки на таблицы оформляются следующим образом: «В табл. 3 указано, что ...» или «Указано, что ... (табл. 3)». Не пишете «в таблице выше/ниже» или «на рисунке на странице 2», потому что позиция и номер страницы таблицы или рисунка могут поменяться при верстке.

Заголовок таблицы включает порядковый номер таблицы и ее название. Выравнивается по центру: «**Таблица 1.** Анализ преступности несовершеннолетних».

Точка после заголовка таблицы не ставится.

Слова в таблицах должны быть написаны полностью с соблюдением переносов. Не должно быть пустых граф. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

xiv. Скриншоты и фотографии

Фотографии, скриншоты и другие нерисованные иллюстрации на первом этапе при подаче публикации могут быть включены в текст рукописи. В случае принятия публикации необходимо предоставить изображения разрешением >300 dpi. Формат *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx – в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки).

При заимствовании обязательно указать источник.

xv. Сноски

При оформлении ссылок необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления, ГОСТ Р 7.0.108-2022 Библиографические ссылки на электронные документы, размещенные в информационно-телекоммуникационных сетях. Общие требования к составлению и оформлению. В журнале используются **подстрочные ссылки**, вынесенные из текста вниз страницы (в сноску). Нумера-

ция сплошная (например, с 1-й по 32-ю). Сноски набираются шрифтом Times New Roman, высота шрифта – 12 пунктов, межстрочный интервал – одинарный, абзацный отступ – 0,7. В тексте знак сноски ставится перед знаком препинания (точкой, запятой, двоеточием, точкой с запятой).

xvi. Список источников

Список источников является **ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ** атрибутом любой научной статьи. Указание в списке всех цитируемых работ обязательно.

Список источников (обязательно) должен быть исчерпывающим: включать 10 и более источников, имеющих автора, содержать ссылки на современные периодические источники, опубликованные за последние 5 лет (не менее 50 %). Приветствуется введение в текст статьи ссылок на научные работы, ранее опубликованные в журналах Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Ссылка на собственные работы – не более 10 % от общего количества источников.

Библиографические ссылки в списках источников оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Автор несет ответственность за точность приводимых в его статье сведений, цитат и правильность указания названий книг, статей и других источников.

Если источник имеет DOI, EDN или другие идентификаторы, то их указание обязательно.

В журнале используется Ванкуверский формат цитирования, который подразумевает отсылку на источник в квадратных скобках и последующее упоминание источников в списке литературы в порядке упоминания. Страница указывается внутри скобок, через запятую и пробел после номера источника: [6, с. 8].

В список литературы включаются только рецензируемые источники (статьи из научных журналов и монографии), упоминающиеся в тексте статьи. Если имеется в виду ссылка на работу в целом, то в тексте страницы допустимо не указывать. В списке литературы для статей обязательно приводятся первая и последняя страницы в журнале или в сборнике статей, для монографий указывается общее количество страниц.

Ссылки на нормативные акты (включая законы, изданные отдельными брошюрами, конституции), архивные документы, рукописи, статистические справочники, публикации из Интернета, газеты, иные источники, не имеющие авторства, на разного рода пояснения автора и т.п. оформляются в виде обычных постраничных сносок и **в список источников не включаются**. При оформлении ссылок на газету необходимо указывать год, день и месяц ее выхода.

В описании каждого источника должны быть представлены все авторы.

Ссылки должны быть верифицированы, выходные данные проверены на официальном сайте журналов и/или издательств. В ссылках на статьи из журналов должны быть обязательно указаны год выхода публикации, том и номер журнала, номера страниц.

Составленный по правилам список источников должен иметь англоязычную версию (**References**), которая оформляется следующим образом: **заголовки книг, статей, на которые дается ссылка, переводятся на английский язык, а названия журналов, сборников статей, на статьи из которых дается ссылка, – транслитерируются**. Если журнал имеет официальное англоязычное название, оно указывается после транслитерированного через знак «=». После описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: (In Russ.).

Для транслитерации имен и фамилий авторов, названий журналов следует использовать стандарт BSL.

В качестве **образца** оформления рекомендуется использовать списки в статьях журнала, доступных по электронным адресам: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/>, <https://www.elibrary.ru/contents.asp?titleid=64858>

КАК ПОДАТЬ СТАТЬЮ НА РАССМОТРЕНИЕ

Прием статей осуществляется по электронной почте apgospravo.tgu@mail.ru

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 214, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Институт права и национальной безопасности.

В рамках процесса подачи рукописи авторы должны согласиться со всеми следующими пунктами. Рукопись может быть возвращена авторам, которые не придерживаются этих правил.

1. **Отсутствие плагиата в тексте.** Эта статья ранее не была опубликована, а также не представлена для рассмотрения и публикации в другом журнале. Если рукопись ранее была подана для рассмотрения в другие издания, но не была принята к публикации – обязательно укажите это в сопроводительном письме, в противном случае редакция может неверно истолковать результаты проверки текста на наличие неправомерных заимствований и отклонить рукопись.

2. **Правильный формат.** Файл отправляемой статьи представлен в формате документа *.doc, *.docx, *.rtf. Приведены полные интернет-адреса (URL) для ссылок там, где это возможно.

3. Текст набран в формате Microsoft Word (имеет расширение *.doc, *.docx, *.rtf), с полуторным межстрочным интервалом. Используется кегль шрифта Times New Roman в 14 пунктов. Все поля по 2 см. Абзацный отступ – 0,7. Переносы включены. Для выделения используется курсив, а не подчеркивание (за исключением интернет-адресов). Все рисунки и таблицы расположены в соответствующих местах в тексте, а не в конце документа.

4. Текст соответствует стилистическим и библиографическим требованиям, описанным в Правилах для авторов, размещенных на сайте журнала.

5. Если вы отправляете статью в рецензируемый раздел журнала, то выполнены требования документа Обеспечение слепого рецензирования (удалите имена авторов из названия статьи и других частей документа для обеспечения анонимности рецензирования).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕРВИСОВ НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

1. Чат-боты, такие как ChatGPT (и аналогичные ему) ни при каких условиях не могут быть указаны в качестве автора статьи либо персоны, внесшей вклад в подготовку статьи. Программы и инструменты на основе искусственного интеллекта не соответствуют требованиям авторства, поскольку не несут (и не могут нести) ответственность за представленную работу, не могут заявлять о наличии и отсутствии конфликта интересов, а также управлять авторскими правами.

2. Использование чат-ботов либо иных программ на основе искусственного интеллекта ЗАПРЕЩАЕТСЯ при написании ТЕКСТА статьи и МЕТАДААННЫХ или для генерации изображений.

3. В случае если ДЛЯ РЕДАКТИРОВАНИЯ ТЕКСТА, ПОИСКА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ, СБОРА И АНАЛИЗА ДАННЫХ использовалась программа на основе искусственного интеллекта, необходимо указать эту информацию в статье. Всегда указывайте версию программы и дату использования.

4. Ответственность за финальный текст статьи, представленный на рассмотрение в журнал «Актуальные проблемы государства и права», несет только автор, вне зависимости от того, какими программами на основе искусственного интеллекта и в каком объеме он пользовался.

5. Редакция журнала «Актуальные проблемы государства и права» использует модуль Антиплагиат, который позволяет обнаружить сгенерированный текст.

6. Никакие конфиденциальные материалы не могут быть переданы чат-боту с генеративным ИИ при работе редактора и рецензента со статьей.

Журнал «Актуальные проблемы государства и права» разделяет позицию международного издательского сообщества в отношении использования искусственного интеллекта при подготовке научных статей, изложенного в следующих документах: Chatbots, Generative AI and Scholarly Manuscripts ([WAME Recommendations on Chatbots and Generative Artificial Intelligence in Relation to Scholarly Publications](#)); Artificial intelligence (AI) in decision making.